4° P.o. russ. 4° (1

A Monsieur

Monsieur

de Caillouë &c., &c., &c.

le plus aimable des Voyageurs en Russie.

Offert de la part de l'auteur, pour souvenir d'un Russe, passioné pour la littérature française.

Le Prince Schalikoff

Le 28 juillet, 1830.

Moscou.

F3|77|98013

СОЧИНЕНІЯ

Князя Шаликова.

V. 45

EX DONO D. HENRICI CAILLOUE
IHS
BIBLIOT. S.J.
233

СОЧИНЕНІЯ

Князя Шаликова.

ÉTUDES IHS BIBLIOTHÈQUE

Часть первая.

ПРОЗА.

Qu'il est doux de se dire à soi-même:
Je n'ai point d'ennemis; j'ai des rivaux que j'aime!

Voltaire.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1819.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Января 20 дня 1819 года. *Ординарный Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Ценсоръ Михаилъ Снѣгиревъ.*

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ

ГРАФУ

СЕРГЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ

КАМЕНСКОМУ.

Исполненный живѣйшею благодарностію сердца не только за постоянное, за великодушнѣйшее благорасположеніе Вашего Сіятельства къ слабому дарованію моему, но и за важныя благодѣянія, неоднократно оказанныя Вами тѣмъ нещастнымъ, о которыхъ жребій судилъ мнѣ извѣщать моихъ соотечественниковъ, почитаю себя щастливымъ совершенно, имѣя случай сказать передъ цѣлымъ свѣтомъ, что я снискалъ въ Особѣ Вашей истиннаго Мецената!

Но одна ли моя Муза обязана Вашему Сіятельству? Въ мирномъ уединеніи

своемъ, при славномъ отдыхѣ отъ геройскихъ подвиговъ, увѣнчавшихъ чело Ваше лаврами неувядаемыми, Вы воздвигли достойный храмъ Таліи и Мельпоменѣ, оживотворяете таланты питомцевъ ихъ, образуете вкусъ своего общества и доставляете ему благороднѣйшія забавы.

Да удостоятся новой, лестной благосклонности Вашего Сіятельства сочиненія, украшенныя Вашимъ именемъ, и сочинитель, Вами покровительствуемый!

К. Петръ Шаликовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стран.
I.	Рѣчь о состояніи нашей Словесности. - - - - -	5
II.	Царицыно. - - - -	18
III.	Извѣстіе въ ученой свѣтъ. - -	28
IV.	Нѣчто о П. И. Макаровѣ. - -	31
V.	О женитьбѣ недостаточныхъ. -	37
VI.	Историческое дополненіе къ нашей книжной торговлѣ. - - -	40
VII.	Деревня. - - - - -	44
VIII.	Комелекъ. - - - -	52
IX.	Майское утро. - - - -	54
X.	Къ другу. - - - - -	57
XI.	Кладбище. - - - - -	62
XII.	Чувство скорби. - - -	67
XIII.	Къ любезному Философу. - -	70
XIV.	Утѣшеніе въ собственномъ сердцѣ.	73
XV.	Мой туалетъ, - - - -	77
XVI.	Къ бюсту Жан-Жака Руссо. - -	81
XVII.	Примѣчаніе на Изображеніе Москвы и всей Россіи въ царствованіе Іоанна IV. - - - - - -	83
XVIII.	О модныхъ обществахъ. - -	86
XIX.	Въ день моего рожденія. - -	89
XX.	О твореніяхъ Пиндара. - -	93
XXI.	Портретъ Алины. - - -	106
XXII.	О времяпровожденіи въ обществахъ.	107
XXIII.	Екатерининской Институтъ. -	101
XXIII.	Материнская нѣжность въ большомъ свѣтѣ. - - - - -	114
XXIV.	Васильевское. - - - -	117
XXV.	О бѣдности. - - - -	121
XXVI.	О воспитаніи. - - - -	124
XXVII.	Объ искательности въ людяхъ. -	130

Стран.

XXVIII. Письмо къ Н* С* П***. - - - 132
XXIX. Путешествіе на богомолье. - - 137
XXX. О преждевременномъ замужствѣ. 144
XXXI. Отрывокъ разговора о щастіи. - 150
XXXII. О скупости. - - - - 156
XXXIII. Разговоръ о любви. - - - 159
XXXIV. Отрывокъ разговора на балѣ. - - 170
XXXV. Два письма изъ Вяземской округи. 173
XXXVI. Эгоизмъ любви. - - - - 186
XXXVII. О стыдѣ. - - - - - 188
XXXVIII. О похвалѣ. - - - - 190
XXXIX. Прекрасный полъ. - - - 192
XL. О знакомствѣ съ нѣкоторыми людьми. - - - - - - 197
XLI. Нѣчто о Платоновой Республикѣ. 201
XLII. О дѣйствіи запаха на чувства. - 203
XLIII. Золотой вѣкъ. - - - - 206
XLIV. О предопредѣленіи. - - - 208
XLV. О слабостяхъ. - - - - 211
XLVI. Письмо къ нѣжной матери. - - 214
XLVII. О вліяніи женщинъ на характеръ мущинъ. - - - - - 220
XLVIII. Шпага и перо. - - - - 224
XLIX. Шведенборговы откровенія. - - 227
L. Любопытный монастырь въ Харьковской Губерніи. - - - 231
LI. Похвала бѣдности. - - - 236
LII. Путешествіе къ Троицѣ. - - - 239

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	*Стр.*	*Напечатано:*	*Должно:*
11	25	соединнеными	соединенными
19	8	Владычивѣ	Владычицѣ
29	24	несщстія	нещастія
34	11	бѣлѣе	болѣе
40	4	торговли	торговлѣ
—	28	въ етотъ	въ этомъ
41	5	лижитъ	лежитъ
47	1	Циммертаномъ	Циммерманомъ
51	15	успоконіемъ	успокоеніемъ
61	20	надежду	надеждою
78	—	ето	что
81	10	принимыясь	принимаясь
86	25	при носитъ	приноситъ
88	28	будутъ	будетъ
89	21	возварщу	возвращу
90	9	воображенія	воображеніи
91	30	Везнающій	Всезнающій
95	5	почтенрому	почтенному
96	21	злашо	злато
100	7	замѣтьше	замѣшьте
115	20	свому	своему
116	3	примѣрные	примѣрныя
117	24	обыкнонной	обыкновенной
118	9	осенненые	осѣненные
120	25	слава	слова
123	7	лютѣйшее	лютѣйшее
—	9	прѣзрѣніе	презрѣніе
125	16	цѣиою	цѣною
126	23	знакомыли	знакомили
127	14	незываемомъ	называемомъ
—	28	были	было
128	12	вѣ	въ

Стран.	*Стр.*	*Напечатано:*	*Должно:*
129	14	ошцы	отцы
132	11	нѣвошорымъ	нѣкошорымъ
—	20	разсужденіе.	разсужденіе,
136	19	прекрашиться	прекрашится
—	20	добродешели	добродѣтели
142	2	творща	творца
148	29	проишивъ	прошивъ
149	13	неизвѣсшной	неизвѣсшносши
161	13	съ заслугахъ	въ заслугахъ
200	1	прелѣжныхъ	прилѣжныхъ
211	4	всякого	всякаго
222	2	поторое	которое
232	28	чувсшвишеьны	чувсшвишельны
—	—	ɪрекрасному	прекрасному
238	30	есшьли	если

I.

РѢЧЬ

О состояніи нашей Словесности,

читанная при вступленіи въ Общество Любителей Россійской Словесности въ Москвѣ. 27 Января 1817 года.

Есть чувства, которымъ никакія слова угодить не могутъ, и для которыхъ слабы всякія выраженія.

Таковы нынѣ чувства души моей: Вы удостоили меня, Милостивые Государи, избраніемъ въ Сочлены свои! Вы дозволяете мнѣ занять наряду съ собою мѣсто въ самомъ томъ Святилищѣ, гдѣ развивались нравственныя мои понятія; гдѣ юный умъ мой озарялся благодѣтельнымъ свѣтомъ ученія; гдѣ невинное сердце мое принимало щастливыя впечатлѣнія полезныхъ наставленій, и примѣровъ еще полезнѣйшихъ, — мѣсто, которое было всегдашнею и единственною цѣлію моей гордости, моего честолюбія, моихъ упражненій, — мѣсто съ учеными Мужами!

Благодарность моя тѣмъ живѣе, тѣмъ неизъяснимѣе, чѣмъ менѣе нахожу соотвѣтствующими способности мои Вашему снихожденію, и чѣмъ болѣе по справедливости оцѣняю лестную честь, Вами мнѣ, безъ заслугъ моихъ, оказанную!

Можетъ быть, рвеніе мое на предлежащемъ мнѣ поприщѣ оправдаетъ сколько нибудь довѣренность Вашу къ силамъ моимъ.

Между тѣмъ благоговѣйно приношу первую дань на олтарь Музъ, Вами здѣсь восдвигнутый: примите ее, Милостивые Государи! она изъявляетъ чистое усердіе къ благодѣтельнымъ божествамъ сего Святилища.

Но мнѣ надлежитъ имѣть всю твердость и всю рѣшительность патріотическаго духа, чтобы говорить о предметѣ, гораздо извѣстнѣйшемъ каждому изъ почтенныхъ Членовъ, составляющихъ сіе ученое Общество, ознаменовавшее себя въ короткое время своего существованія блестящею печатію разнообразныхъ талантовъ и непрерывной дѣятельности.

Здѣсь Члены того знаменитаго Университета, которому языкъ Рускій обязанъ нынѣшнею его степенію совершен-

ства; здѣсь отличные Литтераторы и Писатели, украсившіе Словесность нашу своими достохвальными трудами: и я отваживаюсь изложить мысли мои о *нынѣшнемъ состояніи сей самой Словесности* и *сего самаго языка*.

Да будетъ пламенная любовь моя къ онымъ ходатаемъ и животворною надеждою на снисхожденіе Ваше, Милостивые Государи!

Я раздѣляю нашу Словесность на два состоянія: на *собственное* и *относительное*. Въ первомъ случаѣ воображеніе мое представляетъ мнѣ всѣ ея богатства неистощимыя, всѣ способы къ обработанію ихъ благодѣтельные, всѣ утѣшительныя ожиданія будущей ея знаменитости: это Потозской рудникъ, гдѣ неутомимый промышленникъ находитъ драгоцѣнныя сокровища. Во второмъ случаѣ, съ прискорбіемъ замѣчая, что она, при всѣхъ успѣхахъ своихъ, еще не пріобрѣла до сихъ поръ въ обширномъ нашемъ Отечествѣ повсемѣстнаго своего распространенія, такъ какъ иностранная словесность, — уподобляю ее таинственному богослуженію пустынныхъ Друидовъ, которое извѣстно было только посвятившимъ себя ему особенно. Изъясняюсь прямо: у насъ нѣтъ недостатка въ дарованіяхъ, или, лучше сказать, мы

богаты ими. — Я вижу передъ собою, или мысленно представляю соревнователей Квинтиліяна, Цицерона, Лафонтена, Мольера, Шиллера, Парни, Буало, Делилля въ особахъ которыхъ именовать скромность ихъ запрещаетъ мнѣ; всѣ они достигли, или достигнутъ конечно цѣли своей на славномъ поприщѣ. При всемъ томъ языкъ, на которомъ они пишутъ, не имѣетъ доселѣ той выгоды, какую имѣютъ другіе Европейскіе языки; — онъ чуждъ нашимъ избраннымъ обществамъ; имъ не говоритъ прекрасный полъ въ знаменитомъ нашемъ Отечествѣ; ему не учатся, особливо въ домашнемъ воспитаніи, съ надлежащимъ раченіемъ.

Первое изъ сихъ двухъ состояній нашей Словесности я называю *внутреннимъ*, а другое *внѣшнимъ*. Одно принадлежитъ, по моему раздѣленію, собственно къ Словесности, другое къ дѣйствію ея на общество. Продолжаю: нынѣ Словесность наша обогатилась сочиненіями въ разныхъ и въ нѣкоторыхъ для нея новыхъ родахъ; но прежде едва ли не болѣе занимались ею. Когда писали въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ; тогда — какъ увѣряютъ современники — наилучше образованныя женщины, душа просвѣщенныхъ обществъ и пріятныхъ талантовъ, вытверживали

на память творенія сихъ Поэтовъ, и языкъ Французскій не изгонялъ изъ собраній и семействъ нашихъ языка природнаго — ни по обычаю, ни по воспитанію.

Съ горестнымъ неудовольствіемъ замѣчаешь сію нещастную холодность къ отечественному языку, особенно послѣ происшествій ужасныхъ, которыя были, кажется, ниспосланы Небомъ нарочно въ наше и потомковъ нашихъ поученіе. И теперь у насъ почитается даже неучтивостію, невоспитаніемъ заговорить съ свѣтскою женщиною при многихъ свидѣтеляхъ языкомъ природнымъ; вѣжливость требуетъ изъясняться въ свѣтѣ на языкѣ, употребительномъ между людьми лучшаго тона, — слѣдовательно на Французскомъ. . . . Что же можетъ, при такой горячей любви къ чужестранному языку, прекрасный языкъ самаго Карамзина? . . . Кто бъ подумалъ, что иногда ничтожный романъ Дюкре-Дюминиля предпочитается въ кругу многихъ читателей нашихъ произведеніямъ славнѣйшаго Рускаго Писателя!

Опытъ удостовѣряетъ въ прискорбной истинѣ, что у насъ еще мало читаютъ книгъ философическихъ, историческихъ и нравоучительныхъ; а любопытство покажетъ вамъ, что книжныя лавки наши процвѣтаютъ единственно кладбищами,

привидѣніями, замками, аббатствами, разбойниками и тому подобнымъ. — Скажутъ: „Гдѣ же книги философическія, историческія, нравоучительныя на Рускомъ языкѣ?“ Милостивые государи! окажите желаніе, охоту читать ихъ, — и книги родятся!

Такое владычество сего, во многихъ отношеніяхъ столь страннаго, временнаго вкуса не есть ли вредно для писателей и переводчиковъ съ дарованіемъ? Я сказалъ *временнаго*; ибо по сердечному чувству увѣренъ, что онъ никогда не можетъ быть господствующимъ, особливо посреди такого славнаго народа, каковъ Россійской. — Но теперь, по крайней мѣрѣ, подобный вкусъ не отнимаетъ ли у писателей бодрости, охоты, дѣятельности на пути, звѣздою рожденія имъ предначертанномъ, и не ограничиваетъ ли самые способы, необходимо нужные такъже въ Словесности, какъ и въ общежитіи, — способы, о которыхъ умалчиваю изъ уваженія къ талантамъ, часто не уважаемымъ своенравною Фортуною?

Прежде между нашими Писателями было, если не ошибаюсь, болѣе соревнованія, но менѣе ревности; прежде въ Отечествѣ нашемъ было менѣе читателей, т. е. читали не во всѣхъ состояніяхъ, но болѣе вниманія къ Авторамъ (число которыхъ,

по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ числу читателей не уступало настоящему); отъ этаго происходитъ, что нынѣ иной свѣтской человѣкъ, желая сказать привѣтствіе писателю, совсѣмъ неумышленно говоритъ такія похвалы, какія говорятся только въ ободреніе дѣтямъ ибо сему мгновенному Меценату не извѣстны ни отличительный характеръ, ни степень достоинства въ сочиненіяхъ, ни талантъ сочинителя. Впрочемъ, представляя такого рода частные случаи, я хочу сказать то же, что сказалъ прежде — именно, что Литтература наша не имѣетъ еще повсемѣстнаго распространенія. Но въ общемъ смыслѣ, нѣтъ, можетъ быть, ни въ одномъ народѣ Европы такихъ Мужей - Патріотовъ, которые, ревностно соотвѣтствуя высокимъ намѣреніямъ великаго своего Монарха, столь многобъ содѣйствовали пользѣ просвѣщенія богатыми своими пожертвованіями, покровительствомъ и собственными трудами.

Раждающаяся словесность требуетъ, чтобы Писатели дѣйствовали соединнеными силами, стремились къ одной и той же цѣли, — подавали другъ другу руку помощи. Для насъ сіи условія еще необходимѣе: языкъ нашъ еще не обработанъ, не установленъ, не очищенъ, не подведенъ подъ твердые законы; это огромная гру-

да богатыхъ матеріяловъ: сколько требуется свѣдѣній, искуства, опытности, обезпеченій, благородной свободы и вкуса для того, чтобы отобрать приличнѣйшіе для предпринимаемаго зданія, долженствующаго быть вѣчнымъ памятникомъ отечества! Между тѣмъ, сколько и частныхъ случаевъ и обстоятельствъ, утомляющихъ, или ослабляющихъ наше рвеніе!

Я касаюсь критики, или — лучше сказать — критиковъ нашихъ; ибо мы имѣемъ о критикѣ вообще совсѣмъ не то понятіе, которое часто заставляютъ насъ имѣть о себѣ наши критики. Критика — учитель автора; она показываетъ, безъ всякой колкости, безъ всякаго злаго намѣренія, въ чемъ состоятъ и отъ чего происходятъ недостатки сочиненія, отдавая съ удовольствіемъ справедливость и достоинствамъ, ежели находитъ ихъ: такова критика одного изъ почтенныхъ Сочленовъ сего Общества.

Но у насъ многіе критики, даже иногда и не читая книгъ нашихъ, какъ можно догадываться, порицаютъ насъ — и болѣе ничего. Сколь многіе молодые писатели съ дарованіемъ положили, едва взятое ими въ руки, перо — и положили, можетъ быть, навсегда — устрашась, по неопытности своей, грозы жестокихъ критиковъ!

Я согласенъ, что сіи литтературные вихри производятъ, покрайней мѣрѣ, волненіе въ атмосферѣ Словесности, — волненіе, безъ сомнѣнія, полезное во многихъ отношеніяхъ: она раздражаетъ ревность и пробуждаетъ талантъ къ необыкновеннымъ усиліямъ; но Словесность наша еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ; слѣдовательно требуетъ, чтобы съ нею обходились бережно и осторожно, или она увянетъ, подобно цвѣтку весенняго луга, вмѣсто тихаго дождя побитому разрушительнымъ ливнемъ.

Вообще, кажется, у насъ Критика не умѣетъ еще ни хвалить, ни порицать; ибо мы не умѣемъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ соблюсти умѣренности, — сего поздняго плода литтературной мудрости. Но я боюсь подумать, чтобы нашимъ Аристархамъ бичь, или пальму влагали въ руки личность и расчеты.

Собранія образцовыхъ сочиненій служатъ равномѣрно показателемъ настоящаго состоянія Словесности. Ежели въ таковыхъ собраніяхъ сохранены безпристрастіе и справедливость; ежели дурное сочиненіе не предпочтено хорошему; ежели вообще выборомъ оныхъ управляли здравый вкусъ и основательное познаніе, и если наконецъ не пренебреженъ и хронологиче-

ской порядокъ, которымъ бы облегчался способъ судить о постепенныхъ успѣхахъ вообще Словесности: въ такомъ случаѣ вижу и уваженіе къ самой Словесности и ту пользу, что начинающіе писать руководствуются данными образцами, а читатели удобнѣе знакомятся съ достоинствами сочинителей.

Обращаясь къ судьбѣ Писателей нашихъ, щастливыхъ высокимъ вниманіемъ своего Вѣнценоснаго Покровителя, нахожу, что въ обществѣ они не всегда и не совсѣмъ замѣчены. Вездѣ ли питомецъ Русскихъ Музъ принимается и уважается единственно въ томъ предположеніи, что имѣетъ болѣе другаго идей пріятныхъ, или полезныхъ, болѣе познаній, и, можетъ быть, умѣетъ нѣжнѣе чувствовать; что принадлежитъ къ числу не многихъ смертныхъ, одаренныхъ необыкновеннымъ воображеніемъ, проницательнымъ умомъ, пламенною душею, или — чтобы все заключить въ одномъ словѣ — одаренныхъ *талантомъ?*

Какъ желательно, чтобы каждый соотечественникъ мой убѣжденъ былъ въ той истинѣ, что самыя мудрыя дѣянія Правительства, самые великіе подвиги Героевъ, самыя высокія добродѣтели Царей и гражданъ исчезнутъ въ потокѣ времени и

вѣ памяти людей, ежели Писатели не передадутѣ сихѣ добродѣтелей, сихѣ подвиговѣ, сихѣ дѣяній позднѣйшему потомству, вѣкамѣ и народамѣ отдаленнѣйшимѣ — вѣ поученіе роду человѣческому Не тщетная слава!

Мы не рѣдко жалуемся, и весьма основательно, на недостатокѣ вѣ правилахѣ Грамматики и особенно Синтаксиса — дѣло важное! Одно только время и постоянная ревность любителей Россійскаго слова могутѣ отвратить сей недостатокѣ. Но не одна сія причина останавливаетѣ дальнѣйшіе успѣхи Рускихѣ Писателей: важнѣйшая изѣ нихѣ — недостатокѣ вѣ движеніи нашей Словесности, или — говоря другимѣ образомѣ — слабый ходѣ ея вѣ самомѣ нашемѣ Отечествѣ; опять то же, что я сказалѣ прежде: недостатокѣ повсемѣстнаго просвѣщенія. Трудный и славный подвигѣ, который предназначенѣ токмо нашему Правительству, и который нынѣ безпрерывными опытами величественно являетсся вѣ ходѣ мудрой его дѣятельности.

Осмѣлюсь сказать: доколѣ избранное общество пребудетѣ хладнокровнымѣ кѣ отечественной Словесности; доколѣ не станетѣ *собственнымѣ судомѣ*, во всемѣ пространствѣ щастливой и богатой какѣ

дарованіями, такъ и способами Имперіи, различать посредственнаго сочиненія отъ изящнаго; доколѣ не узнаетъ и настоящей цѣны своего языка, — дотолѣ никто не въ состояніи даровать силы и важности нашей Словесности, и внутренныя сокровища ея не обратятся въ богатый капиталъ нашей авторской славы.

Преимущества нынѣшней Словесности Руской, въ отношеніи къ ея внутреннему состоянію, доказывается и тѣмъ, что мы содѣлались разборчивѣйшими, и болѣе строгими: мы не уважаемъ такихъ сочиненій, какими прежде многіе восхищались; и тѣмъ, что унасъ есть и женщины, которыя щастливо отличаются своими сочиненіями во многихъ родахъ изящной Словесности.

Странно покажется, что въ томъ же отношеніи состояніе нашей Словесности разительно возвысилось надъ состояніемъ общественнаго просвѣщенія: что, по видимому, совершенно противорѣчитъ обыкновенному порядку вещей, и чему изыскивать причины не дозволяютъ предѣлы моей рѣчи.

Будучи исполненъ истинной признательности и уваженія къ нашимъ Литтераторамъ, не могу не сказать наконецъ,

что успѣхи наши въ Словесности достойны болѣе удивленія, нежели какого-либо народа! ибо нигдѣ, посвятившіе себя Словеснымъ Наукамъ, не дѣйствуютъ съ преодолѣніемъ большихъ трудностей и очевиднаго хладнокровія со стороны всеобщаго вниманія, какъ наши Писатели на скромномъ своемъ поприщѣ.

Хвала и честь симъ мирнымъ Героямъ-Патріотамъ, — какъ названы вождемъ сихъ Героевъ, Гораціемъ, занимающіеся Науками и Словесностію!

II.

ЦАРИЦЫНО.

Beaux lieux qui nourrissaient ma poetique ivresse,
J'ai juré sur ces monts, et jetiens mon serment,
De payer mon hommage à ton site charmant.

Delille.

Прежде всего взорЪ и сердце ищутЪ здѣсь слѣдовЪ Великой Помѣщицы сего прекраснаго владѣнія — слѣдовЪ безсмертной Екатерины! . . . Она была вЪ немЪ; она гуляла вЪ прохладныхЪ садахЪ его; она любовалась имЪ; дала имя ему, котораго оно достойно, — имя, которое сливается вЪ мысляхЪ сЪ любезнымЪ именемЪ любезнѣйшей Царицы!

Князь КантемирЪ былЪ владѣльцомЪ нынѣшняго Царицына. Екатерина желала видѣть живописныя окрестности древней своей столицы; увидѣла деревню Цареборисову (*), сЪ памятниками Бориса Годунова, сЪ величественнымЪ прудомЪ, превосходною плотиною и скромнымЪ дворцомЪ; увидѣла село Кантемирово, прельстилась имЪ, раз-

(*) ВЪ 14ти верстахЪ отЪ Москвы и вЪ 3хЪ отЪ Царицына.

мышляла о Цареборисовѣ, смотрѣла на Коломенское (*) и захотѣла въ сосѣдствѣ именъ и памятниковъ Государей славныхъ имѣть собственность . . . Кантемиръ разстался съ прекраснымъ, романическимъ жилищемъ своимъ; но восхищался въ сердцѣ мыслію: „Оно понравилось Екатеринѣ; оно принадлежитъ Владычивѣ полсвѣта!“ — Подобныя мысли и чувства угадывать не трудно.

Новая Госпожа махнула волшебнымъ жезломъ, который всегда былъ невидимо въ рукахъ у нее — и возникло вдругъ множество новыхъ декорацій: дворецъ, галлереи, оперной домъ, мосты, ворота — все каменное и все Готическое, и все прекраснѣйшей архитектуры! — „Я люблю художества по одной склонности,“ сказала Императрица въ письмѣ къ Циммерману — и зритель художествъ Екатеринина вѣка съ живѣйшимъ удовольствіемъ вспоминаетъ о сей щастливой ея склонности.

Время накинуло въ полетѣ своемъ покровъ забвенія на Царицыно, и нѣсколько лѣтъ ничего къ украшенію его не прибавлялось; но благотворная рука АЛЕКСАНДРА сняла печальный покровъ вре-

(*) Село, которое было любимымъ мѣсто-пребываніемъ Царя Алексѣя Михаиловича. Оно видно изъ Царицына.

мени, и вручила Царицыно человѣку, котораго оно, можно сказать, требовало (*), и котораго вкусъ и знанія придаютъ съ каждымъ днемъ новой блескъ сему пріятному мѣсту. — Все, къ блаженству нашему, доказаваетъ особливое сходство въ душѣ и сердцѣ АЛЕКСАНДРА съ ЕКАТЕРИНОЮ, — любезнѣйшаго Внука обожаемой Бабки!

Видъ Царицина, когда подъѣдете къ нему Каширскою дорогою — не восхититъ васъ; и между тѣмъ какъ сближаетесь съ нимъ, находите странную игру оптики: черная крышка дворца (Готическаго), которую только и видите, и множество окружающихъ его башенъ, съ черными же верхами и шпицами по бокамъ, представятъ взору — живо и совершенно — крышку гроба и Кармелитовъ, или Францискановъ съ печальными факелами . . . Смѣетесь и досадуете на такую неудачную выходку Архитектуры.

Надобно знать, что это не тотъ дворецъ, которой возникъ вмѣстѣ съ другими зданіями. Зависть, косоокая мачиха талантовъ, имѣла щастіе (въ которомъ почти никогда не имѣетъ она недостатка) доказать, своимъ способомъ, что первый

(*) Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Петру Степановичу Валуеву. — Это писано въ 1804 г.

дворецъ былъ очень дуренъ, хотя въ самомъ дѣлѣ онъ былъ очень хорошъ. Его сломали до основанія и построили нынѣшній — чудную смѣсь первыхъ вѣковъ зодчества съ новымъ. — Остальныя зданія представляютъ разительную съ нимъ противоположность — въ свою пользу.

Но когда ступите на бархатъ Царицынской зелени; то сладостная улыбка явится на устахъ вашихъ, и живое удовольствіе засіяетъ во взорахъ. Обширные, подобно морямъ, пруды, на которыхъ плаваютъ разноцвѣтныя шлюпки, лодки, ботики, и за которыми шумятъ густыя березовыя рощи; красивой каменной мостъ, соединяющій два изумрудныя берега; романическіе острова и живописная купальня, въ видѣ смѣющагося павильйона; разныя строенія каменныя и деревянныя; наконецъ, прекраснѣйшій Аглійскій садъ съ широкими аллеями, въ которыя любопытный Фебъ никакъ заглянуть не можетъ, съ волшебными дорожками, по которымъ, если угодно, выходите, не возвращаяся на слѣды свои, двадцать верстъ; съ уединенною галлереею, которую можно назвать храмомъ меланхоліи; другой фруктовой садъ, съ богатѣйшими въ свѣтѣ оранжереями: — все это содѣлываетъ Царицино плѣнительнымъ, безцѣннымъ!

Я наслаждался пріятностями Царицына нѣсколько времени — и тѣмъ живѣе, тѣмъ полнѣе, что провелъ его въ обществѣ К*** Г***, который управляетъ мѣстомъ симъ, и который живетъ тамъ во все лѣто съ своимъ семействомъ. Г. Валуевъ имѣетъ въ К*** Г*** такого сотрудника, котораго, если неошибаюсь, одинъ щастливый жребій Царицина могъ дать ему. Прилѣжность, свѣдѣніе и охота его къ садамъ и строеніямъ оставятъ, безъ сомнѣнія, печать свою въ Царицынѣ.

Супруга К*** Г***, обладающая всѣми качествами любезной хозяйки, которая по этой самой причинѣ рѣдко бываетъ безъ гостей, имѣла обязательнѣйшее попеченіе о моихъ выгодахъ; ввела меня въ особливую комнату; назвала ее моею; указала столъ, чернилицу, бумагу — однимъ словомъ, въ ученой кабинетъ — и пожелала мнѣ покоя и удовольствій. — Живѣйшая благодарность была первымъ чувствомъ моимъ.

День мой начинался и оканчивался прогулками. Поутру всегда бродилъ одинъ; ввечеру всегда . . . съ Граціями. Имѣю ли нужду разсказывать о пріятностяхъ лѣтней вечерней прогулки въ Аглійскомъ очаровательномъ саду, съ Граціями? Кому не

представятся сами собою сіи пріятности: живость разговора, удовольствіе рѣзвости, отголоски смѣха и проч.? — Жалѣю о холодномъ воображеніи, для котораго надобно все описывать! Къ тому же, Le secret d'ennuyer est celui de tout dire.

Въ уединенныхъ прогулкахъ я предавался мечтамъ — необходимымъ сердцу моему . . . и, безъ сомнѣнія, сердцу каждаго. Путь мой начинался, обыкновенно, любимою моею дорожкою, подлѣ пруда — ровною и широкою, — которая служитъ ему прелестною набережною. Идучи по ней, я уносилъ, такъ сказать, взорами тысячу пріятныхъ предметовъ, которые потомъ въ густыхъ тѣняхъ, въ безмолвномъ уединеніи, занимали мое воображеніе. — Тамъ, съ удовольствіемъ не изъяснимымъ, мечталъ я о Фонтенебло, гдѣ роскошный Францискъ препровождалъ время свое среди пировъ и красавицъ; о Шантильи, гдѣ Великій Генрихъ таялъ геройскимъ сердцемъ своимъ въ страсти къ прелестной Габріель, и говорилъ ей:

Reçevez ma couronne,
Le prix de ma valeur:
Je la tiens de Bellone,
Tenez - la de mon coeur.

о Марли, гдѣ щастливый Лудовикъ услышалъ изъ устъ нѣжной Лавальеръ: *люб-*

лю тебя! и отдавалъ Государство за ея жизнь . . . Царицыно достойно имѣть своихъ героевъ любви и роскоши! Все дышетъ здѣсь роскошью и любовью. . . Шолье, Лафаръ, Делилль, любимые пѣвцы мои, здѣсь для меня еще любезнѣе. На двадцати березахъ, думаю, начерчены мною сіи щастливые стихи щастливаго Поэта:

Aimons donc, changeons sans çesse;
Chaque jour nouveaux désirs;
C'est assez que la tendresse
Dure autant que les plaisirs,
Dieu! ce soir qu' Jris est belle!
Son coeur, dit elle, est à moi;
Passons quelques heures avec elle,
Mais comptons peu sur sa foi.

(*Ode sur l'inconstance par Chaulieu.*)

Въ одной аллеѣ видите смиренную бесѣдку, которая называется Кантемировою: пріятной остатокъ старины. Иногда я любилъ сидѣть въ ней и думать о Кантемирѣ — Поэтѣ, котораго память должна быть любезна питомцу Рускихъ Музъ.

Привлекательная купальня заманивала меня каждое утро освѣжаться въ ваннѣ своей, отдыхать на своихъ диванахъ — и новыя мечты играли моею душею Сама Діана, или Киприда немогли имѣть лучшей купальни. Какой вкусъ! какая нѣ-

га! . . . И граціи плещутся въ ваннѣ ея . . . и Граціи покоятся на ея диванахъ!

Ввечеру — особливо по праздникамъ — встрѣчаетесь вездѣ съ гуляющими, которые пріѣзжаютъ изъ столицы обѣдать, или полдничать на ароматической зелени, на свѣжемъ воздухѣ, и покататься на зеркальныхъ прудахъ. — Г. Валуевъ и супруга его (которая живетъ здѣсь съ дочерьми и сыновьями въ лѣтнее время) доставляютъ своею ласковостью новое удовольствіе каждому; и старательность сего почтеннаго человѣка о всѣхъ выгодахъ посѣтителей любезнаго ему Царицына вызвала сюда извѣстнаго въ Москвѣ Лекеня, для содержанія кофейнаго дому, гдѣ можно имѣть очень хорошій столъ, лучшія вина, прохладительные напитки — въ большой прекрасной галлереѣ.

Сельскія Нимфы ходятъ по саду группами, поютъ веселые *романсы* свои и летаютъ на качеляхъ, поставленныхъ въ густой аллеѣ. — Я гуляю съ своимъ обществомъ; катаюсь съ Граціями въ легкой гондолѣ, пою гимны наслажденію — мысленно, и угадываю таинство земнаго блаженства вхожу душею во святилище его.

Здѣсь, въ бытность мою, угощался главнокомандующій Москвою, Александръ

Андреевичъ Беклешевъ. Сіе угощеніе не имѣло ничего блистательнаго, городскаго, но много пріятнаго, піитическаго. Почтенный гость послѣ обѣда, которой былъ у господина Валуева, въ садъ отъ самаго дому плылъ на шлюпкѣ, въ сопровожденіи другихъ шлюпокъ, на которыхъ сидѣли музыканты, пѣвчіе и проч.

Звуки голосовъ и инструментовъ неслись Зефирами по тихимъ струямъ необозримаго бассеина. Хороводы сельскихъ Нимфъ встрѣтили гостя на берегу сада, въ которомъ между тѣмъ гремѣла въ разныхъ мѣстахъ разная музыка. Веселыя Нимфы пѣли и плясали непрестанно, слѣдуя повсюду за предметомъ общаго веселія . . . которое кончилось съ глубокимъ вечеромъ.

Празднество самое простое принимаетъ волшебной характеръ въ садахъ Армидиныхъ . . . Все плѣняетъ, все разнѣживаетъ воображеніе.

Желая видѣть село (*) Цареборисово, славной прудъ его и необыкновенную плотину, я ѣздилъ туда съ К*** Г***; смотрѣлъ, дивился и думалъ, что все,

(*) Очень не великое, и потому настоящее его названіе *приселокъ*.

достойное примѣчанія, ограничится прудомъ и плотиною: ошибся. Начальникъ этаго села (*), крестьянинъ, проситъ К*** Г*** зайти къ нему отдохнуть. Входимъ въ чистую избу: молодая, пріятнаго лица, хозяйка ставитъ передъ нами молоко и яйца. Хозяинъ на минуту скрывается; потомъ видимъ его съ закупоренною бутылкою въ рукахъ; наливаетъ, не смотря на сопротивленіе наше — и лучшее Шампанское кипитъ въ стаканахъ. Мы разсмѣялись; онъ также; увѣряли его, что онъ напрасно убытчится, но удовольствіе сіяло въ глазахъ его.... которое, могу сказать, перешло ко мнѣ въ сердце... Руской крестьянинъ и Шампанское вино!... Да благоденствуетъ мое Отечество!

Такъ! я наслаждался пріятностями Царицына и, подобно чувствительному, благодарному Делиллю, клялся, и исполняю клятву мою, принести имъ дань сердечную.

(*) Голова.

III.

ИЗВѢСТІЕ ВЪ УЧЕНОЙ СВѢТЪ.

Одинъ мой пріятель, молодой человѣкъ, съ отличнымъ дарованіемъ и большими познаніями, щастливый писатель въ стихахъ и прозѣ, извѣстный публикѣ тѣми и другою, намѣренъ издать въ свѣтъ сочиненіе, подъ названіемъ, кажется, слѣдующимъ: *Нѣтъ худа безъ добра, или все къ лучшему.* Этотъ безцѣнной для меня пріятель мой всегда былъ склоненъ къ оптимизму; но въ злополучное время, постигшее нашу древнюю столицу, онъ еще болѣе утвердился въ системѣ душъ добрыхъ, далекихъ отъ всего худаго. Онъ думаетъ, или лучше сказать онъ не сомнѣвается, пишетъ и доказываетъ, что ужаснѣйшій катастрофъ можетъ произвесть щастливѣйшую перемѣну во всеобщемъ планѣ нравственнаго воспитанія, — сей единственной основѣ всѣхъ гражданскихъ и семейственныхъ добродѣтелей, сихъ надежнѣйшихъ опоръ во всѣхъ случаяхъ жизни, частной и общей; что отцы и матери увидятъ ничтожность и почувствуютъ в р е д ъ воспитанія наемническаго, узнавши вблизи, узнавши опытомъ нравственность того народа, которому

преимущественно, исключительно вв҃ѣрялись юныя души и невинныя сердца дѣтей своихъ; устрашатся вліянія, о которомъ, безъ сомнѣнія, прежде не думали, и которое необходимо принимается ученикомъ отъ учителя: вліянія духа и чувствованій; что жалкая вѣтренность ума и мишурной блескъ наружности обоихъ половъ не будутъ уже отличительнымъ достоинствомъ въ обществахъ; что шарады и каламбуры не станутъ похищать правъ, принадлежащихъ хорошимъ сочиненіямъ отечественнымъ; что наши красавицы и молодые люди не будутъ ломать головъ надъ первыми и станутъ заниматься послѣдними; что наконецъ въ столицахъ потомства Рюрикова и потомства Романова языкъ Руской заступитъ мѣсто Французскаго, и Руссkie предпочтутся Французамъ; что, словомъ, произойдетъ желаемой переворотъ въ образѣ мыслей и жизни всѣхъ и каждаго; и что, въ заключеніе, Отечество наше пріобрѣтетъ прочную и важную пользу отъ временнаго несщастія, которымъ Провидѣнію угодно было посѣтить его, и проч. и проч.

Я знаю, что пламенное и живое перо моего пріятеля одушевитъ каждую подробность, каждую черту, каждое слово предпринимаемаго имъ сочиненія, которое въ цѣломъ представитъ конечно разитель-

ную картину поучительныхЪ истинЪ, и которому сіи простыя строки могутЪ служить отчасти программою.

КакЪ ближайшему по дружбѢ участнику вЪ этомЪ, прямо патріотическомЪ намѢреніи мнѢ должно — а со мною вмѢстѢ и всѢмЪ нелицемѢрнымЪ друзьямЪ добрыхЪ нравовЪ — просить Подателя всѢхЪ благЪ, чтобы оно совершилось для выгоды согражданЪ моихЪ; — и я прошу его со всею горячностію любви моей кЪ Отечеству.

IV.

НѢЧТО О П. И. МАКАРОВѢ.

Смѣю ли выговорить то, о чемъ думаю, къ нещастію, давно и не безъ основанія? . . . Живѣйшее огорченіе дѣлаетъ меня не скромнымъ: простите сильному, невольному чувству сердца! . . . Мнѣ кажется — вотъ тайна моя — что ни въ какомъ состояніи, ни въ какомъ ремеслѣ, нигдѣ на свѣтѣ зависть и ненависть не острятъ болѣе жалъ своихъ, какъ между авторами (*) . . . ! Не стану и не умѣю изслѣдовать, отъ чего это происходитъ; не буду брать примѣровъ изъ писателей древнихъ и новыхъ; а скажу только слова два о Сѣверномъ Вѣстникѣ, на которой упала слеза моя . . . „Слеза?“ такъ точно — и свидѣтельствуюсь Небомъ, что не мнимая, но истинная, пламенная, сердечная.

Раскрываю девятую книжку сего Журнала, и читаю: *Разсмотрѣніе всѣхъ рецензій, помѣщенныхъ въ ежемѣсячномъ изданіи подъ названіемъ:* Московскій Меркурій, издаваемый на 1803й годъ.

(*) Конечно не такими, которые имѣютъ истинный талантъ.

„Ахъ! Рецензента нѣтъ уже на свѣтѣ!“ сказалъ я съ глубокимъ, тяжкимъ вздохомъ. „Посмотримъ, что говорятъ объ немъ,“ продолжалъ я — и томною рукою перевертываю страницы. . . Горесть стѣснила душу мою . . . „Чувствуетъ ли мирный прахъ твой несправедливость человѣческую?“ говорилъ я къ тѣни Макарова: „Тамъ — за предѣломъ жизни — въ нѣдрахъ хладной могилы — чувствуешъ ли нѣжное сердце твое удары зависти и ненависти? . . . Нѣтъ! ты предоставилъ чувствовать ихъ за себя тѣмъ, которые умѣли цѣнить твои достоинства! . . . Покойся же въ пристани вѣрной и единственной!“

Не понимаю, какимъ образомъ ученикъ вздумаетъ наставлять своего учителя! А сколько разъ видѣли мы странную эту смѣлость на опытѣ! . . . И кому преподавали уроки? . . . Автору, который прославилъ нашу литтературу; который обратилъ на себя вниманіе всего ученаго свѣта; которому отдаютъ справедливость писатели чужестранные — словомъ, господину Карамзину! . . . И кто же сіи законодатели? . . . Богъ знаетъ; по крайней мѣрѣ, они не извѣстны никому со стороны отличныхъ талантовъ.

Разсматриватель рецензій, помѣщенныхъ въ Московскомъ Меркуріѣ, гово-

рить: „Надобно то и то; надобно такъ и такъ" — знаемъ; но сто поученій не стоютъ одного примѣра. Макаровъ писалъ прозою съ такимъ искуствомъ, съ такою разборчивостію, съ такимъ вкусомъ, которые опредѣляютъ ему мѣсто, безъ всякаго промежутка, подлѣ г-на Карамзина. . . . Вотъ самое лучшее наставленіе для тѣхъ, которые хотятъ научиться слогу!

Первый, изданный Макаровымъ переводъ романа, подъ титуломъ: Сен-Меранъ, уже отличился отъ всѣхъ переводовъ нашихъ того времени чистотою языка и пріятностію слога, не смотря на нѣкоторыя ошибки и галлицизмы, которыя можно находить въ семъ переводѣ. Между тѣмъ Макаровъ былъ такъ не доволенъ имъ, что выкупилъ всѣ, или почти всѣ экземпляры первой части, напечатанной въ Петербургѣ, сжегъ ее и напечаталъ въ Москвѣ другую (*) — доказательство необыкновеннаго желанія усовершенствовать талантъ свой!

Первыя двѣ части Антеноровыхъ путешествій, Макаровымъ переведенныхъ, останутся надолго — ежели не навсегда,

(*) И все еще былъ весьма не доволенъ; хотѣлъ опять перепечатать вмѣстѣ съ другими своими переводами — но, увы!

памятникомъ славы его и украшенiемъ нашей Литтературы. Наконецъ Московскiй Меркурiй . . . не боюсь упрековъ въ пристрастiи ; ибо не имѣю и не могу имѣть его Московскiй Меркурiй есть образецъ хорошаго слога во всѣхъ отношенiяхъ (*). — „Макаровъ отступалъ отъ извѣстныхъ правилъ критики" — вѣрю, потому что всѣ — отъ Лонгина до разсматривателя Макаровыхъ рецензiй — отступали отъ сихъ правилъ, болѣе или менѣе; но въ чемъ состоитъ дѣло критики? Думаю, въ томъ, чтобы научить дѣлать лучше; а что же полезнѣе въ этомъ случаѣ, разсказывать, или указывать? . . . Слышу — и не умѣю взяться за дѣло; вижу — и приступаю къ нему Фразы Макарова, выписанныя разсматривателемъ рецензiй его, всего лучше изъясняютъ мысль мою : онѣ, подобно фаросу, озаряютъ пасмурной слогъ сего разсматривателя : на нихъ бросаются взоры мои съ какимъ - то внутреннимъ удовольствiемъ сердца ; онѣ радуютъ меня, какъ странника, утомленнаго нещастною дорогою, который радуется прекрасному лугу; желаю отъ всей души найти ихъ, какъ можно болѣе Принудьте меня послѣ этаго думать, что Макаровъ писалъ хуже своего учителя!

(*) Я говорю о томъ, что писано издателемъ сего Журнала.

„Одна хорошая рецензія лучше цѣлой библіографической статьи," и проч. пишетъ разсматриватель Макаровыхъ рецензій. „Одна хорошая фраза лучше длинной критики," осмѣлюсь сказать я — и вѣрно не одинъ.

Кто пишетъ: *наконецъ кончимъ* (стр. 314), а цѣлыя фразы слѣдующимъ образомъ: „Рецензію или критику пишутъ для любителей критики" (развѣ есть особливые любители ея? . . . Странная охота!) „и желающихъ усовершенствовать свои дарованія; слѣдственно должно такъ оную и писать, чтобы ее съ удовольствіемъ и съ пользою сіи люди читали (стран. 296)," тотъ можетъ ли переманить меня на свою сторону отъ другаго, который пишетъ слѣдующимъ образомъ: „Критика имѣетъ право замѣтить ошибки, даже рѣшительно сказать, что сочиненіе дурно; однакожъ критика должна выбирать слова, и употреблять ихъ съ крайнею осторожностію; всему есть границы (стран. 313)?" Какая разница!

Такъ конечно: Издатель Московскаго Меркурія зналъ, какъ должно писать рецензію (стран. 313), и въ критикѣ на книгу: *О старомъ и новомъ слогѣ*, доказалъ, что онъ зналъ многое; хотѣлъ, но не могъ *выполнить всѣ свои обязанности* (стран.

313), потому что никто не можетъ исполнить всѣхъ обязанностей; желалъ искренно успѣховъ отечественной Литтературѣ и, что всего важнѣе, всего безцѣннѣе, былъ доброй, чувствительной и любезной человѣкъ! . . . Священныя права на общее сожалѣніе! . . -

„Что прибыли" говорилъ Аристидъ, „въ дарованіяхъ и славѣ? . . былъ и нѣтъ!" Горестная истина!

Смерть жестокая, неумолимая закрыла глаза твои, о Макаровъ! такъ рано (*)! похитила тебя у друзей, такъ внезапно! . . . Кто принялъ послѣдній вздохъ твой? Кто облегчилъ для тебя сей ужасный переходъ отъ жизни къ тлѣнію? . . . Ахъ! ежели когда-нибудь судьба приведетъ меня въ страну, гдѣ холодныя руки опустили тебя въ могилу; я поспѣшу къ ней съ тѣми чувствами, съ которыми теперь благословляю память твою! Покойся въ пристани вѣрной и единственной!

(*) Онъ умеръ тридцати девяти или сорока лѣтъ — въ Польшѣ.

V.

О ЖЕНИТЬБѢ НЕДОСТАТОЧНЫХЪ.

Обыкновенно говорятъ бѣдному человѣку, женившемуся на бѣдной же, для чего онъ это сдѣлалъ? Мнѣ кажется, при семъ вопросѣ забываютъ — о добродѣтели. Ибо, по мнѣнію моему, никогда бѣдность не заслуживаетъ лучшаго вниманія — сожалѣнія и помощи — какъ въ то время, когда бѣдный человѣкъ принимаетъ на себя заботу о другомъ бѣдномъ человѣкѣ, еще болѣе имѣющемъ нужду помощи и сожалѣнія — въ существѣ слабѣйшемъ, требующемъ покровительства и защиты. И кто знаетъ, чтобы воспослѣдовало напримѣръ съ бѣдною молодою дѣвушкою, если бы бѣдный великодушный мущина не женился на ней? И ежели честная бѣдность вообще достойна руки благодѣянія; то не все ли равно, что двое бѣдныхъ будутъ, или должны быть вспомоществуемы порознь, или вмѣстѣ? Въ суммѣ человѣчества подобное соединеніе существъ, которымъ оказаніе человѣколюбія есть священный долгъ, сладостный для добрыхъ, составляетъ ли какое-либо, или въ чемъ-либо различіе? Когда бы они жили далеко другъ отъ друга, не будучи супругами; то

вы, будучи добродѣтельны, помогли бы сегодня ему, а завтра ей; или ему поможетъ одинъ, ей поможетъ другой. Между тѣмъ они раздѣляютъ другъ съ другомъ свои скорби и свои отрады; можетъ быть, другъ друга утверждаютъ въ путяхъ добродѣтелей, терпѣнія, твердости, надежды, вѣры! Можетъ быть, одинъ безъ другаго изнемогъ бы и палъ подъ бременемъ печальнаго состоянія, предался бы порокамъ и содѣлался бы вреднымъ членомъ общества. Вотъ польза супружества, достойная уваженія какъ въ отношеніи ко нравственности, такъ и къ пользѣ общественной; слѣдовательно не имущіе супруги, но честные, достойны не менѣе другихъ руки благодѣянія. Простирая ее на неженатаго, почему вы знаете, какъ онъ употребляетъ дары ея? Для васъ довольно извѣстности, что онъ бѣденъ и порядоченъ. Онъ никому ничѣмъ не обязанъ. Но человѣкъ съ женою, прибавьте и съ дѣтьми (*), когда онъ порядоченъ, все приноситъ своему семейству, которое любитъ болѣе самого себя, — болѣе своей жизни!

(*) „Для чего вы не подумали, что при бѣдности будутъ у васъ дѣти?" Я подумалъ — и съ патріотическою гордостію сказалъ въ душѣ моей: Можетъ статься сынъ мой будетъ — Князь Безбородко; можетъ статься дочь моя будетъ — Княгиня Дашкова, имѣя въ виду знаменитость ихъ единственно по талантамъ и пользѣ, Государству ими принесенной.

Одна холодность свѣта, одинъ эгоизмъ людей могутъ находить въ обстоятельствѣ не только не предосудительномъ, но еще весьма похвальномъ — въ союзѣ, Богу пріятномъ, постыдный предлогъ къ укоризнѣ бѣдныхъ и къ непростительному извиненію — жестокаго равнодушія къ трогательной бѣдности!

Основательнѣе можно сказать богатому, женившемуся на богатой же, для чего онъ это сдѣлалъ? Соединеніе роскоши, тщеславія, суетности и праздности, думаю, скорѣе и болѣе надѣлаетъ всякаго зла, нежели соединеніе бѣдности, заботы, попеченія и дѣятельности. И можно ли обвинять недостаточнаго человѣка за то, что, бывъ недостаточнымъ, онъ сталъ и добродѣтельнымъ?

Теперь-то и поспѣшите на помощь къ нему, богачи міра сего — ежели хотите остаться богатыми, — стяжать сокровища и въ томъ мірѣ! Людей обмануть можно — и обманываютъ; но обманете ли Творца истины!

VI.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ДОПОЛНЕНІЕ КЪ НАШЕЙ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ.

Состояніе нашей книжной торговли достойно удивленія, или справедливѣе сказать жалости. . . Но только вѣ отношеніи кѣ авторамѣ. Ибо, судя по множеству книжныхѣ лавокѣ вѣ столицѣ и по долговременному содержанію оныхѣ одними и тѣми же хозяевами, книжная торговля и у насѣ не безприбыльна. Между тѣмѣ авторы, по собственному признанію добросовѣстныхѣ книгопродавцевѣ, не пользуются никакою прибылью. Загадка! Кто же наполняетѣ книжныя лавки? — Не знаю. Но разскажу слѣдующее:

Недавно предлагалѣ я за самую умѣренную цѣну умному и откровенному книгопродавцу путешествіе вѣ Индію, совсѣмѣ необширное, увѣдомляя что оно писано — и писано очень хорошо — человѣкомѣ, объѣхавшимѣ почти всю Азію и прибывшимѣ черезѣ Китай и Сибирь вѣ Россію; что оно будетѣ любопытно для каждаго и полезно для негоціянтовѣ и проч.

Книгопродавецъ, не задумавшись ни мало, отказался на отрѣзъ, соглашаясь впрочемъ со мною, что такая книга долженствовала бы быть напечатана. „Но у меня лижитъ давно въ рукописи" — примолвилъ онъ — „путешествіе въ Китай, и я не смѣю печатать его потому, что на такія книги мало читателей." — Но на какія же много ихъ? — спросилъ я. „Теперь на журналы." — Слава Богу! Но лавка ваша наполнена не журналами. Вы сказали *теперь* — а прежде? „Хорошія книги шли и впередъ будутъ идти дурно." — Не отъ васъ ли зависитъ, чтобы онѣ летѣли: не берите дурныхъ ни переводовъ, ни сочиненій; и публика, за неимѣніемъ оныхъ, привыкнетъ къ хорошимъ: печатайте только такія. „Это мугутъ сдѣлать одни капиталисты." — Есть и капиталисты между вами.... Но не уже ли — прервалъ я его молчаніе — и путешествія Сарычева, Крузенштерна, Лисянскаго не принесли выгодъ книгопродавцамъ? — „Вы не можите представить, какъ мало разошлось двухъ послѣднихъ, не смотря на всю важность и привлекательность ихъ!" — Какая же надежда остается для авторовъ?.... „Въ етомъ отношеніи состояніе ихъ самое не благопріятное." — Долго ли же продлится столь жалкая участь ихъ въ нашемъ отечествѣ? — Книгопродавецъ пожалъ плечами.

Боже мой! человѣкъ, проѣхавшій нѣсколько тысячь верстъ, издержавшій нѣсколько тысячь рублей, преодолѣвшій многія трудности, все замѣчавшій, все описавшій: земли, нравы, обычаи, промыслы, торговлю, художества, искуства, просвѣщеніе народовъ отдаленнѣйшихъ, совсѣмъ другаго свѣта, едва извѣстныхъ намъ по имени, но съ которыми имѣемъ коммерческія сношенія; посвятившій всѣ свои способности и силы пользѣ и удовольствію общества, приходитъ наконецъ въ книжную лавку съ тетрадью въ рукѣ, желаетъ какихъ-нибудь 20 руб. за листъ; желаетъ болѣе всего, чтобы тетрадь была напечатана, и книгопродавецъ не беретъ ни за что. Путешественникъ съ жаромъ говоритъ объ ея достоинствѣ; купецъ съ холодностію повторяетъ свой отказъ. Между тѣмъ является дурной переводчикъ дурнаго романа, или отважный собиратель формулярныхъ списковъ и газетныхъ реляцій, сточенныхъ на живую нишку и пространно надписанныхъ: *Жизнь* и проч. и проч. *такого-то*, *Походъ* и проч. и проч. *такого-то*, и нашъ литтературный оцѣнщикъ выдаетъ охотно награду за труды и таланты! . . .

Вотъ какими твореніями наполнены наши книжныя лавки!

Какую бы хорошую книгу и какъ бы хорошо ни перевели вы; но ежели васъ предупредили, то каковъ бы ни былъ уже сей переводъ, вашего не возметъ книгопродавецъ. — „Книга известна уже публикѣ. Публика любопытствуетъ только знать начало и конецъ книги; а до слога и подробностей ей дѣла нѣтъ.“

Такъ говорилъ одинъ опытный продавецъ книгъ, когда я принесъ къ нему переводъ, въ которомъ *предупредили* меня, и который остался въ бумагахъ моихъ — и, вѣроятно, навсегда.

Почти то же нѣкогда сказалъ мнѣ покойный Михаилъ Матвѣевичь Херасковъ. Онъ сказалъ: „Писать нѣтъ никакой прибыли.“ — Нѣтъ никакой прибыли писать въ такомъ Государствѣ, котораго Правительство усиливается распространить просвѣщеніе!! Кого винить по справедливости, книгопродавцевъ, или публику?

VII.

ДЕРЕВНЯ.

La vie champêtre est la premiere vie de l'homme, la plus paisible, la plus naturelle et la plus douce à qui n' a point le coeur corrompu.

J.-J. Rousseau.

„Мы вЪ деревнѣ! мы вЪ деревнѣ!" сто разЪ на день повторяю сЪ восхищеніемЪ, и каждый день тысячу удовольствій находитЪ сердце мое вЪ ея отрадныхЪ мирныхЪ тѣняхЪ. ЧеловѣкЪ можетЪ быть щастливЪ, если захочетЪ приближиться кЪ природѣ: сЪ нею — вЪ ея объятіяхЪ разрывается завѣса, которая закрывала отЪ глазЪ его все истинное, все изящное, все великое, — и душа его озаряется новымЪ свѣтомЪ; обманчивые призраки щастія исчезаютЪ передЪ нимЪ, какЪ ночные туманы передЪ лучами солнца. СЪ сожалѣніемЪ броситЪ онЪ взорЪ на блистательныя химеры подлуннаго міра, на ползающихЪ у подножія его кумировЪ и благословитЪ участь свою.

Я хочу описать нашу деревню, порядокЪ нашей жизни, наше время провожде-

нїе. — Никто изЪ насЪ не зналЪ теперишняго нашего жилища; ввечеру на другой день пути нашего изЪ столицы открылось оно нетерпѣливымЪ нашимЪ взорамЪ. Маленькая деревня, небольшой господской домЪ, осѣненный высокими березами, и вообще пустынный видЪ оледенили сердца наши. ВЪѣзжаемЪ на дворЪ, или лучше сказать вЪ рощу: ибо дворЪ усаженЪ во кругЪ деревьями; входимЪ вЪ покои — и сердца наши стали развеселяться. — Чистые полы, обитыя новыми обоями стѣны, разрисованныя вЪ сельскомЪ вкусѣ потолоки, и напослѣдокЪ галлерея вЪ Англійской садЪ перемѣнили совершенно чувства наши. — Толстой управитель принялЪ насЪ сЪ хлѣбомЪ и ягодами, сказалЪ нѣсколько чистосердечныхЪ привѣтствій, и пошелЪ передЪ нами — показать намЪ все.

ИзЪ покоевЪ выходимЪ вЪ мрачныя перспективы, которыя приводятЪ насЪ кЪ маленькимЪ домикамЪ. ВЪ каждомЪ изЪ нихЪ по двѣ чистыхЪ комнатЪ сЪ нишью, и кроватью вЪ немЪ. Развѣсистыя вѣтви деревЪ, касаясь оконЪ, составляютЪ пріятныя *жалузи*. — Новая хозяйка опредѣляетЪ каждому изЪ насЪ по домику, и мы довольны. — ИдемЪ вЪ садЪ. Темныя аллеи, высокая трава, полуразвалившіяся бесѣдки, приманчивый лабаринтЪ, древнія вазы, дикость мѣста, глубокое безмолвіе, уныло

тихой шумъ деревьевъ имѣли для насъ нѣ-что ужасное, и мы въ одинъ голосъ сказали: Вотъ les mysteres d'Udolphe! . . . Смѣхъ послѣдовалъ за романическимъ воспоминаніемъ, и удовольствіе блеснуло во всѣхъ взорахъ.

Возвратились въ покои; ужинъ былъ готовъ. — Милая хозяйка обьявила намъ предположенной ею образъ нашей жизни: поутру въ девять часовъ собираться къ чаю, которой она будетъ разливать сама; въ два часа обѣдать, въ семъ часовъ вечерній чай, въ десять ужинъ. — Ничего неможетъ быть пріятнѣе такой жизни! . . .

Вообразите удовольствіе наше, когда усядемся поутру около чайнаго столика своимъ обществомъ! — Одинъ разсказываетъ сонъ свой; другой приключеніе вчерашняго дня; третій какую-нибудь читанную имъ исторійку; четвертой какой-нибудь оригинальной анекдотъ (*). — Потомъ разходимся — одѣваться, читать, писать, гулять.

У меня есть моя бесѣдка, гдѣ сижу я съ Томсономъ, съ Гиршфельдомъ, съ Цим-

(*) Le déjeûné est le repas des amis; on y dit ce qu'on pense; on y révéle tous ses secrets, on n'y contraint aucun de ses sentimens; on y peut se livrer, sans impudence, aux douceurs de la confiance et de la familiarité. Que ne dure-t-il toute la journée?
J.-J. Rousseau. Nouv. Hél.

мертаномЪ, и куда приглашаю иногда МузЪ и Граціи. — Кстати о ГраціяхЪ. Здѣсь есть истинныя — не идеальныя Граціи. Любезныя молодыя дѣвицы, сЪ умомЪ и сердцемЪ образованными.

ВЪ одной, вЪ одной простотѣ, невинности сельской можетЪ сохраниться сія прелестная простота нрава; сія ангельская невинность сердца; сія возвышенность чувствованій. . . . АхЪ! я никогда не позабуду того утра, когда сЪ одною изЪ нихЪ посѣщали мы больнаго! . . .

Иногда сЪ первыми лучами Авроры, оставя спокойный одрЪ мой, иду вЪ рощу. Какія красоты открываются взорамЪ моимЪ! Какія чувства раждаются вЪ душѣ моей! — Безчисленные роды пернатыхЪ пѣснями своими, кажется, поздравляютЪ меня сЪ моимЪ удовольствіемЪ. — ВЪ сладкой задумчивости слушаю ихЪ, и припоминаю сей щастливой Сен-Ламберта стихЪ:

Souvent j'écoute encor, quand le chant a cessé!

Для чего я не имѣю Сен-Ламбертовой лиры, или Вернетовой кисти? Для чего сила выраженій моихЪ не соотвѣтствуетЪ силѣ моихЪ чувствованій? Но какой стихотворецЪ, но какой живописецЪ изобразитЪ всѣ

прелести природы? Недостанетъ языка, недостанетъ воображенія. — Ахъ! умирающій Женевской Философъ справедливо желалъ увидѣть еще разъ восходящее солнце!

Всякой день кто-нибудь пріѣзжаетъ къ намъ изъ города Р*, которой въ десяти верстахъ отъ сюда — обѣдать, ужинать, и нерѣдко до двадцати человѣкъ сидитъ за столомъ. — Любезная хозяйка одушевляетъ общество, и какимъ-то волшебнымъ талисманомъ привлекаетъ къ себѣ каждаго. — Въ хорошую погоду обѣдаемъ въ нарочно построенной посреди сада столовой галлереѣ, которой стѣны и потолоки изображаютъ нѣкоторыя мѣста изъ Священной Исторіи. Господь Саваоѳъ, въ сіяніи своемъ, благословляетъ трапезу и возлежащихъ.

Каждая бесѣдка расписана. Тамъ океанъ съ кораблями; тутъ группы танцующихъ драгунъ съ сельскими нимфами; тамъ садъ съ парками и аллеями; тутъ какой-то храмъ; тамъ охотники гонятъ оленя, и проч.: по крайней мѣрѣ это можетъ занять глаза тѣхъ, которые немного видятъ картинъ въ природѣ, и любятъ лучше занять глаза, нежели мысли. . . . Мнѣ понравилось въ одной изображеніе Амура, у котораго Постоянство обрѣзываетъ крылья. Вотъ настоящая эмблема деревен-

скаго характера любви! — Часто я помогаю — разумѣется въ воображеніи — щастливоиу Постоянству.

Послѣ обѣда расходимся въ разныя стороны. — Кто гуляетъ въ аллеяхъ, кто отдыхаетъ въ бесѣдкѣ; другіе садятся за бостонъ. — Около пяти часовъ собираемся. — Свѣжая сочная малина съ желтыми сливками ожидаетъ насъ. Какъ она пріятна вкусу и обонянію! — Въ семь часовъ пьемъ чай, разливаемый хозяйкою, или одною изъ Грацій, на галлереѣ; вечерніе ароматы, мѣшаясь съ ароматомъ чая, и наливающія руки, содѣлываютъ его истиннымъ нектаромъ.

Чрезъ часъ идемъ всѣ въ поле. Златые класы, подобно Океану, волнуются по обѣимъ сторонамъ дороги. Яхонтовые васильки останавливаютъ насъ на каждомъ шагѣ — срываемъ, и Нимфы плетутъ изъ нихъ вѣнки, фестоны. — Пугливыя перепелки выпархиваютъ изъ-подъ ногъ нашихъ; заходящее солнце представляетъ намъ восхитительнѣйшее зрѣлище. Природа, погрузивъ въ послѣдній разъ кисть свою, рисуетъ различными цвѣтами прелестныя фантастическія фигуры на лазури неба . . . Съ чѣмъ сравнить сіи вечернія, полевыя прогулки?

Возращаясь, находимъ въ селѣ хороводы молодыхъ крестьянокъ, аккомпанируемые свирѣлями молодыхъ пастуховъ. — ,,Вотъ картина щастливой Аркадіи!" говоримъ мы между собою — и примѣчаемъ страстный взоръ Галатеи, бросаемый ею на своего Алексиса; нѣжную улыбку Дафны, которою одушевляетъ она своего Палемона; торжествующую любовь Миртила, котораго предпочла Хлоя Тирсису.

Sort des bergers, douceurs aimables,
Vous n'êtes plus ce sort si doux;
Un peuple vil de misérables
Vit pasteur ſans jouir de vous!

Отъ чего сердце находитъ столько удовольствій мечтать о золотомъ вѣкѣ, когда мы увѣрены, что онъ не что иное какъ стихотворческое вообраafженіе? — Не отъ того ли, что сердце способно къ наслажденію вымышленнымъ его блаженствомъ на самомъ дѣлѣ? . . . Два чистыя, симпатическія сердца не вкушаютъ ли въ соединеніи своемъ истинную Аркадію? . . . Ахъ! безъ сомнѣнія такое состояніе начертало ее. — Что потребно — говоритъ Руссо въ Эмилѣ — для возвращенія золотаго вѣка? Одна вещь, но невозможная . . . любить его.

Наступило время жатвы; серпъ заблисталъ въ рукахъ вѣрной подруги земле-

дѣльца. — Съ неизъяснимымъ удовольствіемъ смотрю я, какъ сія нелицемѣрная подруга неразвращеннаго человѣка раздѣляетъ съ нимъ трудъ его, равно какъ и благополучіе цѣлой его жизни. — Такъ, они истинно благополучны, не смотря на то, что мы называемъ ихъ бѣдными. Ахъ! мы во сто разъ ихъ бѣднѣе: ибо мы всѣмъ обязаны имъ. — Мы посреди роскоши и забавъ скучаемъ; въ нѣдрахъ дружбы и любви чувствуемъ еще пустоту . . . А они послѣ тяжкихъ трудовъ своихъ за однимъ хлѣбомъ развеселяются, и въ чистыхъ обьятіяхъ наслаждаются совершеннымъ успоконіемъ О люди! съ той минуты какъ вы стали удаляться отъ природы, щастіе для васъ погибло! . . .

Складенные на нивахъ ровными кучками снопы представляютъ мнѣ олтари благодѣтельной Цереры, и заставляютъ нечувствительно мечтать о Греціи; о таинствахъ Элевзинскихъ; о тѣхъ временахъ, когда Цари сходили съ престоловъ на поля для ободренія земледѣльца собственнымъ примѣромъ. — Сколько пищи воображенію!

Дамы наши брали серпъ, и хотѣли жать; но серпъ, казалось, съ негодованіемъ противился волѣ ихъ, и никакъ не рѣзалъ. „Видѣте ли вы" — сказалъ я имъ, смѣясь —

„что прекрасныя руки ваши здѣсь ничего не значатъ?“ — „За то онѣ много значатъ тутъ“ — отвѣчала одна, поднесши руку къ губамъ моимъ. — Поцѣлуй подтвердилъ слова ея.

Уже блѣднѣющая трава, падающія съ деревъ листья возвѣщаютъ приближеніе осени — сего меланхолическаго, пріятнаго времени, которое сходствуетъ съ моею душею . . . Никогда не брожу я съ такимъ удовольствіемъ, какъ осенью; никогда не мечтаю такъ сильно, какъ осенью, и никогда не ожидалъ я осени съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ теперь

VIII.

КАМЕЛЕКЪ.

Amis! mêlons nos destinées, et vivons ensemble toujours!

Прелестной камелёкъ! какъ ты привлекателенъ! какъ пріятно для друзей усѣсться передъ тобою, — смотрѣть на розовое пламя твое, — говорить, шутить, смѣяться съ милою искренностію, — разсказывать разныя исторійки, — стращать другъ друга привидѣніями, духа-

ми, — разсуждать о феноменахъ большаго свѣта, о пустотѣ всѣхъ удовольствій его, о прелестяхъ тихой жизни въ кругу милыхъ друзей, — строить воздушные замки, — переноситься на быстрыхъ крыльяхъ воображенія въ прелестное Эльдорадо — страну спокойствія, — разсматривать сердце человѣческое — всѣ его тайные изгибы, всю сокровенность — силу симпатіи, — дойти до источника земнаго блаженства ... любви, — разбирать все ея свойство, всѣ отношенія къ ней, всѣ объ ней понятія, — заспорить, разгорячиться и ... согласиться — почувствовать истину — погрузиться въ себя, и — по нѣкоторомъ молчаніи — съ новымъ жаромъ, съ новыми силами, съ новымъ удовольствіемъ начать разговоръ о самыхъ бездѣлицахъ — обо всемъ, что ни придетъ намысль; — напослѣдокъ съ полнымъ сердцемъ, съ отягченными сномъ глазами розойтись; — объятія Морфея отверсты Какъ сладки они послѣ такого время-провожденія!

Милый камелекъ! кто не любитъ тебя, кто не сиживалъ съ друзьями передъ тобою; тотъ не знаетъ лучшей пріятности въ жизни!

IX.

МАЙСКОЕ УТРО.

Je jouis d'une tranquilité d'âme qui n'est jamais fort troublée par les soucis de ce monde.

Montaigne.

Природа! какой неисчерпаемой источникъ радостей заключается въ тебѣ! Въ нѣжныхъ материнскихъ объятіяхъ твоихъ растерзанное сердце горестями исцѣляется мгновенно! — Нещастливъ тотъ и въ самыхъ нѣдрахъ щастія, кто не знакомъ съ тобою; кого обольщаютъ болѣе очарованія искуственнаго свѣта, нежели твои безхитростныя прелести!

Ты теперь въ торжествѣ своемъ, въ блистательномъ вѣнцѣ, въ мирной славѣ; — но ты равно любезна мнѣ и въ Маѣ и въ Октябрѣ!

Какое утро! — Утомленные безпокойными городскими забавами не наслаждаются тобою, и — не сожалѣютъ объ этомъ! . . . Ахъ! они сами достойны сожалѣнія!

Я поспѣшаю въ дикую рощу, — прихожу, и . . . теряюсь въ удовольствіяхъ О! сколь сладостная гармонія царствуетъ здѣсь между моею душею и различными предметами, меня окружающими! . . . Дрожащіе лучи солнца, возвышающагося медленно изъ-за горъ, освѣщаютъ мирную поверхность водъ, и образуютъ въ деревьяхъ тысячу чудныхъ и фантастическихъ фигуръ. Тишина, пустынное безмолвіе наиприятнѣйшимъ образомъ соединяются съ тишиною чувствъ моихъ. Ночныя испаренія цвѣтовъ еще не разсѣялись по воздуху; подобно тонкому облаку, они волнуются въ немъ и сильно потрясаютъ мои нервы; въ глазахъ моихъ протекаетъ по разноцвѣтнымъ камешкамъ свѣтлый ручей, который кроткимъ журчаніемъ своимъ вливаетъ сладкое уныніе въ мое сердце; высокія липы съ улыбкою, кажется, простираютъ густыя вѣтви свои для осѣненія меня; разительныя трели соловья раздаются по рощѣ, и эхо повторяетъ ихъ въ дикихъ утесахъ.

Восторгъ обьемлетъ духъ мой. Я обращаю мысли мои на прошедшее. Образъ твой, нѣжная Лила, останавливаетъ быстрое стремленіе ихъ, и полная картина прошедшаго моего блаженства невидимою кистію живо изображается предо мною; въ одно мгновеніе жаднымъ взоромъ нахожу

ту рощу, въ которой не *одинъ*, но съ тобою, привѣтствовали мы утро, и были привѣтствуемы хорами пѣвцовъ ея; гдѣ въ знойные часы отдыхали на мягкой муравѣ подъ тѣнистыми дубами, и гдѣ не рѣдко заставала насъ блѣдная луна.

Мы приходили съ книжками, и болѣе другихъ занимали насъ Вертеръ и новая Элоиза. Какія чувства производили они въ сердцахъ нашихъ! Куда увлекало насъ вообраденіе! Оно переносило насъ въ Веве, въ Кларанскую рощицу, гдѣ Юлія поцѣловала въ первой разъ страстнаго Сен-Прё; на берега Женевскаго озера, въ Мельери — мы искали тамъ пламенныхъ любовниковъ, и находили ихъ другъ въ другѣ, въ самихъ себѣ, въ своихъ объятіяхъ! . . . Судьба злощастнаго Вертера извлекала слезы изъ прелестныхъ глазъ твоихъ — я мѣшалъ мои съ ними; безмѣрно нѣжная, чувствительная душа твоя приводила меня въ изумленіе; — я чтилъ добродѣтель въ образѣ твоемъ.

Но — ахъ! гдѣ ты, гдѣ, блаженство мое? — Судьба не хотѣла навсегда продолжить его для меня!

Я брожу теперь одинъ, — одинъ съ моими чувствами — въ дикой рощѣ! — Но я нахожу утѣшеніе въ тебѣ, Природа!

нахожу удовольствіе въ тебѣ, воображеніе! — Ничто здѣсь не мѣшаетъ мнѣ предаваться сладкимъ мечтамъ моимъ ...

Природа и воображеніе! я вами только щастливъ!

X.

КЪ ДРУГУ.

Для чего нѣтъ тебя въ сію минуту со мною? Я бы излилъ чувства души моей въ твою душу . . . Давно сердце мое не имѣло такой нужды въ твоемъ сердцѣ! . . . „Какія чувства занимаютъ его? Какая тягость лежитъ на немъ? Что трогаетъ его?" — Не спрашивай, другъ мой! Мрачная меланхолія, жестокіе ея припадки — вотъ болѣзнь души и сердца моего. . . . Отъ природы ли мы бываемъ расположены къ ней, или по случаю, по обстоятельствамъ — не знаю; но глубокая чувствительность и мрачная меланхолія, кажется, неразлучны. — Въ сердцѣ, назначенномъ судьбою къ сиротству, къ одиночеству, усиливается она, такъ сказать, до умерщвленія всѣхъ способностей къ радостямъ и наслажденію.

Сегодня испытало бѣдное мое сердце страшную силу прилива меланхоліи. Я былъ въ одномъ изъ тѣхъ домовъ, гдѣ, какъ говоритъ Монтескье, могу довольствоваться *всѣдневнымъ* умомъ моимъ, — въ короткомъ, пріятномъ для меня домѣ. Безъ всякой причины ощутилъ я вдругъ скуку, грусть, унылость, и слезы готовы были политься ручьями. — Томный звукъ гитаръ, на тотъ разъ гремѣвшихъ тамъ, болѣе еще растрогивалъ душу мою. — Ты знаешь, что я имѣю маленькой голосъ; меня, по обыкновенію, приглашаютъ пѣть; пою — но грудь моя трепещетъ, голосъ умираетъ въ ней; надо мною шутятъ. — „Ты дремлешь" — говоритъ одинъ. — „Ты въ разсѣяніи" — говоритъ другая. Слабая, принужденная улыбка была отвѣтомъ моимъ.

Я старался сколько возможно преодолѣть сердце мое, торжествовать надъ нимъ; но какой Атлантъ побѣдитъ сильныя его чувствованія? — И такъ я остался побѣжденнымъ, и *ретировался* къ себѣ, въ свою тихую, уединенную комнату. Тутъ любимые мои предметы: Вольтеръ, Руссо, Лафонтенъ, изображенные въ славѣ своей; шкапъ мой съ книгами и столъ съ бумагами начали понемногу облегчать тягость души моей. Кресла пригласили меня къ отдохновенію; я бросился въ

нихЪ, облакотился на столикЪ и искалЪ глазами какой-нибудь книжки, которая бы трогала сердце мое: попался *КаминЪ* (*). — Я обрадовался, раскрылЪ, гдѣ случилось, и читаю: *Теперь сижу одна у пустыннаго огня моего, и даю свободной полетЪ воображенію.* Я далЪ также моему, и полетѣлЪ сЪ любезною мечтательницею на песчаный берегЪ свирѣпаго Днѣпра, ударяющаго ярыми волнами своими вЪ зеленую гору, на которой бѣлѣется каменная ограда Кіевской Лавры. ТутЪ вмѣстѣ сЪ Сочинительницею останавливаюсь, и привожу на мысли мои время пребыванія моего вЪ семЪ городѣ. Различныя чувства проходятЪ вЪ сердцѣ моемЪ; кровь во мнѣ волнуется. — Отсюда переселяюсь сЪ прелестной Феею вЪ каменистую Финляндію; брожу по слѣдамЪ моей путеводительницы; присвоиваю себѣ ея воображеніе, ея чувства. — Оставя унылый край, лечу за нею вЪ мрачные, дремучіе лѣса и на грозныя горы Шотландіи. Здѣсь живо вижу ужасные предметы; живо слышу разительные звуки бранныхЪ орудій, печальныя пѣсни священныхЪ БардовЪ. — ФингалЪ, ОссіанЪ! что дѣлаютЪ сЪ воображеніемЪ, сЪ чувствами имена ваши? . . Не взирая на *одинЪ* духЪ, *на одни* предметы, на единообразную меланхолію Шотландскаго Поэта, воображеніе и чувства находитЪ

(*) Прекрасное Руское сочиненіе женщины.

всегда *новую* пищу въ твореніяхъ Оссіана. — Зеленые луга, свѣтлые ручейки, кудрявые холмы, лазурное небо, миртовыя рощи, поющій соловей, въ описаніяхъ Делилля, Сен-Ламберта, дѣлаютъ меня щастливымъ; но грозныя скалы, дикіе лѣса, мрачныя облака, свирѣпые вѣтры, бурныя ночи, шумное море, въ пѣсняхъ Оссіана, доставляютъ несказанное удовольствіе моему духу. Отъ чего это? Не отъ того ли, что ужасъ имѣетъ въ себѣ нѣчто весьма пріятное.

Слезы были въ глазахъ моихъ, но невыкатывались; сердце чувствовало еще тягость свою; — надлежало произвесть желаемое дѣйствіе, и горестная любовь Аделаиды и Монвиля (*) произвела его: слезы полились рѣкою; сердце облегчилось, и я ощутилъ тихое, пріятное движеніе въ чувствахъ моихъ. — Небесное дарованіе! . . . Что бы мы были безъ книгъ? Чѣмъ бы мы утѣшались въ уединеніи, въ скукѣ, въ горести? Гдѣ взять всегда истиннаго друга, нѣжную подругу, искреннее общество? . . . И съ другомъ и съ подругою и въ обществѣ бываютъ минуты, въ которыя хочешь быть самъ съ собою. Тогда умъ, сердце требуютъ другой пищи, собственной своей . . . любезныхъ книгъ. — Я не знаю

(*) Анекдотъ въ *Пантеонѣ*, кн. третья.

пріятнѣйшаго, живѣйшаго удовольствія, какъ читая, почувствовать вдругъ *электрической ударъ въ головѣ и въ сердцѣ* . . . Ничто, ничто не доставляетъ чувствованіямъ такого наслажденія!

Съ тѣхъ поръ какъ лютые Аквилоны завѣяли насъ снѣжными буграми, и прелестную разноцвѣтность природы одѣли печальнымъ бѣлымъ покрываломъ, оставя единственую отраду намъ у огонька, съ какою пріятностію сижу я поутрамъ у моего, въ безмолвной моей комнатѣ!

Свѣча моя догораетъ, мысли останавливаются, чувства истощаются, глаза тяжелѣютъ, рука не пишетъ; — благодѣтельной Морфей обѣщаетъ мнѣ совершенное исцѣленіе. . . . Страдалецъ, но покойный въ совѣсти, бросается на постель подобно Сафѣ, бросающейся въ Левкадскую пучину, съ несомнѣнною надеждою исцѣлиться кроткимъ сномъ отъ жестокихъ горестей.

Прости!

XI.

КЛАДБИЩЕ.

Однимъ утромъ, по обыкновенію моему, вышелъ я въ томномъ расположеніи моего духа на три горы (*) — любезное мѣсто моихъ прогулокъ. — Обширная равнина, множество рощей, Готической Петровской дворецъ, нѣсколько деревень съ бѣлѣющими каменными церьквами, тихая рѣка, Дѣвичій монастырь, картина города — суть предметы, которые занимаютъ тутъ глаза мои, и, кажется, всякой разъ имѣютъ для нихъ нѣчто новое.

Но всего пріятнѣе, всего любезнѣе для меня кладбище, которое на самой срединѣ всей этой сцены. — Живѣйшимъ, нежели когда-нибудь, побужденіемъ былъ я на этотъ разъ повлеченъ къ нему. Юнгъ, Гервей, — какъ и всегда, — были моими спутниками. Ихъ чувства, ихъ размышленія заняли мое сердце, мою голову сильнѣйшимъ образомъ. Я выбралъ одинъ, самой ветхой, гробной камень, сѣлъ на оной и началъ мечтать. Все, что ни было тогда предъ моими глазами, погру-

(*) Одна изъ окрестностей Москвы.

зилось, казалось мнѣ, въ задумчивость вмѣстѣ со мною. Тихой, унылой шумъ березокъ, насаженныхъ между гробами, питалъ кроткую мою меланхолію. Я не смѣлъ устремить взоровъ на любимыя мои деревья, боясь чтобъ они не измѣнили мнѣ. — Столь дорого было для меня это удовольствіе!

„Для чего многіе боятся меланхоліи?“ думалъ я: „что можетъ быть ее отраднѣе?“ — Я испыталъ и чувства радости, забавъ, веселья: они какъ-то утомляютъ сердце, и не доставляютъ *истиннаго* удовольствія. Стремительныя свойства ихъ не даютъ протекать *сладости* по всѣмъ изгибамъ сердца, и, подобно порывистому Зефиру, мчатъ съ быстротою струи ея. — Впечатлѣнія, оставляемыя ими, похожи на тѣ безпорядочные слѣды, которые видны нѣкоторое время въ долинѣ послѣ горныхъ потоковъ.

Кроткая, священная меланхолія! ты настроиваешь чувства къ самымъ тонкимъ ощущеніямъ; раскрываешь душу къ самымъ живымъ впечатлѣніямъ; — и воспоминаніе прошедшаго, и удовольствіе настоящаго, и воображеніе будущаго проливаютъ въ сердце неизъяснимую сладость. — Всякая мысль, всякое чувство имѣетъ тогда какую-то под-

линную пріятность; какое-то волшебное дѣйствіе на душу. — — Тщетно будете искать того же въ забавахъ! — Надобно узнать сердечнымъ опытомъ нѣжную меланхолію, чтобъ вкушать въ ней небесное удовольствіе!

Сіи мысли усилили ее въ душѣ моей, и судьба человѣческая заняла мое разсужденіе. Я представилъ себѣ въ живой картинѣ (сколько воображеніе мое услуживало мнѣ въ семъ случаѣ) блестящіе дары Фортуны, и извѣстныхъ мнѣ людей, которые осыпаны ими; хотѣлъ читать щастіе въ глазахъ ихъ; — но это услужливое воображеніе представило мнѣ холодные, угрюмые взоры — изображенія сердечнаго равнодушія, онѣмѣлыхъ чувствъ, тайной скуки! . . . Я вообразилъ противоположную картину, другихъ людей, и видѣлъ на лицѣ нѣкоторыхъ улыбку надежды, утѣшенія Глубокой вздохъ вылетѣлъ изъ груди моей, — горестный, или отрадный, не знаю

„Странная смѣсь участь человѣческая!" сто разъ повторилъ я. — Мнѣ захотѣлось найти подлинную *точку* щастія; — искалъ, раздроблялъ, ловилъ скользящія въ умѣ моемъ истины, и опять терялъ ихъ въ хаосѣ мыслей; усматривалъ какой-то свѣтъ; — стремился

къ нему и . . . снова терялся въ густомъ мракѣ! — Сердце мое не было довольно ни однимъ доказательствомъ умствованія . . . „Чего же ты хочешь?" спросилъ я у него. Щастія — отвѣчало сердце. „Но въ чемъ оно состоитъ для тебя?" — Въ покойной совѣсти, въ безпечномъ состояніи, въ вѣрномъ другѣ, въ нѣжной подругѣ. . . Тутъ невольная слеза выкатилась на томную грудь мою; — я устремилъ глаза на могилы, и представилъ себѣ ту, которая скрываетъ, далеко отъ меня, незабвеннаго моего К***! Милая тѣнь его простирала ко мнѣ свои нѣжныя обьятія! Сердце билось несказанно. — „Кто посѣщаетъ, другъ мой! крошкую могилу твою? Кто орошаетъ ее слезою нѣжности? Кто освѣжаетъ ее цвѣтами весенними? Кто сидитъ въ задумчивости при хладномъ камнѣ твоемъ подъ унылыми соснами, его осѣняющими? Кто читаетъ эпитафію, начертанную томною рукою друга твоего?" произнесъ я трепещущимъ голосомъ — и глубокое безмолвіе внимало вздохамъ моимъ . . . Болѣе получаса прошло послѣ сего такъ, что я не имѣлъ никакихъ мыслей, никакихъ ощущеній.

Потомъ казалось мнѣ — съ такою живостію, съ такою точностію — что нѣтъ въ мірѣ другаго существа, мнѣ подобнаго; что *я одинъ* во всей вселен-

ной . . . Ужасъ исполнилъ душу мою . . . „Куда идти въ страшной сей пустынѣ? Кого просить объ убѣжищѣ? Кому сказать: *Я горестный странникъ!*" думалъ я — и сердце мое трепетало. Черная туча унынія сгущалась въ глазахъ моихъ и покрывала всѣ предметы . . . Но вдругъ, подобно молніи, блеснулъ лучь во мракѣ, и я увидѣлъ образъ моего генія — безцѣннаго, единственнаго Е*** — и мракъ разсѣялся въ минуту. Съ ангельскою своею улыбкою спѣшилъ онъ къ утѣшенію друга. — „Нѣтъ! ты не одинъ въ мірѣ!" сказалъ онъ мнѣ: „у тебя есть еще истинный другъ; свѣтъ не долженъ для тебя быть пустынею — въ немъ я съ тобою!" . . . Ангелъ хранитель мой! ты обновилъ цвѣтъ жизни моей тогда, какъ ужасный рокъ поразивъ моего К***, поразилъ и меня! Ты предложилъ тоскующему сердцу моему дружбу свою, — и симпатія соединила вѣчнымъ узломъ души наши. Ты замѣнилъ мнѣ моего К*** со всею горячностію души его, — и онъ въ жилищѣ блаженныхъ не упрекаетъ конечно меня непостоянствомъ; но объемлетъ тебя вмѣстѣ со мною, и бодрствующимъ духомъ своимъ хранитъ насъ обоихъ! . . Я оглянулся вокругъ себя; — священная, меланхолическая тишина кладбища, щастливый покой усопшихъ произвели во мнѣ живѣйшее чувство тлѣнности и суетности всего подлуннаго . . . Сладкой

миръ пролился въ душу мою — и я сказалъ съ Монтанемъ:

La mort est moins à craindre que rien, s'il y avait quelque chose de moins que rien.

XII.

ЧУВСТВО СКОРБИ.

Qu'est-ce que la vie? . . . Un bruit auquel la mort nous ferme l'oreille (*) — думалъ я съ Верномъ, смотря на угасающій свѣтильникъ жизни. — Боже мой! какого трогательнаго зрѣлища я былъ свидѣтелемъ! . . . Двѣ дочери, горестныя, неутѣшныя, около умирающей нѣжной матери! . . — Одна изъ нихъ, стоя наколѣнахъ, третъ хладѣющія ноги ея, проливая слезы, которыхъ она не видитъ; испуская стоны, которыхъ она не слышитъ! . . . Уже смерть прикоснулась свинцовою рукою къ чувствамъ ея, и подавила всѣ, — кромѣ чувства страданія! — Томные, мрачные, полуугасшіе взоры не останавливались ни на одномъ предметѣ . . . Уже не было для нее, казалось мнѣ, никого предмета въ свѣтѣ;

(*) Что есть жизнь? . . . Шумъ, отъ котораго смерть заграждаетъ слухъ нашъ.

самый свѣтъ исчезалъ передъ нею! . . . Живѣйшая скорбь наполнила душу мою.

Мы говорили довольно громко, и я боялся, не беспокоимъ ли больную; но мнѣ дали знать, что она не имѣетъ почти совсѣмъ слуха.

Желая развлечь сколько-нибудь безмолвный кругъ печальныхъ, я старался въ минуты успокоенія страждущей говорить что-нибудь; — но всякой разъ, когда взоры мои встрѣчались съ ея взорами, нѣмѣлъ языкъ мой . . . Мысль: она смотритъ — и не видитъ; говорятъ подлѣ нее — и она не слышитъ, неизъяснимымъ образомъ дѣйствовала на мои чувства. — Ахъ! я видѣлъ, какъ одно за другимъ отдавала она природѣ то, что получила отъ нее на время. Разсчитывалась, платила долгъ, — печалный, страшный долгъ вразсужденіи милыхъ узъ, привязывающихъ насъ къ жизни! — — Разлучаться навѣки съ любезными, драгоцѣнными сердцу нашему, — разорвать въ одну минуту всѣ связи съ ними, — не имѣть болѣе ничего общаго съ свѣтомъ, въ которомъ остаются они, — не вѣдать ничего впередъ объ участи ихъ . . . Природа! природа! . . . въ безмолвіи благоговѣю предъ закономъ твоимъ! — — Но тамъ алая заря сіяетъ взору моему; свѣтлый лучь ея проницаетъ въ душу мою . . .

Релегія! это твое сіяніе, это твой лучь. . . . Ахъ! сколь утѣшителенъ, отраденъ онъ! . . . И если имъ освѣщается мрачный переходъ гроба: тогда не ужасъ, не бездну, не ничтожество видимъ передъ собою, — но путь, усыпанный цвѣтами; тогда разстаемся съ милыми намъ не навѣки, но до свиданія, до радостнаго, непремѣннаго свиданія, которому не будетъ уже разлуки. — Нещастливъ, стократъ нещастливъ тотъ, для кого не сіяетъ свѣтлая заря твоя, о Религія!

Къ дополненію скорби моей, одна изъ горестныхъ дочерей вышедъ въ другую комнату, и предавшись чувствамъ своимъ, вычисляла всю горячность матери своей; слезы катились градомъ по лицу ея. — Стали ее уговаривать; но она ничему не внимала, ничего не отвѣчала. Я хотѣлъ также сказать ей что-нибудь въ утѣшеніе; но слова умирали на устахъ моихъ. „Какому утѣшенію можетъ быть открыто сердце въ подобной горести!" — говорило мнѣ собственное мое. Я молчалъ, перебиралъ листки какой-то книжки, и былъ увѣренъ, что все то, что ни говорили къ успокоенію безутѣшной дочери, не входило въ ея душу.

Оставя напослѣдокъ сіе зрѣлище, я уединился въ мою комнату; но оно было

предЪ глазами моими. Сердце мое стѣснялось скорбію; нѣсколько разЪ слезы готовы были полишься ручьями . . . Поздный сонЪ мой распещрялЪ недавно видимое вЪ существѣ еще печальнѣйшими чершами вЪ сновидѣніи, и я пробуждался всеминутно сЪ сильнымЪ колебаніемЪ груди моей.

Но можетЪ быть пламенныя слезы, уповательныя молитвы возвратятЪ нѣжную мать нѣжнѣйшимЪ дочерямЪ.

Всемогущій! . . . Ты одинЪ утѣшитель горестныхЪ!

XIII.

КЪ ЛЮБЕЗНОМУ ФИЛОСОФУ.

Горы Алаунской.

Что значитЪ, любезный ФилософЪ, молчаніе твое? Какія обстоятельства, какіе предметы занимаютЪ тебя? — Болѣе года отдаленные друзья твои не наслаждаются чувствами души твоей, не пользуются произведеніями твоего разума — и струи *Иппокрены* (*) нашей не почтены струями пера твоего!

(*) Имя Журнала.

Кто можетъ безъ удовольствія читать произведенія Алаунскаго Философа? — Въ какомъ сердцѣ не врѣзались разительныя черты благороднаго духа его? Кого не тронуло до глубины души столь чувствительное, столь благородное его сердце (*).

Безсмертный творецъ Россіяды почтилъ искреннею похвалою — я слышалъ ее изъ устъ его — мысли, чувства твои, любезный Философъ! Сіи чувства, сіи мысли часто, и въ самую эту минуту, передо мною. Они питаютъ душу мою!

Случай, которой доставилъ мнѣ знакомство съ тобою, любезный Филантропъ (**)! я почитаю однимъ изъ важныхъ, щастливыхъ случаевъ жизни моей. — — Эта вечерняя прогулка съ тобою, съ милымъ Б* — за знакомство съ которымъ я тебѣ обязанъ — останется незабвенною въ моемъ сердцѣ!

Мы разговаривали со всею довѣренностію такихъ людей, которыхъ симпатическія чувства сближаютъ другъ ко другу и соединяютъ навѣки.

(*) См. въ Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени, Часть 12, піэсу: *Философъ горы Алаунской.* — Другія его піэсы въ томъ же Журналѣ: *Темный лѣсъ, Созерцаніе природы, Аллея, Лунная ночь.*

(**) Такъ онъ назвалъ себя въ одномъ изъ своихъ сочиненій.

Часто переношусь я въ воображеніи на это смиренное кладбище, гдѣ сидѣли мы подъ развѣсистыми вѣтвями стараго дуба. Томный, меланхолическій свѣтъ луны увѣнчивалъ меланхолію мѣста и предметовъ. — Мы философствовали надъ могилами собратій нашихъ, — вздыхали, — пожимали другъ у друга руки — и желали, казалось, лечь на одномъ кладбищѣ и явиться нѣкогда вмѣстѣ предъ Праведнаго Судію!

Потомъ, при возвращеніи нашемъ, остановилъ насъ печальный Готическій замокъ, — замокъ, гдѣ содержится преступленіе. Страшныя оковы зазвучали въ слухѣ нашемъ; мы занялись разсужденіемъ о нравственномъ несовершенствѣ, — содрогались при помышленіи о злодѣяніяхъ, къ которымъ удобенъ человѣкъ . . . Человѣкъ — это любезное созданіе; этотъ образъ Творца своего! — Такъ конечно; *невѣжество и развращеніе суть корень всѣхъ бѣдствій человѣка, и всего человѣчества* (*)!

Незабвенныя добродѣтели, украшающія лѣтопись сердца человѣческаго, добродѣтель Рейналя, Говарда, — ихъ состраданіе, любовь къ ближнему оживились въ памяти нашей, трогали, плѣняли насъ.

(*) Мысль *Алаунскаго Философа*.

Мы разстались съ полными сердцами, въ полной дружбѣ, — разстались; но любезный Алаунецъ, но милый Б*** останутся вѣчно въ душѣ моей.

XIV.

УТѢШЕНІЕ ВЪ СОБСТВЕННОМЪ СЕРДЦѢ.

Всемощныя судьбы! человѣкъ служитъ всегда игралищемъ вашимъ; — всегда съ какой-нибудь стороны вы испытываете его! . . . Роптать, жаловаться на васъ, есть обыкновенное дѣло; — но что пользы въ томъ? Вы въ своихъ опредѣленіяхъ непреклонны! Гдѣ же убѣжище слабаго человѣка отъ жестокости вашей? Гдѣ его утѣшеніе? . . . Въ собственномъ сердцѣ, — въ этомъ благомъ дарѣ благихъ Небесъ.

Ахъ! какъ нещастенъ тотъ, кто не находитъ въ немъ убѣжища, утѣшенія! . . Въ комъ бьется сердце только для физической жизни! . . Моральное существованіе такого человѣка есть не иное что, какъ вѣчное чувство скуки и томленія.

Всемощныя судьбы! вы разлучили меня въ одинъ день съ двумя безцѣнными пред-

метами души моей . . . Горесть моя безмѣрна — несравненна; но — я имѣю утѣшеніе . . . въ собственномъ сердцѣ; имѣю удовольствіе въ самыхъ слезахъ моихъ . . . Это сердце удостоено дружбы добраго, нѣжнаго, чувствительнаго человѣка; удостоено любви доброй, нѣжной, чувствительной женщины . . . Оправдать, заслужить дружбу такого человѣка, любовь такой женщины — есть главной предметъ, главное удовольствіе жизни моей!

Входя, такъ сказать, въ сердце мое, я вхожу во святилище, гдѣ дружба и любовь имѣютъ жертвенники свои. — Подобно священному храму, желаю, что бы ничто не оскверняло сердца моего; что бы никакое дурное чувствованіе не вкрадывалось въ него; что бы никакая порочная страсть не потемняла ясности его! . . . Съ заботливостію служителя олтаря стараюсь сохранить всю чистоту моего сердца; стараюсь приводить всѣ его чувствованія въ порядокъ, стройность, гармонію, — дабы ничто не могло оскорбить присутствующихъ въ моемъ сердцѣ.

Такъ, сердце есть источникъ сладостнѣйшихъ удовольствій человѣка! . . . Когда мы *чувствуемъ* его въ груди нашей; когда смѣло входимъ въ него съ свѣтильникомъ совѣсти; когда ничто въ немъ не

укоряетЪ насЪ : — тогда на пути жизни нашей срываемЪ розы безЪ терній ; тогда вЪ самыхЪ обыкновенныхЪ обстоятельствахЪ удовольствіе сЪ какой-нибудь стороны представляется намЪ. — Тишина кабинета, книга, картина, прогулка, уединенныя мѣста, безмолвіе ночи, разнообразіе природы: — все имѣетЪ для невиннаго сердца пріятность, которой другіе совсѣмЪ не знаютЪ. — Своенравіе случаевЪ, несправедливость людей для чувствительнаго человѣка горестнѣе конечно — но, укрывшись вЪ сердцѣ своемЪ, онЪ забываетЪ жестокость рока, — прощаетЪ людямЪ.

АхЪ! часто спѣшу я вЪ уединенную комнату мою сЪ растроганною душею, сЪ огорченнымЪ сердцемЪ, — чтобЪ быть сЪ самимЪ собою . . . СЪ какимЪ удовольствіемЪ вЪ тишинѣ, меня окружающей, изливаю на бумагу чувства мои, или читаю произведеніе чувствительнаго сердца! СЪ какимЪ удовольствіемЪ гуляю вЪ полѣ, вЪ рощахЪ! СЪ какою сладостію, сидя вЪ задумчивости у шумящаго ручейка, предаюсь любезнѣйшимЪ мечтамЪ моимЪ! Унылое его журчаніе питаетЪ задумчивость мою; горячая слеза падаетЪ вЪ маленькія волны, и уносится сЪ ними. — „Куда мчишься ты?" думаю я — и вздохЪ вырывается изЪ груди моей. СЪ ка-

кою пріятностію слушаю томное пѣніе малиновки, или громкія раскаты соловья!... Слухъ мой нѣжится, — и сердце вмѣстѣ съ нимъ. — Величественное, краснорѣчивое безмолвіе ночи возвышаетъ духъ мой, вливаетъ живѣйшее благоговѣніе въ мое сердце — и, кажется, соединяетъ меня съ таинственною природою. — Смотрю на кроткую луну, и вижу въ ней эмблему скромной добродѣтели; погружаюсь въ задумчивость, читаю въ мысляхъ Юнга (*), ищу глазами кипарисы, урны, — вдохновеній безсмертнаго Поэта, нѣжнѣйшаго супруга, нѣжнѣйшаго отца, — ищу при свѣтильникѣ ночи все любезное памяти, и нахожу . . . нахожу пищу для воображенія и сердца!

Единственно сердцу и воображенію одолженъ я моимъ утѣшеніемъ, моими удовольствіями! . . . Ахъ! чистое сердце усладитъ при самомъ разсчетѣ съ жизнію, и облегчитъ ужасный сходъ въ могилу!

Такъ чувствительный, добрый Руссо въ послѣднія минуты дней своихъ просилъ смиренную свою подругу открыть окно,

(*) На примѣръ слѣдующее: La nuit fut dans tous les temps l'amie de la vertu; la lune est une lampe allumée par le Créateur pour éclairer les veilles du Sage.
(XII *Nuit d'Voung.*)

чтобы взглянуть еще разъ на зеленый лугъ, на лазурное небо — и умеръ мирно, не смотря на злобное гоненіе рока.

XV.

МОЙ ТУАЛЕТЪ.

Отрывокъ.

Признаюсь, къ винѣ моей, предъ великимъ Бюффономъ (*), что я скучаю за туалетомъ — и между тѣмъ какъ *зодчій* волосъ моихъ занимается внѣшнимъ украшеніемъ головы моей, я занимаюсь внутреннимъ ея украшеніемъ — то есть читаю. — Подымая глаза отъ времени до времени, вижу въ зеркалѣ, что зодчій мой заглядываетъ въ книжку, которая въ рукахъ у меня. — Зная грамотѣ, онъ любопытствуетъ, что я читаю; но часто сухая мина его говоритъ мнѣ, что любопытство его — тщетно Книжка часто не Руская.

„Кто изъ насъ вѣрнѣе достигаетъ цѣли своей?“ думаю я иногда: „онъ ли, украшая голову мою волосами, или я, стара-

(*) Извѣстно, что Бюффонъ любилъ сидѣть за туалетомъ.

ясь украсить ее идеями?" Безъ сомнѣнія онъ! . . Расположивъ волосы мои съ искуствомъ, съ соблюденіемъ до малѣйшаго требованія моды, онъ обращаетъ на меня благосклонные взоры общества, производитъ выгодное мнѣніе, что *я имѣю вкусъ*, и — торжествуетъ. Но кто узнаетъ, кто узнать захочетъ, что я пріобрѣлъ сегодня новое познаніе, или имѣлъ какое прежде? ето я читалъ Сенеку, Горація, Цицерона, Монтаня? что разумъ мой и сердце ими образованы? . . Никто, конечно — и ежели портной и парикмахеръ мой не подумаютъ о славѣ моей, — и я покажусь въ публику со всѣми знаками нерадѣнія ихъ, то, не смотря на прилѣжность мою къ *собственному* украшенію, я буду предметомъ общаго презрѣнія, или насмѣшки Не заглядывай, не заглядывай, другъ мой Павлуша (*), въ книжку мою: что тебѣ прибыли въ этомъ? . . . И я такъ мало ее имѣю! . . . Чрезъ этожь легко можешь проглядѣть что-нибудь въ рукахъ у себя, — взять не такъ хорошо гребенкою — и я останусь въ проигрышѣ! Прилѣжай лучше, сколько можно, къ своему искуству; — оно выгоднѣе и моего и твоего любопытства; выгоднѣе и для тебя и для меня!

(*) Имя моего парикмахера.

Сегодня взялЪ я, во время туалета моего, Tableau de Paris, и читалЪ главу: Diamans, которая начинается сими стихами:

Cloris n'est que parée, et cloris se croit belle,
En vêtement legers l'or s'est changé pour elle;
Son front luit, étoilé de mille diamans,
Et mille autres encore, effrontés ornemens,
Serpentent sur son sein, pendent à ses oreilles;
Les arts, pour l'embellir, ont uni leurs merveilles.
Vingt familles, enfin, couleraient d'heureux jours,
Riches des seuls trèsors perdus pour ses atours.
Fille de Scipion, illustre Cornélie!
Que n'ai-je pu te voir briller dans l'Italie?...
Pour montrer à ton tour de bijoux précieux,
Tu fis voir tes enfans, dignes de leurs ayeux.
Tu fis voir de héros. Et nos meres coquettes
Etalent des colliers, arborent des aigrettes.

(*Gilbert.*)

КакЪ мнѣ понравилось, вЪ этой же главѣ, слѣдующее мѣсто:

„Дорогой камень вЪ глазахЪ моихЪ" — говоритЪ Мерсье — „есть печать моральной нечувствительности. ОнЪ ожесточаетЪ, кажется, существо, которое украшается пустымЪ его блескомЪ. — Когда я вижу женщину, у которой на рукѣ

цѣна двухъ хорошихъ деревень; то эта рука не возбуждаетъ болѣе желанія моего поцѣловать ее. Но мущина, украшенный бриллiантами, похищающій сіе украшеніе у женщинъ, заставляетъ меня удалиться отъ него съ сильнѣйшимъ отвращеніемъ. Всѣ сіи маленькіе блестящіе камешки, которыми столько тщеславятся, суть истинная эмблема жестокой души и ужаснаго эгоизма."

Такая глава очень кстатѣ была при туалетѣ. Я не подвергался однакожь справедливому суду Автора-Философа, не имѣя ни бриллiантовъ, ни эгоизма — по крайней мѣрѣ *ужаснаго*.

XVI.

КЪ БЮСТУ

Жан-Жака Руссо.

О Руссо! тысячу идей, тысячу чувствованій возбуждаетъ въ душѣ моей образъ твой!... Онъ передо мною (*)... Какія черты! какая физіономія!... Самая старость не отняла этой улыбки, запечатлѣнной кротостію, добросердечіемъ. Кажется, что скульпторъ, принимыясь за рѣзецъ — чтобъ одушевить тебя въ мраморѣ — ощущалъ живѣйшее вдохновеніе, и въ каждой чертѣ образа твоего означалъ черту твоего ума, твоего сердца... Эмиль блистаетъ на челѣ твоемъ; Элоиза дышетъ въ устахъ твоихъ! — — Можетъ ли кто съ холодностію сердца разсматривать изображеніе Женевскаго Философа?.. Сего Генія человѣчества; сего нѣжнаго сына и друга Природы?

Я чувствую присутствіе твое, о Руссо! взирая на тебя въ мраморѣ!.. Духъ твой паритъ надо мною; чувствительность твоя переливается въ мое сердце! —

(*) На столѣ, за которымъ я сижу, когда пишу, или читаю.

Взоры мои переходятъ отъ образа твоего къ твоему Эмилю; отъ Эмиля къ твоей Элоизѣ — и душа моя наслаждается чѣмъ-то небеснымъ Ахъ! да насладится она миромъ, подобно твоей, до послѣдняго вздоха моего, и да будетъ чистота нравовъ твоихъ, о Руссо! вѣчнымъ образцемъ моимъ! . .

Вся жизнь твоя есть *оправданіе* твоего девиза:

Vitam impendere vero.

Щастливый Эрменонвиль (*)! . . . Тамъ унылые, краснорѣчивые кипарисы осѣняютъ кроткую, священную гробницу твою, незабвенный Руссо! Тамъ чувствительный путешественникъ находитъ напечатлѣнія души твоей на каждомъ шагѣ; видитъ слѣды твои на каждой травкѣ, и легкая волшебная кисть воображенія рисуетъ передъ нимъ безчисленность прелестнѣйшихъ предметовъ! . . Тихой закатъ солнца напоминаетъ ему мирной конецъ жизни твоей, и въ алой зарѣ созерцаетъ онъ безсмертіе твоего духа! . . Сколько умъ и сердце его находятъ пищи для себя!

Ничему столько не завидую, какъ удовольствію ходить по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ

(*) Мѣстечко въ тридцати верстахъ отъ Парижа, гдѣ былъ погребенъ Жан-Жакъ Руссо.

воображенiе видитъ стопы великихъ и вмѣстѣ любезныхъ людей! . . Чѣмъ бы не заплатилъ я за то, чтобъ побродить по острову Святаго Петра; покататься на Бiенскомъ озерѣ и погрустить въ Эрменонвилѣ! . .

XVII.

ПРИМѢЧАНIЕ

на *Изображенiе Москвы и всей Россiи въ царствованiе Iоанна IV.* Сочиненiе П. Ю. Львова, напечатанное въ Журналѣ: *Любитель Словесности.*

Слово: *Изображенiе* Москвы и всей Россiи, привлекаетъ къ себѣ взоры Россiянина со всею, такъ сказать, жадностiю, съ патрiотическимъ любопытствомъ — даже съ нѣкоторымъ восторгомъ души . . . Онъ ищетъ и надѣется сыскать въ семъ *изображенiи* точность историческую, прiятную живопись, жаръ и выразительность кисти. — „Россiянинъ изображаетъ мнѣ *Москву, Россiю,*" думаетъ онъ — и сердце его воспламеняется. Что же онъ находитъ? . . . „*Енисей, Тоболъ, Иртышъ и Лена протекали подъ властiю Московскаго Самодержца* (Iоанна IV)" — въ то время,

когда сіи рѣки начали протекать подъ властію Іоанна IV передъ самымъ концемъ его жизни, то есть съ тѣхъ поръ, какъ Ермакъ одержалъ совершенную побѣду надъ Кучумъ-Ханомъ въ 1581, и вошелъ въ его столицу „*Четыре града, обнесенные неприступными стѣнами*...." По крайней мѣрѣ не было еще стѣны *Бѣлаго города*; ибо она построена при Царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ *Годуновѣ* „*Чертоги отвсюду были зримы, и вся оныхъ Столица съ ея прелестными рощами и потѣшными Дворцами открывались взору: то была Грановитая Палата, досточестное жилище Царей Россійскихъ и чадъ ихъ купно съ Палатою Золотою*...." И чадъ ихъ купно съ Палатою Золотою!!... Но Палаты Грановитая и Золотая построены Царемъ же Борисомъ Ѳеодоровичемъ *Годуновымъ* — то есть черезъ семнадцать лѣтъ послѣ кончины Іоанна IV ... „*Посольство Сибирское, составленное изъ старѣйшинъ, различныхъ одеждою, языкомъ, лицемъ, спѣшили на быстроногихъ ланяхъ повергнуть къ Престолу Великаго Царя новообрѣтенныя Россійскимъ Кортецомъ добычи: сребро, злато, самоцвѣтные камни, мѣха рѣдкихъ звѣрей, а купно съ сими сокровищами и драгоцѣнный вѣнецъ Кучумъ-Хана*...." Могъ ли быть повергнутъ къ престолу великаго Царя драгоцѣнный вѣнецъ Кучумъ-

Хача, ежели Кучумъ-Ханъ разбилъ завоевателя Сибири черезъ пять мѣсяцовъ, въ 1584 Августа 5, послѣ кончины Іоанна IV, послѣдовавшей въ томъ же году 18 го Марта?

Въ Исторической картинѣ надлежало бы, по крайней мѣрѣ, болѣе точности исторической! — Скажемъ слова два о стилѣ. Какая нужда, въ сочиненіи сего рода, говорить не тѣмъ языкомъ, которымъ говорятъ и пишутъ обыкновенно? Не ужели *старой* языкъ лучше и вразумительнѣе *новаго* даже и въ самомъ простомъ описаніи? Не уже ли лучше словъ употребляемыхъ слѣдующія слова: *исходищь* — *многовмѣстительную* — *обзорищь* — *гридними* — *досточестное* — *неблазненномъ* — *градоимства* — *державствовалъ* — *купно*, и проч. и проч?

XVIII.

О МОДНЫХЪ ОБЩЕСТВАХЪ (*).

Съ однимъ человѣкомъ, знающимъ нѣсколько сердце человѣческое, совѣтовались о трагедіи, которую намѣрены были представить. — „Въ ней такъ много ума," отвѣчалъ онъ „что я сомнѣваюсь въ ея успѣхѣ." — Какъ! — возразили ему — развѣ это недостатокъ, въ то время когда весь свѣтъ желаетъ имѣть умъ; когда пишутъ съ тѣмъ, чтобъ выказать его; когда публика хвалитъ мысли самыя ложныя, если онѣ блистательны? — „Такъ конечно: она будетъ хвалить въ первой день, и соскучится на другой."

Въ модныхъ вечернихъ обществахъ собираются занимать — какъ говорятъ — другъ друга умомъ, знаніями, любезностію и талантами: цѣль прекрасная и похвальная! Она должна радовать философа и обращаться въ славу для человѣка свѣтскаго. Но точно ли достигаютъ сей цѣли? Но приноситъ ли она въ самомъ дѣлѣ какую-нибудь пользу? — не думаю!... Люди, которые собираются для того единственно, что бы *показать* умъ свой, знанія, та-

(*) Которыхъ уже нѣтъ у насъ. *Модное* не бываетъ *вѣчнымъ*; но — рано или поздно — *возвращается*.

ланты и любезность, не покажутъ — если и имѣютъ ихъ — не покажутъ, говорю, ничего инаго, кромѣ суетности, и не произведутъ иныхъ впечатлѣній, кромѣ скуки.

Удовольствіе новости, — какъ и во всякомъ случаѣ, — займетъ сначала каждаго; но скоро каждый почувствуетъ тягость роли, которую играть *долженъ;* станетъ скрывать отъ другаго то, что чувствуетъ, и притворство довершитъ отвращеніе въ мученикѣ актерѣ къ *необходимой* своей роли, — хотя онъ и не перестанетъ, можетъ быть, хвалить съ жаромъ своего времяпровожденія.

„Какъ весело у *Доримены!* . . . Нѣтъ никакого принужденія; все такъ просто; всѣ такъ свободны! . . . Тамъ *говорятъ*, и *почти* не злословятъ." — Точно въ сихъ выраженіяхъ слышалъ я отъ людей, знающихъ свѣтъ, похвалу *Доименѣ* и ея обществу. Но развѣ *говорить* не вездѣ можно? Но развѣ не льзя *совсѣмъ* не злословить? . . . Между тѣмъ, думаю, что люди, которые говорятъ по *обязанности*, по *требованію*, не очень *свободны*, слушаютъ другъ друга съ принужденіемъ, занимаются только собою, нетерпѣливо ожидаютъ очереди выдти не сцену, или томятся скукою Тамъ, гдѣ молодая дѣвушка говоритъ цѣлый часъ, на примѣръ, о политикѣ со всѣми требованіями на званія

Дипломатическія, разрѣшаетъ всѣ тайны Кабинетовъ, и проч. — тамъ вѣрно слушатели украдкою зѣваютъ Умъ всего прелестнѣе, безъ сомнѣнія: но ежели стараются, ищутъ случая *выказать* его, щеголять имъ; то онъ въ самое короткое время сдѣлается — несноснымъ.

Умъ и дарованія не теряютъ очаровательности своей только тамъ, гдѣ имѣютъ къ нимъ истинное уваженіе, гдѣ любятъ ихъ съ энтузіазмомъ, гдѣ люди знающіе и просвѣщенные сойдутся разсуждать о предметахъ упражненій, или мыслей своихъ: въ такомъ случаѣ все занимаетъ, все возбуждаетъ участіе; ибо все служитъ пищею для живой внутренней потребности — говорить и слушать; тамъ удовольствіе и польза неразлучны. Но въ обществѣ, гдѣ *тонъ* и *мода* требуютъ ума и дарованій, гдѣ усядутся за круглымъ столомъ съ *условіемъ* — тайнымъ или явнымъ, все одно — блистать умомъ и дарованіями; гдѣ всякой заботится только о своей роли, — тамъ ни умъ, ни дорованія не найдутъ, и не могутъ найти своихъ обожателей; тамъ удовольствіе не продлится; — о пользѣ нѣтъ и слова; все будутъ холодно, махинально, безъ души, безъ жизни. — И если злословіе *почти* не входило въ строгую обязанность *говорить*; то и слава Богу!

И такъ *щеголять умомъ* есть, по моему мнѣнію, вѣрное средство — томить и томиться скукою. . . *Имѣть умъ* на сегоднишній, на завтрашній вечеръ — это волшебство, которое извѣстно одной модѣ! . . .

XIX.

ВЪ ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНІЯ.

Сегодня свершилось тридцать лѣтъ физическаго существованія моего и десять (*), по крайней мѣрѣ, моральной моей жизни! . . .

Мечты, надежды, воздушные замки! гдѣ вы? . . . Быстрый потокъ времени умчалъ васъ, подобно какъ Зефиръ уноситъ легкое перышко, легкую соломенку, которыя не оставляютъ и признака тамъ, гдѣ лежали!

Какъ много льстилось сердце мое достиженіемъ тридцати - лѣтняго возраста! . . . „Я буду въ состояніи исполнить священнѣйшія мои обязанности: возвращу попеченія и заботы тѣмъ, которые пеклись и заботились обо мнѣ въ дѣтствѣ моемъ; ста-

(*) Это писано не въ нынѣшнемъ году.

рость ихъ будетъ подобна спокойной и щасшливой моей юности; рука моя усыплетъ розами западъ ихъ жизни; нѣжная, умная подруга — которую буду имѣть — и милыя малютки распространятъ тихія удовольствія мои!“ говорилъ я самому себѣ въ пріятныхъ, восхитительныхъ мечтахъ моихъ, — и слезы радости катились по лицу моему при воображенія этой картины.

Увы! я не могу болѣе воображать ее въ такой полнотѣ прелестей! . . . Черныя тѣни покрыли ее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ навѣки!

Для чего я жилъ до сихъ поръ? Для чего буду жить впередъ? Какая польза въ томъ, что я занимаю мѣсто въ системѣ эфемернаго бытія? . . . За чѣмъ это чувствительное сердце въ груди моей? За чѣмъ сіи мысли въ головѣ у меня? . . . Грущу, тоскую, лью слезы — о себѣ, о ближнемъ — и болѣе ничего! . . . Думаю о человѣчествѣ, о странной судьбѣ его, о величіи и ничтожности, о суетности и заблужденіяхъ, о щастіи и горестяхъ, о добродѣтели и порокахъ, объ успѣхахъ разума и слѣдствіяхъ страстей, — разбираю, сравниваю, взвѣшиваю, измѣриваю и . . . беру посохъ свой, иду въ поле, съ тѣмъ чтобы облегчить голову и ни о чемъ не думать!

Къ чему же служатъ мнѣ моя чувствительность, мои разсужденія? Выигралъ ли я въ самомъ дѣлѣ что-нибудь стараніемъ пріобрѣсть нѣкоторыя сердечныя достоинства, украсить разумъ нѣкоторыми познаніями? Составляютъ ли что-нибудь слабыя мои дарованія, на которыхъ основываю все мое честолюбіе? Ахъ! не видалъ ли я тысячу разъ, какъ несмысленному Крезу, или дерзкому Пансофу (*) отдаютъ преимущество передъ скромными достоинствами? . . . Наконецъ, могу ли я ласкать себя какимъ-нибудь щастіемъ въ свѣтѣ, ежели ты, сынъ и другъ Природы, нѣжный, добрый Руссо, испыталъ всю жестокость людей за небесныя свои дарованія? Ежели ты о Сократъ, слава и украшеніе рода человѣческаго! долженъ былъ прекратить поучительную жизнь свою страшнымъ ядомъ? . . .

Ахъ! не смотря на отдаленность времени, въ которое жилъ мудрецъ Греціи; не смотря на новые успѣхи нравственнаго просвѣщенія съ тѣхъ поръ, какъ Женевскій Философъ закрылъ утомленные глаза свои навѣки, — люди такъ еще опасны для Сократовъ и Руссо! Корысть людей въ основаніи своемъ всегда одинакова; нѣкоторые только оттѣнки составляютъ все различіе.

(*) Везнающій. — „Лучше бъ было, если бъ онъ нечего незналъ,“ говоритъ Виландъ.

И такъ — что прибыли въ существованіи моемъ? Дары своенравной Фортуны не мой лотъ; дары матери - Природы ничто для свѣта! . . . За чѣмъ же скитаюсь въ немъ? . . . За чѣмъ взошла еще для меня Аврора? для чего вмѣстѣ съ закатомъ вчерашняго солнца не закатилось и солнце моей жизни?

Тридцатой годъ бытія моего! ты ознаменовался печальнѣйшею эпохою для моего сердца!

Я лишился одной изъ двухъ нѣжнѣйшихъ въ свѣтѣ матерей моихъ! . . . Увы! руки мои опустили въ хладную могилу ту, которая взяла меня еще въ пеленахъ на свои руки! Я видѣлъ, какъ хладѣло то сердце, которое пылало ко мнѣ любовію; видѣлъ, какъ смыкались навѣки тѣ уста, которыя учили меня добродѣтели! . . .

Всемогущій! ежели дѣла слабыхъ смертныхъ значатъ что - нибудь передъ величіемъ Твоимъ; ежели ты удостоиваешь ихъ Своего вниманія: то благодѣтельница моя предпочтется конечно у трона Твоего многимъ изъ тѣхъ, которые разсыпаютъ щедрою рукою дары щастія, ими обладаемаго!

Тихая лира моя составляетъ нынѣ все мое утѣшеніе. Часто звуки ея бываютъ

томны и унылы; часто жаркія слезы окропляютъ ее, не смотря на холодныя сатиры противъ чувствительности и меланхоліи! . . .

XX.

О твореніяхъ Пиндара, переведенныхъ Павломъ Голенищевымъ - Кутузовымъ, съ разными примѣчаніями и объясненіями на лирическое стихотворство и проч. Въ двухъ частяхъ, содержащихъ Оды Олимпическія и Пиѳическія. Москва, въ типографіи Платона Бекетова, 1804.

Переводъ Классическихъ Авторовъ есть конечно важнѣйшая услуга, какую только можно оказать Словесности, а особливо нашей, — и потому благодарность, которою мы обязаны господину Кутузову, должна быть соразмѣрна дарованію его и успѣхамъ въ переводѣ Пиндара.

„Естьли кто здравомыслящими очами обозрѣвалъ обширное поле словесныхъ наукъ и проходилъ повѣсть постепеннаго ихъ возраста отъ самаго ихъ начала до нашихъ временъ, таковый конечно уже убѣдился, что основаніе истинной учености положи-

ли древніе, такъ называемые Классическіе Писатели" — говоритъ г-нъ Переводчикъ въ своемъ Предувѣдомленіи.

Такой стиль — кромѣ всего — приготовляетъ уже читателя къ тѣмъ красотамъ, которыя найдетъ онъ въ переводѣ. Выпишемъ еще, со всею точностію, нѣсколько фразъ изъ Предувѣдомленія, любопытнаго по многимъ отношеніямъ.

„Мы, живущіе въ просвѣщенномъ вѣкѣ, думающіе, что науки и вкусъ доведены у насъ до возможнаго совершенства, не можемъ не удивляться красотамъ Гомера, не можемъ не услаждаться плавностію Виргилія, не можемъ не восхищаться пылкими пареніями Пиндара. . . . Мы не можемъ еще похвалиться, чтобы у насъ хотя одинъ полный и исправный существовалъ переводъ какова-либо классическаго автора, хотя намъ болѣе, нежели другимъ народамъ сіе нужно, потому что въ воспитаніе нашего юношества весьма у рѣдкихъ входятъ языки Латинскій и Греческій, могущіе доставить возможность въ подлинникѣ читать сихъ авторовъ, безъ познанія коихъ не можетъ человѣкъ назваться основательно ученымъ и получить вкусъ, нужный не токмо для пріобрѣтенія способностей *писателя витіи и стихотворства*; но не можетъ даже правильно выражать своихъ

мыслей и образовать на бумагѣ какого либо важнаго дѣла начертаніе. . . .“

Имѣемъ пріятный случай засвидѣтельствовать еще разъ благодарность почтенрому Переводчику за доставленіе, или за желаніе доставить намъ всѣ сіи выгоды!

Г. Кутузовъ продолжаетъ: „А отъ сего невѣденія о класическихъ авторахъ ежедневно разливается наводненіе дурныхъ сочиненій и въ стихахъ и въ прозѣ, стропъ съ рифмами, не только пустыхъ и никакихъ мыслей не заключающихъ, но даже противу правилъ грамматическихъ писанныхъ; смѣшно даже читать, что въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ молодые писатели упоминаютъ имена Гомера, Горація и проч. коихъ они никогда и не читывали.“

Ничего нѣтъ справедливѣе! Все, что могли бы мы сказать о пользѣ, приносимой Классическими Авторами, сказано въ Предувѣдомленіи почтеннаго Переводчика твореній Пиндара. — — Г. Кутузовъ оканчиваетъ Предувѣдомленіе свое изъявленіемъ слѣдующей признательности: „Паче же обязанъ я много благопріятному и снисходительному поощренію почтеннаго оной Академіи“ (Россійской) „Предсѣдателя Андрея Андреевича Нартова, который, ревнуя о пользѣ Россійскаго слова, примѣрною своею дѣятельностію породилъ во мнѣ силу,

жаръ и охоту, на совершеніе сего дѣла потребныхъ. И такъ сему мужу, познаніями и просвѣщеніемъ знаменитому, и соотечественики мои и я обязаны благодарностію за сіе изданіе. . . ."

Долгомъ почитаемъ, какъ соотечественники господина Переводчика, изъявить благодарность нашу господину Нартову.

Разсмотримъ первую *Олимпическую Оду Сиракузянину* Гіерону.

Содержаніе.

Сія ода заключаетъ 1е похвалу Гіерона, его мудрости, правосудію и любви къ наукамъ. 2е похвалу Ференила, быстраго коня, доставившаго Гіерону побѣду на Олимпическихъ играхъ. 3е описываетъ изящность сихъ игръ со включеніемъ повѣсти Тантала и Пелопса, отъ коихъ Гіеронъ произошелъ.

Всѣхъ выше жидкостей вода;
Огню подобно блещетъ злато;
Оно мрачитъ глаза тогда,
Какъ въ домѣ убранномъ богато,
Гдѣ знатный человѣкъ живетъ,
Вездѣ лучи свои ліетъ.

Начало ручается, такъ сказать, за превосходство цѣлой піесы. Мы будемъ вы-

писывать только тѣ мѣста, которыя, по мнѣнію своему, найдемъ замѣчательнѣйшими.

Ты пѣть стремишься, о мой духъ,
Борцовъ дѣянья благородны,
Объ играхъ Олимпійскихъ слухъ,
И слава столько превосходны,
Колико солнца лучь затмилъ
Сіяніе другихъ свѣтилъ! . . .

Время, въ которомъ поставленъ здѣсь глаголъ *затмилъ*, придаетъ ему какую-то рѣшительную силу. . . Напишите: *затмѣваетъ* — и, кажется, испортите.

Да будетъ славимъ Гіеронъ,
Ѳемиды скиптръ въ рукахъ держащій,
Хранящій истинны законъ,
Къ наукамъ склонностью блестящій . . .

Блестящій: не описывается ли симъ однимъ выраженіемъ вся слава *склонности къ наукамъ?* Такъ должно немногими словами говорить о многомъ.

Невѣроятны чудеса!
Піитами изобрѣтенны,
Которыхъ прелесть и краса,
Пріятнѣй правды обнаженной;
Отъ вашихъ пламенныхъ огней
Горятъ умы, сердца людей.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Изобрѣтенны и обнаженной почти не риѳма; но что значитъ одна риѳма въ такой сильной, *искусной* строфѣ! *Отъ вашихъ пламенныхъ огней, горятъ умы, сердца людей!* Кажется, что *пламенный огонь* пылалъ въ груди Поэта-Переводчика!

Поэзія для душъ мила,
Какъ медъ сладка, чрезъ блескъ пріятный,
И вымыслъ, чудныя дѣла
Для насъ творятся вѣроятны. . . .

Съ какимъ удовольствіемъ находимъ слово *мила* въ Пиндарѣ, или Переводчикѣ его — нѣтъ нужды! Ненавистники *милаго*, вопреки всему тому, что они говорятъ и пишутъ противъ сего слова, признаются, можетъ быть, что дозволено употребить его во всякомъ родѣ сочиненія.

Піитъ, въ блистаніи картинъ,
Не дѣлай съ правдой лжи *смѣшенье*,
Тебя поя Танталовъ сынъ,
Я древнихъ не пріемлю мнѣнье;
Нептунъ, богъ водъ, *тебя любя*,
Похитилъ въ торжествѣ *тебя.*

Онъ съ помощью коней своихъ,
Для неба зря *тебя* готовымъ,
Подъялъ *тебя* отъ странъ земныхъ,
Да будешь Ганимедомъ новымъ;
Отецъ *тебя* вотще искалъ;
Для смертныхъ ты невидимъ сталъ.

Не смотря на то, что въ девяти стихахъ повторено шесть разъ *тебя*, да однажды не въ зачетъ риѳмы *любя* — неизбѣжность, въ которой очевидно находился Поэтъ, или его Переводчикъ — едва ли чувствуете сіе повтореніе, — отъ чего? Отъ того, что нѣтъ ни малѣйшей вялости въ стихахъ; отъ того, что механизмъ чрезвычайно хорошъ, — что нѣтъ ни одного слова лишняго. Такой примѣръ служитъ доказательствомъ, что искуству все возможно.

Кто думаетъ себя скрывать
Отъ глазъ боговъ, тотъ заблуждаетъ....

Кажется, надобно *заблуждается*; ибо это глаголъ возвратный; *заблуждать* глагола нѣтъ; но есть, безъ частицы *за*, глаголъ *блуждать*.

Онъ всѣхъ достоинъ звука лиръ,
Умомъ, познаньемъ, силой власти;
Пошли ему, о небо! миръ,
Храни его ты отъ напасти;
Коль будетъ онъ въ семъ мірѣ жить,
Откроетъ путь его хвалить.

Хвала и господину Переводчику! Какой полной смылъ въ сихъ энергическихъ стихахъ, а особливо въ двухъ послѣднихъ!

Теперь разсмотримъ Оды Пиѳическія.

,,Сіи игры, по Овидію" — говоритъ господинъ Переводчикъ въ Предувѣдомленіи въ симъ Одамъ — ,,учреждены самимъ Аполлономъ въ воспоминаніе низложеннаго змія Пиѳона."

Замѣтьше *по Овидію:* иной бы сказалъ по словамъ, или по мнѣнію Овидія — и шѣмъ бы растянулъ фразу.

,,Овидій" сказано далѣе въ Предувѣдомленіи ,,говоритъ слѣдующее: Дабы время не возмогло изгладить памяти его побѣды, сей богъ учредилъ священныя игры и борьбы, и назвалъ ихъ Пиѳическими, по имени низложеннаго имъ змія."

Нѣтъ нужды выписывать цѣлаго Предувѣдомленія: главное объ историческомъ происхожденіи сихъ Одъ уже сказано.

ОДА I.

Сиракузянину Гіерону Этнеанину, *побѣдителю въ ристаніи колесницъ.*

Содержаніе.

Пиндаръ, приписавъ первую Олимпическую Оду Гіерону, приписалъ ему и вторую Пиѳическую. Сей Государь не лично, но чрезъ колесницу и коней одержалъ побѣду въ Пиѳѣ. Онъ тогда былъ болѣнъ въ своемъ войскѣ, а правленіе Этны ввѣрилъ сыну своему Динамену; что Піиту подаетъ случай къуподобленію Гіерона Филоктену и ко введенію постороннихъ повѣстей. Паче же блистаетъ въ сей одѣ сильная картина огней горы Этны, подъ коею, по баснословію, стенаетъ безбожный Тиѳонъ.

Златая лира, даръ богатый Аполлона
И темновласыхъ Музъ! отъ сладости твоей,
Отъ силы твоего плѣняющаго тона
Трепещутъ радостно сердца у всѣхъ людей;
Лишь въ струны сребрены ударитъ Корифей,
И знакъ подастъ пѣвцамъ божественнымъ поющимъ;
Твой слыша гласъ Зевесъ, со громомъ всемогущимъ,

Огнь вѣчный гаситъ грозныхъ стрѣлъ;
Царь птицъ, витающій на скипетрѣ орелъ,
Обширны крылья простираетъ
И сномъ пріятнымъ засыпаетъ.

Другая мѣра и другія красоты! *И знакъ подастъ пѣвцамъ божественнымъ поющимъ*; какую выразительность придаетъ сему стиху эпитетъ *божественнымъ*, поставленный за именемъ *пѣвцамъ*! *Витающій на скипетрѣ орелъ*! Не льзя живописнѣе!

Затмѣнну облакомъ густымъ
Смыкаетъ онъ свою зеницу отягченну,
И лирнымъ пѣніемъ плѣняяся златымъ. . .

Пѣніемъ златымъ: тропъ, щастливо употребленный!

Но естьли на кого Юпитеръ гнѣвъ свой мещетъ,
Такой при пѣньѣ Музъ блѣднѣетъ и трепещетъ. . . .

Надлежало бы *тотъ*, вмѣсто *такой*; но это одно слово не портитъ двухъ прекрасныхъ стиховъ.

И льдистые снѣга на вершинахъ носяща. . .

Строгость просодіи требуетъ *вершинахъ*, а не *вершинахъ*; за то со стороны

Поэзіи вознаграждается сія нерадивость. . . *И льдистые снѣга!* Всякая похвала сему полустишію покажется *льдистою!*

Тяжела этна станъ Гиганта грозна жметъ;
Изъ чрева у него потокъ ліется сѣрный;
Въ день огненна рѣка точитъ дымъ смрадный, черный,
Въ нощи же въ пламенныхъ струяхъ она несетъ
Горящи *каменья* на дно морскія бездны,
Летящіе изъ устъ, чудовища, желѣзныхъ;
Трепещутъ отъ сего живущи въ сихъ мѣстахъ,
И даже въ слышащихъ о семъ родится страхъ. . . .

Вотъ та *сильная картина огней горы Этны* — картина, которая наиболѣе *блистаетъ въ* сей Одѣ! И дѣйствительно — не льзя сильнѣе, не льзя блистательнѣе! . . . Инверсіи или переставки, искусною рукою дѣлаемыя, составляютъ часто истинную красоту въ стихотвореніи: *летящіе изъ устъ, чудовища, желѣзныхъ* (мы не знаемъ, для чего прежде и послѣ *чудовища* поставлены запятыя)! Скажите: *чудовища, летящіе изъ устъ желѣзныхъ*, или — если ошибаемся въ смыслѣ — *летящіе изъ устъ желѣзныхъ чудовища* — и будетъ все не то.

Достигшій на играхъ блистательныхъ коронъ. . . .

Въ семъ стихѣ есть также маленькая нерадивость: вопервыхъ — должно *и́грахъ*, а не *игра́хъ;* вовторыхъ — эпитетъ *блистательныхъ* можно отнесть къ словамъ предыдущему и послѣдующему; но *амфибологіи* не простительны только въ прозѣ, неимѣющей никакихъ оковъ!

Отъ укоризны тѣ всегда бываютъ чужды,
Кто съ мыслью краткою не тратятъ словъ
безъ нужды,
И легкомысліе умовъ простыхъ
Не можетъ на одномъ предметѣ утвердиться;
Чрезъ пресыщеніе вниманіе тупится,
А паче похвалой другихъ.

Такія правильныя идеи, выраженныя такъ ясно въ хорошихъ стихахъ, освобождаютъ отъ *укоризны* въ неважной погрѣшности противъ языка, — и Поэтъ могъ дозволить себѣ сказать *кто*, вмѣсто *которые*.

Но Гіеронъ! тебя сей страхъ не остановитъ:

Въ стезѣ твоихъ гремящихъ дѣлъ;

Коль зависть ѣдка и злословитъ,
Все лучше, нежели бъ съ презрѣньемъ кто
смотрѣлъ.
Владѣй народами съ щедротой, славой
многой
И куй ты свой языкъ въ горнилѣ правды
строгой. . . .

Вотъ истинный языкъ боговъ! Каждое слово — Поэзія; каждый стихъ — живопись, а особливо четвертый и послѣдній!

Въ повѣствованьѣ жить, воспѣту быть
отъ лиръ. . . .

Педагогъ станетъ требовать *лирами*, вмѣсто *отъ лиръ;* но Поэтъ будетъ доволенъ симъ стихомъ.

Со омерзеніемъ вспомянутъ будетъ вѣчно....

Объ этомъ стихѣ скажемъ то же, что и о предыдущемъ: должно, по правиламъ *Грамматики*, въ учащательномъ: будетъ *вспоминаемъ*, вмѣсто *вспомянутъ*.

Но даже лиры и домашни
Отталкиваютъ прочь хвалы и гнусну
лесть. . . .

Слово самое простое, поставленное *въ своемъ* мѣстѣ, пріобрѣтаетъ красоту и сообщаетъ ее другимъ словамъ, которыя съ нимъ въ ближайшей связи. Знаніе сей *магіи* принадлежитъ истинному таланту. *Отталкиваютъ* въ другомъ мѣстѣ было бы не хорошо, но здѣсь, кажется намъ, прекрасно!

Довольно сихъ двухъ Одъ для того, что бы судить о переводѣ цѣлаго творенія,

и о пользѣ, которую могутъ приносить подобные переводы Классическихъ Авторовъ не только молодымъ писателямъ, но и самымъ опытнымъ.

XXI.

ПОРТРЕТЪ АЛИНЫ.

Алина родилась щастливо: она хорошаго свойства, имѣетъ сердце весьма чувствительное, — и эта чрезвычайная чувствительность производитъ иногда такую дѣятельность воображенія, которую трудно умѣрить. *Алина* имѣетъ умъ менѣе правильный, нежели проницательный; нравъ легкой, однакожъ неровной; лице обыкновенное, но пріятное; физіономію, которая обѣщаетъ душу, и которая не обманываетъ. Можно подойти къ *Алинѣ* съ равнодушіемъ; но не льзя оставить ее безъ внутренняго движенія. Другія обладаютъ хорошими качествами, которыхъ ей не достаетъ; другія имѣютъ въ большей мѣрѣ тѣ, которыя она имѣетъ; но ни кто не обладаетъ качествами, лучше соединенными для образованія щастливаго характера. Она умѣетъ пользоваться самыми своими недостатками; — и ежели бы она была совершеннѣе; то нравилась бы гораздо менѣе.

Алина не прекрасна; но подлѣ нее мущины забываютъ красавицъ, а красавицы не довольны собою. При первомъ взглядѣ на нее, она едва ли покажется хорошею; но чѣмъ болѣе разсматриваете ее, тѣмъ болѣе она украшается; она выигрываетъ тамъ, гдѣ другія проигрываютъ, и что выигрываетъ, того уже никогда не теряетъ. Можно имѣть прекраснѣйшіе глаза, прекраснѣйшій ротъ, величественнѣйшую осанку; но *Алина* не ослѣпляя, интересуетъ, плѣняетъ и мудрено сказать, чѣмъ.

XXII.

О ВРЕМЯПРОВОЖДЕНІИ ВЪ ОБЩЕСТВАХЪ.

Одно изъ обыкновенныхъ времяпровожденій въ свѣтскихъ обществахъ напоминаетъ о Комчадалахъ, которые самымъ усерднымъ образомъ подчиваютъ гостей своихъ банями — лучшимъ своимъ удовольствіемъ — и въ то же время обираютъ ихъ безъ всякаго затрудненія.

Съ другою цѣлію, но подобно этому, въ нашихъ обществахъ хозяинъ тотчасъ подаетъ гостю карточку, и предлагаетъ

ему играть въ бостонъ. Гость отговаривается, хозяинъ упрашиваетъ. — „Я пріѣхалъ къ вамъ изъ повиновенія вашей волѣ; но играть никакъ не могу," говоритъ первый. — Сдѣлайте одолженіе, сыграйте одну партію — говоритъ послѣдній. — „Здоровье не дозволяетъ мнѣ сидѣть долго." — Только одну партію! — и учтивый гость беретъ томною рукою карточку, садится, играетъ, оканчиваетъ игру, разсчитывается, остается въ проигрышѣ, встаетъ и хочетъ уѣхать. Внимательный хозяинъ летитъ къ нему — съ карточкою. — „Что это! опять?... Нѣтъ; уже болѣе не сяду.... Какъ вамъ угодно!" — Еще пульку — прошу покорно! — „Сдѣлайте милость, увольте меня!" — Сядьте, пожалуйте. — „У меня, право, разболѣлась грудь.... я бы радъ угодить вамъ." — Долго ли съиграть пулю? — и не ожидая новыхъ возраженій, подаетъ карточку, съ видомъ увѣренности, что отказаться невозможно. — Вѣжливость обязываетъ согласиться въ самомъ дѣлѣ, и утомленный гость, съ блѣдными щеками, съ унылымъ взоромъ садится въ другой разъ за игру, которую проклинаетъ въ душѣ своей, и которая обращается для него въ мученіе.

Это обыкновеніе, выгоняющее многихъ изъ общества, господствуетъ и въ дерев-

няхъ, гдѣ оно еще тягостнѣе. Въ городѣ тотчасъ можно уѣхать — домой, или въ другое мѣсто; но въ деревнѣ должно — если вы не играете въ бостонъ — играть тросточкою на зубахъ; ибо вамъ *надобно* пробыть въ гостяхъ цѣлой день, а иногда и болѣе. Замѣтимъ еще, что въ деревняхъ страсть къ играмъ, употребляемымъ въ столицахъ, выходитъ совершенно изъ всякихъ предѣловъ, изъ всякой мѣры, и дѣлается страстью *истинною* — то есть изступленіемъ! . . . Думаю, что это происходитъ отъ невинной любви къ подражанію. . . . Иначе, какъ не найти, кажется, другаго способа къ удовольствію, и къ удовольствію *общему*! На примѣръ, поставить большой круглой столъ, положить двѣ, три колоды картъ и выдумать такую игру — или воспользоваться уже выдуманными — которая бы заняла всѣхъ и каждаго безъ денегъ, безъ спору, безъ ссоры . . . Кажется, не мудрено, въ иныхъ случаяхъ, умѣть препроводить время пріятнѣйшимъ образомъ!

XXIII.

ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ИНСТИТУТЪ.

Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не находитъ сердце столь живыхъ удовольствій какъ тамъ, гдѣ образуются любезнѣйшія существа природы, лучшее украшеніе обществъ, вторая половина человѣка, сотворенная для услажденія трудовъ его, для щастія жизни, для возвышенія души и для дѣятельности его разума!

Сіи живыя удовольствія испытало сердце мое въ Московскомъ Екатериненскомъ Институтѣ.

Однимъ праздничнымъ днемъ прихожу туда къ обѣднѣ; вступаю въ храмъ, украшенной просто, но величественно; вижу по обѣимъ сторонамъ юныхъ воспитанницъ, въ смиренной одеждѣ (*), съ кроткимъ взоромъ, устремленнымъ на Пастыря, — и сладостнѣйшее благоговѣніе проливается въ умиленную душу мою. За каждымъ набожнымъ движеніемъ невинныхъ, милыхъ созданій слѣдовали глаза мои вмѣ-

(*) Комлотовой пюсовой и зеленной съ бѣлыми полотняными передниками: различіе цвѣтовъ означаетъ различіе возрастовъ.

стѣ съ сердцемъ, возсылавшимъ усердныя молитвы о щастіи тѣхъ, безъ которыхъ нѣтъ истиннаго щастія на землѣ. Проповѣдь, сказанная Священникомъ, наставляющимъ воспитанницъ въ законѣ и добродѣтеляхъ, была трогательна, краснорѣчива, и относилась къ главнымъ обязанностямъ, которыя внимательныхъ его слушательницъ ожидаютъ въ свѣтѣ. Изъ церкви пошли воспитанницы, раздѣленныя на два возраста, каждый за своею дежурною классною Дамою, въ большую залу, гдѣ принимаются посѣтители, гдѣ родственники обнимаютъ своихъ родственницъ, знакомые говорятъ съ своими знакомками, зрители любуются всѣми. Это продолжается до обѣда; между тѣмъ любопытные могутъ обойти всѣ комнаты, видѣть дортуары и судить о внутреннемъ содержаніи воспитанницъ. Я былъ въ числѣ любопытныхъ, обошелъ всѣ комнаты, видѣлъ дортуары и восхищался порядкомъ и чистотою.

Наконецъ пошли въ столовую... Воспитанницы сѣли за два длинные стола; ибо одинъ возрастъ съ другимъ никогда не смѣшивается. Дежурныя Дамы занимаютъ первыя мѣста и раздаютъ кушанье. Чистое столовое бѣлье, свѣжая, здоровая пища, скромные разговоры, невинная улыбка ми-

лыхъ хозяекъ: — все это, можно сказать, утѣшаетъ каждаго зрителя.

Прекрасное мѣстоположеніе дома, почти загороднаго, живописные виды изъ оконъ, тѣнистый Англійской садъ служатъ къ удовольствію и пользѣ воспитанницъ въ часы отдыха отъ ученія. — Въ первой праздникъ каждаго мѣсяца даются въ Институтѣ балы, которые привлекаютъ всякой разъ множество посѣтителей.

Живой цвѣтъ лица и румяныя щеки юныхъ красавицъ доказываютъ самымъ убѣдительнымъ образомъ особенную попечительность, которую имѣютъ о сохраненіи здоровья ихъ — сего главнаго сокровища жизни!

Нѣжная, материнская, великодушная любовь къ безкровнымъ сиротамъ, ознаменованная Императрицею Маріею въ безсмертныхъ памятникахъ, извлекаетъ сердечныя благословенія изъ груди каждаго на безцѣнные дни ея, посвященные милости и благотворенію! Имъ обязаны сей и другіе Институты въ обѣихъ столицахъ своимъ щастливымъ существованіемъ.

Въ Институтѣ, о которомъ говорю теперь, содержится, по штату, на казенномъ иждивеніи шестьдесятъ благородныхъ

воспитанницъ, обучаемыхъ по большой части Профессорами Московскаго Университета, и столько же или болѣе пансіонерокъ (*), за которыхъ платятъ умѣренную сумму, и которыя живутъ, учатся, имѣютъ одинакую одежду и одинъ столъ съ первыми.

За отличные успѣхи въ наукахъ, или за хорошіе примѣры въ поведеніи Императрица Марія присылаетъ воспитанницамъ подарки, которые составляютъ для юныхъ, благодарныхъ сердецъ прелестнѣйшую награду, и служатъ къ живѣйшему соревнованію.

Есть въ Москвѣ другой, подобный этому, *мѣщанской* Институтъ, учрежденный также Императрицею Маріею.

Время разрушаетъ бронзу и мраморъ; но щастіе жизни, но радости семейства оставляютъ вѣчное, неизгладимое воспоминаніе о творцѣ своемъ!

(*) Которыхъ число не ограничено.

XXIII.

МАТЕРИНСКАЯ НѢЖНОСТЬ ВЪ БОЛЬШОМЪ СВѢТѢ.

„Какъ она щастлива!“ сказала мать посреди своего семейства, говоря объ одной женщинѣ, которая овдовѣла и не имѣетъ дѣтей. При сихъ словахъ глаза мои потупились въ землю; я не смѣлъ взглянуть ни на мать, ни на семейство. Тайное чувство сердца ея обнаружилось передо мною Не состоянiе *вдовы*, довольно богатой — нѣтъ; но одна мысль о выгодѣ *не имѣть дѣтей* заставила эту мать воскликнуть: *Какъ она щастлива!*

„И какъ ты нещастлива! . . . и какъ жалки дѣти твои!“ сказалъ я въ душѣ моей съ чувствомъ прискорбiя. — Вмѣсто утѣшенiя, вмѣсто радостей, находимыхъ добрыми матерями посреди своего семейства, — эта завидуетъ участи тѣхъ, которыя не имѣютъ его! . . . говоритъ ясно дѣтямъ своимъ, уже не маленькимъ: „Я бы могла быть щастлива, если бы не имѣла васъ!“ — Ахъ! стоитъ ли она священнаго титла матери? можетъ ли понимать важныя свои обязанности? должна ли требовать отъ дѣтей сердечной горячности? — Нѣтъ! . . . Къ щастiю сихъ по-

слѣднихъ, имъ не дано подобною матерью иныхъ чувствованій, кромѣ тщеславія и самолюбія — чувствованій, которыя одни извѣстны ея собственному сердцу. Вы увидите Француза и Англичанку, которые не отходятъ отъ дѣтей ни наминуту, и которые нанимаются дорогою цѣною — для чего? — Для *тону*, для того что въ каждомъ домѣ есть Французъ и Англичанка; но ученіе — вещь совсѣмъ посторонняя. Не только матери, ниже отцу — жалкому рабу самовластной жены своей — никогда не вспадетъ на мысль побывать въ классѣ, освѣдомиться о методѣ учителей, о склонности учениковъ, о прилѣжаніи, объ успѣхахъ, о повиновеніи, — и осмнадцати-лѣтній сынокъ, котораго *воспитаніе* стоило нѣсколькихъ тысячь, не умѣетъ написать съ искуствомъ трехъ строкъ къ пріятелю своему ни на одномъ изъ тѣхъ языковъ, которымъ обучали его, отъ самой колыбели, Аббаты и Профессоры! . . . И невѣста дочка не въ состояніи прочитать, какъ надобно, фразы, надъ которыми просидѣла полвѣка своего!

Спросите: „Не ужели счастіе дѣтей чуждо сердцу сихъ родителей?" — Не думаю; по крайней мѣрѣ, можно предполагать, что они *желаютъ* имъ всякаго благополучія; но, любя дѣтей своихъ, любятъ себя еще болѣе. Невѣжество, въ которомъ они воспитаны сами, не смотря на ложной

блескЪ свѣтскаго воспитанія, заставляетЪ ихЪ, по разсчету самолюбія, казаться удостовѣренными, что дѣти ихЪ примѣрные; ибо сіи почтенные родители, не вѣдая даже доименЪ никакой науки, не заводятЪ никогда рѣчи о знаніяхЪ, молчатЪ со всею осторожностію, и слѣдовательно жертвуютЪ эгоизму своему выгодами дѣтей. Этаго не довольно: осуждаютЪ другихЪ родителей, требующихЪ знанія отЪ дѣтей своихЪ; тяготятся, слыша разговоры сихЪ послѣднихЪ о томЪ, чѣмЪ они занимаются вЪ классѣ; улыбаются насмѣшливо, видя книжку вЪ юныхЪ рукахЪ ихЪ! Между тѣмЪ *примѣрные* дѣти примѣрныхЪ родителей принуждены *убѣгать* сообщества сверстниковЪ, воспитываемыхЪ немного педантическимЪ (*) образомЪ, или чувствовать непріятность положенія своего сЪ ними; ибо они говорятЪ не обЪ однихЪ гуляньхЪ, балахЪ, нарядахЪ, но и отомЪ, что читали, чему выучились. — „КакЪ скучно! . . . КакЪ она смѣшна! . . . КакЪ онЪ несносенЪ!" услышите отЪ первыхЪ, пожмете плечами, и невольно упрекнете вЪ сердцѣ своемЪ легкомысленныхЪ отцевЪ и матерей.

(*) Слово педантизмЪ служитЪ эгидомЪ для невѣжества, которое надѣется скрыть себя подЪ онымЪ, называя педантизмомЪ всякое знаніе!

XXIV.

ВАСИЛЬЕВСКОЕ (*).

„Тамъ проходила въ забавахъ юность моя; тамъ воспламенялся духъ мой первыми искрами чувства," сказалъ мнѣ одинъ изъ нашихъ Поэтовъ (**), указавъ на *Васильевское* изъ оконъ своего дому — и Васильевское осталось въ моей памяти.

Съ тѣхъ поръ всякой разъ, смотря на него, чувствовалъ особливое желаніе быть въ немъ, — желаніе, которое возобновлялось непрестанно; ибо Васильевское видно отвсюду — изъ средоточія Москвы и съ ея окрестностей; — и наконецъ въ одинъ пріятнѣйшій лѣтній вечеръ я очутился подлѣ его ограды — нечаяно, или съ намѣреніемъ, до этаго нужды нѣтъ — только *подлѣ ограды* — не далѣе, за тѣмъ что на то время Васильевское имѣло своего хозяина.

Прелестная дача!... Быстро окинулъ я глазами полу-древнее зданіе, похожее болѣе на какой-нибудь веселой замокъ Франціи, нежели на обыкнонной загородной домъ

(*) Дача, принадлежащая Князю Юсупову.

(**) К* И* М* Д***.

архитектуры Италіянской — и слова Поэта оживились въ душѣ моей. Потомъ медленнымъ взоромъ переходилъ я отъ одного предмета къ другому; оборачивался на право, на лѣво, и плѣнительное разнообразіе видовъ дѣйствовало на чувства мои неизъяснимымъ образомъ. . . . Съ одной стороны хребетъ нашей Юры (*), по которой разсѣяны сельскіе домики, осененые густыми рощицами; съ другой картина города, которая изумляетъ васъ своимъ великолѣпіемъ; впереди обширная равнина, на которой извивается Москва рѣка, бѣлѣются монастыри (**), зеленѣютъ сады, пестрѣютъ стада; напослѣдокъ необозримый горизонтъ, въ которомъ все это сливается, можно сказать, въ одну точку. . . . Какое зрѣлище! Какъ оно возвышаетъ душу, разумъ!

Я представилъ себѣ впечатлѣнія, которыя, одно за другимъ, входили въ сердце юноши, рожденнаго съ живымъ воображеніемъ и пылкими чувствами. Онъ смотрѣлъ на сію ужасную громаду зданій, на сіи красоты природы, на сію печать руки Творческой — и пораженный умъ его развивался быстро въ силахъ своего дѣйст-

(*) Воробьевы горы. Васильевское недалеко отъ нихъ, и высотою мѣстоположенія своего почти равняется съ ними.

(**) Дѣвичій и Андреевъ.

вія, и восхищенная душа его открывала вЪ себѢ источникЪ новыхЪ способностей. . . . Тысяча идей, тысяча чувствованій, прежде неизвѢстныхЪ ему, наполняютЪ голову его и сердце; щастливый дарЪ воображенія отваживается на безпредѢльный полетЪ свой, и свѢжіе цвѢты возникаютЪ подЪ его легкими крылами Вселенная благоговѢетЪ передЪ новымЪ своимЪ властелиномЪ, который благоговѢетЪ передЪ чудесами, находимыми имЪ около себя и вЪ самомЪ себѢ. . . . Уста его безмолвствуютЪ; но внутренній гласЪ говоритЪ ему: *Ты ПоэтЪ!* . . . Заря настала; долженЪ настать и день! Аврора не совершаетЪ одна пути своего по области Фебовой.

Глубокія впечатлѢнія такихЪ предметовЪ могутЪ конечно образовать поэта, который безЪ нихЪ гораздо бы позднѢе свѢдалЪ о дарованіи своемЪ, или не свѢдалЪ бы и совсѢмЪ: вотЪ отЪ чего вЪ странахЪ щастливыхЪ болѢе поэтовЪ! Сія истина не подвержена, кажется, никакому сомнѢнію, равно какЪ и вообще вліяніе климата на физическія и моральныя наши способности.

„Могущественные покровители талантовЪ произращаютЪ среди снѢговЪ розы,“ сказалЪ мудрецЪ Фернейской. Прекрасная метафора, которая заключаетЪ вЪ себѢ

прекрасное наставленіе; но природа сильнѣе всякой власти человѣческой!

Сидя въ Васильевскомъ на балконѣ дому, вы видите предъ собою *всю* Москву съ ея прелестными окрестностями. Сколько пищи для каждаго чувства! . . . Глаза ваши занимаются живописью природы, память — происшествіями столицы, разумъ — страстями человѣческими, сердце — благодѣяніями патріотовъ, душа — удовольствіемъ бытія своего. . . . Завидую щастливцу, обладающему средствами къ подобнымъ наслажденіямъ! Они стоютъ всѣхъ утѣшеній честолюбія и суетности; ими должно *очертить* кругъ жизни, за которой, кромѣ любви и дружбы, ни что переступить бы не смѣло; но. . . .

Сгущенныя тѣни вечера ложились на очаровательные предметы, съ которыми не хотѣлось мнѣ разстаться; десять часовыхъ ударовъ на башнѣ монастыря Дѣвичьяго были для меня величественнымъ глаголомъ необходимости сойти съ театра наслажденій моихъ; — и я сошелъ съ него, повторяя мысленно слава Поэта, которому былъ обязанъ *живостію* того, что чувствовалъ.

XXV.

О БѢДНОСТИ.

Можно все хвалить — все, кромѣ бѣдности. Увѣрительное Краснорѣчіе или блестящая Поэзія въ состояніи изобразить *старость* — даже самую *смерть* отрадною, утѣшительною для нашего воображенія. Въ первой, человѣкъ, волнуемый сильными страстями кипящей молодости, представитъ себѣ съ удовольствіемъ отдыхъ, успокоеніе, миръ ума и сердца; въ другой, страдалецъ, гонимый рокомъ, увидитъ съ восхищеніемъ конецъ своимъ горестямъ, берегъ бурнаго житейскаго мореплаванія. Но *бѣдность* пугаетъ мысли — и не напрасно — однимъ звукомъ своего имени, болѣе нежели старость, болѣе нежели смерть! . . . Ахъ! бѣдность! не есть ли гробъ *жизни*, ужаснѣйшій того, который заключаетъ бренные наши остатки?

Ежели вы бѣдны; вамъ не позволяютъ имѣть никакого достоинства: умъ и таланты ваши заставляютъ негодовать на васъ; вамъ не прощаютъ никакого успѣха, ни малѣйшей славы; упрекаютъ васъ за наилучшія качества сердца; не сносятъ благородства чувствованій, величія души вашей; требуютъ отъ васъ униженія, ра-

болѣзнства, ничтожности. . . . Какое состояніе!

Напослѣдокъ, какъ удовольствовать въ бѣдности жажду къ познаніямъ, обогатиться идеями, образовать вкусъ? . . . Всякое произведеніе мыслей вашихъ будетъ ознаменовано, болѣе или менѣе, тяжестью заботъ и попеченій, неразлучныхъ съ бѣдностію, сею губительницею дарованій! Я уже не говорю объ удовольствіи любопытства, свойственнаго душѣ, рожденной для дѣятельности, для чувства; не говорю о печальной невозможности служить ближнему, котораго щастіе, или покой пріятны сердцу добраго.

Съ другой стороны, бѣдность не есть ли источникъ всѣхъ пороковъ? Богатство можетъ довести обыкновеннаго человѣка до забвенія своихъ обязанностей, до излишнихъ слабостей, до мѣлкихъ страстей; но бѣдность, соединенная съ грубыми понятіями людей безъ всякаго просвѣщенія, изтребляетъ всѣ добродѣтели. . . . Взгляните на сего нещастливца, орошающаго кровавымъ потомъ оковы, которыми Правосудіе обременило его: — чѣмъ онъ приведенъ въ сіе ужасное состояніе? — бѣдностію! Злодѣйство не могло *безъ нужды* поднять убійственной его руки на ближняго. Вмѣстѣ съ ея ударомъ мысль о добы-

чѣ радуетѣ ожесточенную душу его и заглушаетѣ мучительный крикѣ совѣсти. Взгляните на сіи прелести любезнаго созданія, вручаемыя первому, которой пожелаетѣ обладать ими. Видѣ щастія, украшающій *Лаису*, скрываетѣ безѣ сомнѣнія лютѣйшее отвращеніе кѣ забавамѣ, которыя *должно* раздѣлять сѣ каждымѣ, требующимѣ ихѣ. Всеобщее прѣзрѣніе служитѣ легчайшимѣ наказаніемѣ для сихѣ злополучныхѣ существѣ. Самое сластолюбіе гнушается жертвами своими, и стыдится щастія, вкушаемаго сѣ ними. Что же могло заставить избрать такую участь? — бѣдность конечно — не любовь кѣ наслажденіямѣ, для которыхѣ богатство имѣетѣ средства лучшія и вѣрнѣйшія!

Qu'il est peu de vertus qui resistent sans cesse!

Все что ни говорили кѣ похвалѣ бѣдности — ибо и она имѣла своихѣ панегиристовѣ — было не иное что, какѣ парадоксы, какѣ софизмы, нимало неутѣшительные для бѣдности.

Если справедливо, что мы лучше описываемѣ тѣ вещи, которыя вѣ противоположности сѣ нашимѣ духомѣ, сѣ нашими обстоятельствами; если вѣрить Жан-Жаку Руссо, что онѣ вѣ *Бастиліи* лучше

бы описалъ *свободу*: то, въ другомъ положеніи, я бы лучше описалъ бѣдность.

Сильныя чувства мѣшаютъ силѣ выраженій; надобно, чтобы нѣсколько прошли первыя, для выгоды послѣднихъ — истина, которую извѣдалъ я собственнымъ опытомъ; но — должно замѣтить — это принадлежитъ къ радостямъ, или печали.

XXVI.

О ВОСПИТАНІИ.

Il faut dès l'âge le plus tendre
Préparer le bonheur du reste de nos jours.

Saint - Lambert.

Нѣкогда при мнѣ отецъ семейства разсуждалъ о воспитаніи, и подъ общими чертами дѣлалъ горькія упреки взрослому сыну своему, которой, сидя въ задумчивости, слушалъ и молчалъ терпѣливо. Отецъ требовалъ отъ каждаго молодаго человѣка *способностей на все;* ставилъ въ примѣръ людей, сдѣлавшихся извѣстными по однимъ дарованіямъ и пр., не сказавъ ни слова о томъ, какъ пріобрѣтаются способности — не только на *все,* но даже на *что - нибудь,* и какіе люди сдѣлались извѣстными по своимъ дарованіямъ.

Родители несправедливые! можно ли вамъ обвинять дѣтей своихъ за недостатки въ щастливыхъ способностяхъ, когда ни мало не радѣете объ *истинномъ* воспитаніи ни сына, ни дочери? Одинъ *случай* рѣшаетъ судьбу ихъ; но вы не имѣете въ томъ почти никакого участія! Была ли у васъ цѣль при ихъ ученіи? Къ чему вы ихъ *готовили?* „Мы желали щастія имъ." — Вѣрю; но *только желать* — не довольно! Надобно и дѣйствовать; надобно непремѣнно *посвятить* себя щастію дѣтей своихъ. Кто не сдѣлаетъ этаго, тотъ — ничего не сдѣлаетъ. Большія издержки на воспитаніе не служатъ оправданіемъ для родителей. Вы нанимаете — и дорогою цѣною — Француза аттестованнаго; но большая часть сихъ Французовъ имѣетъ аттестатъ только на *одну* науку, — часто на одну только Грамматику; а вы, по непростительной безпечности, думаете, что завели въ домѣ своемъ *магазинъ знаній* — и покойны.

Шарлатанъ берется учить Исторіи, Географіи, Математикѣ, и научитъ — презрѣнію къ *Рускому* языку, къ *Руской* націи — ко всему Рускому; и попугай, говорящій пофранцузски, именуетъ нѣкоторыхъ Французскихъ авторовъ, даже говоритъ иногда о нихъ съ восхищеніемъ, въ то время когда не имѣетъ никакого

понятія о сочиненіяхЪ отечественныхЪ, когда надобно перевесть *Марѳу Посадницу* на Французской языкЪ для того, чтобы онЪ прочелЪ ее!.... Между тѢмЪ, безродной *воспитанникЪ Университетской* правитЪ канцеляріею министра, занимаетЪ по достоинству важное мѢсто, приноситЪ честь своему отечеству.

„Надлежит отЪ самаго нѢжнаго возраста приготовить щастіе остальной жизни нашей," говоритЪ Сен-ЛамберЪ. — Конечно такЪ! Не безпокоясь заблаговременно о томЪ, чѢмЪ будутЪ дѢти ваши, предоставляя гражданское и нравственное ихЪ воспитаніе наемщикамЪ, чужестранцамЪ, какое право, какую надежду имѢете требовать отЪ возмужавшаго сына способностей, о которыхЪ никогда не было говорено ему; ожидать превращенія, которое случается вѢками; — отЪ невѢсты дочери — правилЪ, которыхЪ никогда не внушали ей, и добродѢтелей, сЪ которыми не знакомыли ее?.... Желательно, чтобы отцы и матери, вразсужденіи нравственнаго образованія дѢтей своихЪ, исполняли вЪ точности предписаніе Ксенократа, который хотѢлЪ, чтобы сЪ первыхЪ лѢтЪ юношей мудрые и благомысленные разговоры, часто при нихЪ, но безЪ всякаго принужденія, повторяемые, овладѢли слухомЪ ихЪ, какЪ мѢстомЪ еще празднымЪ, чрезЪ которое

порокъ и добродѣтель могутъ проникнуть въ глубину души и сердца, и чтобы сіи разговоры заграждали входъ словамъ, удобнымъ развратить непорочность нравовъ, пока долговременный навыкъ не укрѣпитъ молодаго человѣка, и не приведетъ слуха его въ безопасность отъ заразительнаго дуновенія погубной бесѣды.

Напротивъ того, большая часть отцевъ и матерей говоритъ при дѣтяхъ своихъ обо всемъ на свѣтѣ; а извѣстно, что обыкновенные разговоры состоятъ изъ пересудовъ, насмѣшекъ и тому подобнаго. Въ такъ незываемомъ *домашнемъ кругу* можно, по общему мнѣнію, сказать объ интригѣ знакомыхъ и незнакомыхъ людей, о связи самой недозволительной и проч. Бѣдные дѣти слушаютъ и затверживаютъ слышанное противъ воли. Этаго не довольно: почтенные родители заставляютъ ихъ *представлять* вышедшаго изъ комнаты гостя, и тѣшатся, находя въ дѣтяхъ своихъ дарованіе обезьяны! . . . Кого надлежитъ винить послѣ сей печальной истины? Чего должно ожидать отъ *членовъ общества*, воспитанныхъ такимъ образомъ?

Воспитаніе при Петрѣ Великомъ были совсѣмъ иное, — и только въ сію щастливую эпоху могло называться *истиннымъ* воспитаніемъ. Неутомимый Отецъ

отечества требовалъ отъ дворянъ, чтобы они *обучали* дѣтей своихъ тому, безъ чего не льзя быть полезнымъ гражданиномъ; чтобы посылали ихъ — единственно для этой цѣли — въ чужіе краи; чтобы, по возвращеніи, записывали ихъ въ службу съ самыхъ нижнихъ чиновъ, не смотря ни на титла, ни на богатство фамилій. Всеобъемлющій Геніи созидалъ людей, подобно какъ города и флоты. Меньщиковъ, твореніе рукъ его, перешелъ всѣ степени достоинствъ; присудствовалъ въ Верьховномъ Совѣтѣ, командовалъ войскомъ противъ непріятеля, — и вездѣ оказывалъ великія дарованія. Безстужевъ, отправлявшій блистательныя должности въ Государствѣ, былъ пажемъ у Короля Англійскаго. – Можно привести весьма много примѣровъ изъ вѣка Петрова въ доказательство того, что надобно имѣть *способности*, — не *протекцію*, или не *одну* протекцію, для полученія мѣстъ, чиновъ, отличій и всѣхъ выгодъ жизни.

Какъ осмѣлиться тунеядцу, *столповому дворянину* гордиться передъ человѣкомъ полезнымъ, пріобрѣвшимъ имя *своими дарованіями*, и укорять правительство за степени, на которыя возводитъ оно людей *способныхъ*? . . . Имѣйте достоинства, — и вы будете употребляемы министрами, полководцами, Государемъ и, безъ

сомнѣнія, преимущественно передъ *разночинцами*, въ заслугу отцовъ вашихъ; почести вознаградятъ васъ за труды и жертвы; всеобщее уваженіе прибавитъ вѣсу къ родословной вашей; званіе *Дворянина*, *Князя* — ничего незначущее само по себѣ — содѣлается во сто разъ почтеннѣйшимъ.

Но вы хотите *возвыситься* безъ всякаго усилія; хотите сіять на счетъ другаго; почитаете себя въ правѣ на всѣ *привилегіи!* . . . Сойдите же съ мнимаго своего амвона, и разбѣйте обворожающую васъ призму, отцы семействъ, надменные одними грамотами и передающіе ничтожное тщеславіе дѣтямъ своимъ!

Скажу, въ заключеніе, что для воспитанія гражданскаго нѣтъ дальней нужды родителямъ читать Локка и Жан-Жака Руссо, но должно читать Исторію. Въ ней увидятъ они, какими путями идутъ къ славѣ, или поношенію; какія способности, дарованія, добродѣтели надобны истинному сыну отечества; узнаютъ, какъ образовалось юношество въ Персіи, въ Греціи; какую пользу приносило воспитаніе публичное, или общественное, и проч., и проч.

XXVII.

ОБЪ ИСКАТЕЛЬНОСТИ ВЪ ЛЮДЯХЪ.

„Кто ищетъ во всякомъ, тотъ играетъ не очень похвальную роль,“ сказалъ, не помню, какой-то авторъ. Эта мысль осталась въ душѣ моей; съ тѣхъ поръ не могу слышать хладнокровно предписанія сего *низкаго* правила: *Ищите во всякомъ.* — Какъ! и въ злыхъ и въ глупцахъ? Не уже ли это хорошо? не уже ли это полезно? Чѣмъ же мы будемъ опредѣлять цѣну себѣ и другимъ? Лестно ли человѣку достойному видѣть равную искательность съ вашей стороны и въ немъ и въ антиподѣ его? Пріятно ли вамъ ласкать человѣка, которой столько же уважаетъ ласками бездѣльника, сколько и вашими?

Одна подлая корысть можетъ заставить искать во всѣхъ безъ разбора; а выигрышь отъ того не приноситъ, какъ извѣстно, *истинныхъ выгодъ.* Самое невинное обстоятельство, *при искательности во всякомъ*, есть недостатокъ здраваго ума, или нѣжныхъ чувствованій. Изслѣдуйте: инаго не найдете. Можно, не досаждая никому на свѣтѣ — по крайней мѣрѣ съ умыслу — не раздражая ничьего самолю-

ві*я*, *угождать* только нѣкоторымъ, *искать* только въ нѣкоторыхъ.

Но когда я слышу, что родители, *промотавши большое имѣніе*, говорятъ, повторяютъ дѣтямъ своимъ: *Ищите во всякомъ, угождайте всякому*; то негодованіе взволнуетъ всю кровь во мнѣ Безчеловѣчные оставили имъ только одинъ способъ (и какой!) для существованія ихъ, въ то время когда сами во всю жизнь свою предавались другой крайности, равномѣрно непохвальной и — какъ будто въ наказаніе своей безразсудной гордости — опредѣляютъ дѣтей на горестное униженіе! . . . Ахъ! не предписывайте имъ *искательности во всякомъ*; но твердите, чтобы они старались пріобрѣтать *достоинства*, съ которыми, рано или поздно, *найдутъ* достойныхъ покровителей, и страшитесь, чтобы не сказали на счетъ дѣтей вашихъ:

Des protégés si bas, des protecteurs si bêtes!

XXVIII.

ПИСЬМО

къ Н С* П***.*

Сколько я обязанъ Аглаѣ (*)! . . . Она образовала вкусъ мой, развила — подобно благотворнымъ лучамъ солнца — чувства души моей дѣйствіемъ плѣнительнаго, очаровательнаго языка отечественнаго, открыла въ ней способность и силу (какая услуга!) изливать сіи чувства въ нѣкоторомъ порядкѣ, съ нѣкоторымъ искуствомъ — вотъ ея первыя мнѣ благодѣянія! . . . Теперь я одолженъ ей новымъ: она доставляетъ сердцу моему *Мeлaдopa* и *Филалета* — два идеальныя прекрасныя существа, совокупленныя въ одномъ истинномъ въ тебѣ, мой любезный!

Я читалъ со вниманіемъ разсужденіе твое о судьбѣ и успѣхахъ ума человѣческаго; разсужденіе произведенное Мeлaдopoмъ и Филалетомъ — и сообщаю тебѣ свои мысли.

Не обладая даромъ предусмотрительности, не смѣя заключать ничего о буду-

(*) Титулъ одного изъ первыхъ сочиненій господина Карамзина.

щемѣ, не зная — подобно Меладору — какѣ думать (не ошибаясь) о феноменахѣ нравственнаго міра, не находя удовольствія вѣ гипотезахѣ, я могу только сдѣлать сравненіе между прошедшимѣ и настоящимѣ.

Начнемѣ сѣ важнѣйшаго для человѣчества — сѣ фароса ума его: сѣ философіи (которою заключается *разсужденіе* твое) — начнемѣ сѣ Греческой, и ты увидишь, что на этой чертѣ я совершено сѣ тобою согласенѣ.

Философія вѣ цвѣтущихѣ Аѳинахѣ была не иное что, какѣ изысканіе истиннаго, или, по крайней мѣрѣ, правдоподобнаго во всемѣ томѣ, что только можетѣ открыть умѣ человѣческій. Будучи удалена отѣ мнѣнія, что ей все извѣстно; что она проницаетѣ сокровеннѣйшія дѣйствія Божія, она не теряла изѣ виду тѣхѣ предѣловѣ, которыхѣ уму человѣческому переступить невозможно, и не терялась сама во маракѣ метафизическихѣ отвлеченностей. Будучи удалена отѣ несправедливости называть оскорбительными именами тѣхѣ, которые шли не одними путями сѣ нею, она знала, что различность мнѣній происходитѣ только отѣ того, что каждый, находясь вѣ различномѣ положеніи, смотритѣ на предметы сѣ *своей* точки зрѣнія, и думая, что не *ошибается*, выводитѣ *противныя* слѣд-

ствія. Наконецъ, будучи удалена отъ того, чтобы заставить уважать себя темными выраженіями и надменною ученостію, которая дѣлается вскорѣ несносною и оскорбительною для самолюбія слушающихъ ее, она старалась быть понятною для каждаго, и возвышалась по мѣрѣ высокости духа своихъ слушателей.

Таковъ былъ умъ Сократовъ, который во всѣ времена найдетъ себѣ олтари въ сердцѣ истинныхъ Философовъ! Такова была Философія во времена Аспазіи!

Теперь посмотримъ, какова она въ наше время. Любезное, священное имя Философіи нынѣ содѣлалось (съ какою горестію говорю это!) почти оскорбительнымъ словомъ. Она не иное что теперь, какъ сухая костическая наука софизмовъ, которые ни къ чему иному не служатъ, кромѣ того чтобы ложному дать *видъ* истиннаго; все таинство ея состоитъ только въ томъ, чтобы приводить въ недоумѣніе, дивить и обольщать — и, дѣлаясь со дня на день болѣе темною, болѣе невразумительною, захотѣла наконецъ возложить на умы оковы; но, не будучи въ состояніи *увѣрить*, прибѣгнула къ силѣ — обыкновенному средству невѣжества и гордости; и, вмѣсто смягченія нравовъ, содѣлала ихъ болѣе дикими, болѣе варварскими.

Гдѣ нынѣ *Аѳинская* Философія?... Естьли другая Аттика, другіе Сократы, другія Аспазіи?

Перевѣсъ количества подлинныхъ и существенныхъ благъ рода человѣческаго очевидно на сторонѣ Геніевъ человѣчества, а не Геніевъ славы!

Нынѣшнія Академіи, Университеты, Пританеумы и проч. суть ли Греческая Академія, Портики, Лицеи?

Я беру сторону твоихъ любезныхъ Грековъ, и скажу вмѣстѣ съ тобою, что наши успѣхи въ наукахъ и искуствахъ обязаны — времени, и что Платоны и Аристотели не были *дѣтьми* передъ Боннетами и Локками . . . Но что скажемъ о Гомерѣ, о Фидіи? . . .

Что будетъ съ Философіею черезъ нѣсколько вѣковъ впередъ — не знаю; но что она есть въ сравненіи прошедшихъ, — это ясно видно для каждаго наблюдателя. Камень Сизовъ можетъ имѣть съ одной стороны сходство съ образомъ человѣчества: Грековъ и Римлянъ нѣтъ; нѣтъ даже и слѣдовъ ихъ: они скрылись . . . Но будутъ ли гдѣ нибудь Греки и Римляне? . . . Ихъ еще нѣтъ! . . . Вознесутся ли они, *подобно* камню вѣчнаго труженика, снова

на высошу свою? — не знаю; могутъ ли быть новые Омары (но не одинъ Омаръ превратилъ въ пепелъ магазинъ знаній человѣческихъ: Ши-Гоам-Ти, Императоръ Китайскій, сжегъ всѣ историческія книги, для того что ученые Мандарины извлекали изъ нихъ примѣры противъ его пороковъ)? Можетъ ли угаснуть навѣки свѣтильникъ разума? — не знаю; но не мудрено, кажется, случиться всему этому!

Я воображаю родъ человѣческій одною большою семьею — семьею, въ которой умъ и добродѣтели переходили отъ отца къ сыну и наконецъ пресѣклись: что, къ нещастію, не рѣдко бываетъ. Прибавь къ этому разстройку въ состояніи, невозможность хорошаго воспитанія юныхъ отраслей, и это печальное семейство прекратиться такъ, что въ послѣдніе годы не будетъ въ немъ ни ума, ни добродетели. — *Вселенная* не можетъ имѣть участи *семейства*, конечно; но пожары войны, злоупотребленіе властей Ахъ! такое зло можетъ обнять вселенную! . . .

XXIX.

ПУТЕШЕСТВІЕ НА БОГОМОЛЬЕ.

Могу похвалиться самымъ добрымъ дѣломъ на свѣтѣ: успѣхомъ возбудить въ ближнемъ моемъ мысль о спасеніи души, и любопытство видѣть практику добродѣтели — словомъ: ѣхать на богомолье въ славную больницу Князя Голицына. — Свѣтская наружная суетность не мѣшаетъ живому внутреннему чувству добра — и мы

Въ коляскѣ шестерней пустились подъ Донское.
Лакей и скороходъ стояли назади;
Да въ розвальняхъ еще изъ Пилигримовъ двое.
Форрейтеры кричатъ адажіомъ: *пади!*

Вдругъ переднія лошади бросились — на дворъ Университета. — „За чѣмъ? за чѣмъ?" спрашиваемъ всѣ въ одинъ голосъ. — Лошади привыкли сюда, отвѣчаетъ кучеръ. — Не мудрено: съ нами была Переводчица Фонтенелевыхъ писемъ *о множествѣ міровъ* — хозяйка экипажа, которая, натурально, всякую Субботу ѣздитъ на лекціи г-на Страхова (*).

(*) Это было нѣсколько лѣтъ назадъ.

Имѣю случай описать всѣ лица, которыя составляли пиллигримское наше общество. Одно уже извѣстно; далѣе дочь славнаго Профессора и падчерица великаго мистика; Поэтъ, соперникъ Лафонтена; щастливый любитель всѣхъ родовъ ученія; любезный Французъ путешественникъ, и вашъ покорный слуга. И такъ

Науки, Граціи и Музы
Дѣлили взоръ и разумъ мой.
Ахъ! какъ пріятны съ ними узы!
Какъ былъ доволенъ я судьбой! . . .

,,Ахъ! ахъ!" закричала одна изъ дамъ нашихъ — и вылетѣла стрѣлою изъ коляски. — ,,Что такое?" — Упала лошадь...., и тотчасъ опять вскочила; но даму нашу едва уговорили сѣсть опять въ коляску Несносныя лошади! . . . Истерика была отъ испуганной дамы на палецъ; страхъ жалостнымъ образомъ перемѣнилъ лице ея; она трепетала! . . . Какъ робки, какъ боязливы, по нещастію, женщины, когда упадетъ лошадь, покачнется карета, пробѣжитъ мышъ! . . . Какъ онѣ бѣдныя страдаютъ! . . . Но благодѣтельная Природа все уравниваетъ. — Робкія, боязливыя женщины (нѣтъ правила безъ исключенія) улыбаются при видѣ маленькой опасности, которая угрожаетъ имъ въ невѣрности къ любовнику, въ презрѣніи къ мужу, въ

кокетствѣ передъ цѣлымъ свѣтомъ Конечно одно страшнѣе другаго, и въ послѣднемъ случаѣ много много, если женщина останется нещастною навѣки, или сдѣлаетъ нещастнымъ навѣки. — Желалъ бы я знать, въ какомъ смыслѣ сказалъ искренніи Лафонтенъ, что женщина всегда — женщина!

Наконецъ входимъ въ церковь Истинный храмъ Бога! Какое величество, какая архитектура, какое украшеніе — простое, но превосходное! Невидимый хоръ пѣвчихъ проливаетъ восторгъ и благоговѣніе въ душу; небо отверзается передъ нею! . . .

Парю душей къ тебѣ, Всечтимый,
Превѣчно Слово, Трисвятый!
Блажу Тебя, Непостижимый,
Всемощный, Безначальный, Сый! —

сказалъ я съ пламеннымъ движеніемъ сердца въ мысляхъ своихъ, смотря на Поэта, который написалъ слова сіи въ *Гимнѣ Богу*, и подлѣ котораго стоялъ я въ храмѣ Божіемъ.

По окончаніи обѣдни, первымъ предметомъ любопытства нашего былъ монументъ *создателя храма сего*, больницы и богадѣльни, которыя безъ сомнѣнія Отцу

благому еще пріятнѣе храма — монументъ, достойный примѣрнаго благодѣтеля! . . . Съ какимъ чувствомъ разсматриваешь каждую черту въ образѣ друга человѣчества, друга добродѣтели! . . . Мраморной бюстъ незабвеннаго Князя Голицына, стоящій передъ обелискомъ на гладкой, простой колоннѣ, противъ самаго олтаря, возвышаетъ для мыслей *болѣе еще* святость мѣста . . . Вѣра, простирающая объятія къ Надеждѣ — двѣ большія мраморныя статуи у пьедестала монумента — и Любовь въ видѣ младенца, имѣющаго въ рукѣ сердце, а подлѣ боку Аиста, эмблему благости, дѣйствовали на душу мою несравнено сильнѣе всѣхъ словъ на свѣтѣ! . . . Съ вѣрою вмѣстѣ простираю къ надеждѣ объятія мои, съ надеждою вижу блаженство небесное, съ любовію обемлю добродѣтель и ближняго!

Изъ церкви вошли мы въ больницу женщинъ: новый восторгъ, новое благоговѣніе! . . . Здѣсь видите сію *практику* благости, добродѣтели, человѣколюбія! . . . Съ красными занавѣсами кровати, бѣлыя постели, чистый столикъ подлѣ каждой съ чайнымъ приборомъ изъ Англійскаго, подобнаго серебру, олова, лакированной паркетъ во всѣхъ комнатахъ, ароматами напитанный воздухъ, отрада, сіяющая на самомъ изнуренномъ лицѣ болящаго —

все это доставляетъ душѣ вашей истинно небесное наслажденіе! — Прошедъ нѣсколько комнатъ, входимъ въ одну, которую можно назвать гостиною, и которая бы могла быть ею въ лучшемъ домѣ. Портретъ Великой Екатерины во весь ростъ и бронзовый бюстъ *хозяина* у ногъ ея останавливаютъ взоры зрителей. Невольное чувство удерживаетъ долго подлѣ нихъ каждаго Священныя изображенія, достойныя одно другаго! Здѣсь человѣчество куритъ передъ вами ѳиміамъ сердца! . . . Здѣсь языкъ безмолвствуетъ, и слезы умиленія заступаютъ мѣсто всякаго краснорѣчія! — „На этотъ образъ можно молиться какъ на святаго," сказалъ одна молодая дама, устремивъ на бюстъ взоры свои. Другая, пожилая, повторила слова ея. — Конечно такъ! сказалъ я со внутреннимъ движеніемъ — и готовъ былъ *молиться*; послѣдняя обратилась ко мнѣ съ тремя, или четырмя пріятнѣйшими словами.

Идучи далѣе, входимъ въ аптеку, которая богатствомъ лѣкарствъ и красотою вида плѣняетъ васъ. Потомъ приходимъ на половину мущинъ: тотъ же порядокъ, тѣ же выгоды, то же все.

Ахъ! тотъ не даромъ жилъ,
Кто человѣчество какъ нѣжный другъ любилъ!

Оставляя всѣ сіи предметы восторговъ и благоговѣнія, осыпаешь память творца ихъ жарчайшими благословеніями и молишь о продолженіи дней почтеннѣйшаго старца, который печется о мѣстѣ семъ съ отеческимъ вниманіемъ (*).

На возвратномъ пути нашемъ мы непрестанно говорили о томъ, что слышали, что видѣли, чѣмъ наслаждались.... Райское удовольствіе!

Между тѣмъ насъ ожидало еще удовольствіе. Мы заѣхали на новоселье къ одной любезнѣйшей женщинѣ — завтракать. Вбѣгаемъ въ комнату, въ другую; но хозяйки не видимъ: она занята *хозяйствомъ* — слѣдственно не похожа на обыкновенныхъ городскихъ *хозяекъ*.... Въ ожиданіи ее, мы разсматриваемъ мебели и другія украшенія комнатъ: все доказываетъ вкусъ и мысли.

Тамъ мягкая софа, тронъ нѣжности самой....
Вокругъ ея мечты, вамъ кажется, летаютъ;
Къ утѣхамъ роскоши волшебной призываютъ;

Играютъ чувствами, душой —
И изъ груди летитъ вздохъ томной восхищенья.

(*) К. А. М Голицынъ, котораго уже нѣтъ на свѣтѣ.

Здѣсь кресла съ бронзою, тамъ легкой
табуретъ;
А тамъ а-ла-Вольтеръ для чтенья, размышленья;

Здѣсь Никофоринъ туалетъ.
На окнахъ Граціи навѣшали гардины:
Амуры, кажется, хотятъ задернуть ихъ —
Чтобъ зависть, заглянувъ въ святилище
Надины,

Увидѣла препону въ нихъ.

Черезъ минуту явилась хозяйка, и обрадовалась гостямъ; прошла еще минута, и гости принялись завтракать. — Не можетъ быть вкуснѣе, веселѣе завтракъ, каковъ былъ нашъ. Розовое Шампанское играло фонтаномъ въ бокалахъ и посвящалось здоровью Напослѣдокъ хозяйка вынесла изъ будуара своего скляночку съ духами, и лила на руки каждаго гостя. — „Это поаѳински!“ закричали всѣ.

Такъ у Аспазій, Леонтинъ
Любезны Греки угощались;
Душей и сердцемъ наслаждались
Среди ума, любви и винъ!

Обѣдать пріѣхали всѣ къ новой Эмиліи (*) — то есть къ Переводчицѣ Фон-

(*) Такъ называлъ Вольтеръ Маркизу Дю-Шатле.

тенеля. Нужно ли сказывать, что обѣдъ нашъ былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ свѣтѣ?

XXX.

О ПРЕЖДЕВРЕМЕННОМЪ ЗАМУЖЕСТВѢ.

Отрывокъ.

. . . . Кромѣ того, что Церковь именно запрещаетъ бракъ до нѣкотораго возраста — а Церковь запрещаетъ или дозволяетъ все съ вѣрною пользою для каждаго человѣка — сообразно ли съ ученіемъ Религіи и съ правилами нравственности выдавать за-мужъ дѣвушку, хотя бы уже и достигнувшую *узаконенныхъ лѣтъ* къ тому, но еще не созрѣвшую ни умомъ, ни чувствомъ: что не рѣдко бываетъ; ибо сія зрѣлость и тѣ лѣта идутъ не ровнымъ шагомъ, приходятъ къ извѣстной точкѣ своей не вмѣстѣ: иногда *зрѣлость* предупреждаетъ *лѣта*, иногда лѣта предупреждаютъ зрѣлость?

Религія требуетъ, чтобы будущая супруга, хозяйка, мать, твердо наставленная въ силѣ и важности божественнаго Закона, знала священныя обязанности въ

отношеніи къ мужу, къ домашнимъ, къ дѣтямъ.

Нравственность требуетъ, чтобы *женщина*, имѣющая необходимую роль свою въ обществѣ, представляла ее безъ малѣйшаго уклоненія отъ правилъ, ей предписанныхъ.

Но дѣвушка, не *окончившая* даже, какъ говорится, *воспитанія* своего; еще не выступившая на сцену свѣта — даже того, который бываетъ въ гостиной родительскаго дому; не имѣющая нималѣйшаго понятія о людяхъ, даже самыхъ обыкновенныхъ, — никакого вниманія къ предметамъ, ее окружающимъ, никакой мысли о щастіи и несщастіи жизни, ее ожидающей: такая *невѣста* — если бы она была и *совершеннаго возраста* — можетъ ли соотвѣтствовать благимъ требованіямъ спасительной Религіи и вожделѣнной нравственности? Не предается ли сія жертва или тщеславія, или гордости, или суетности, или эгоизма, игрѣ случая, бурямъ страстей и вихрямъ обстоятельствъ? Кто можетъ ручаться за ея поведеніе, за ея характеръ, за ея добродѣтели? Не всѣмъ ли, напротивъ того, подвергается она ужасамъ безпорядковъ, слабостей, пороковъ? Ибо душа ея *сокрыта* еще и для пристальныхъ взоровъ родительскихъ; она

показывается еще безъ *движеній*, опредѣляющихъ, можно сказать, жребій нашъ; ее видятъ со сторонъ, ничего еще не значущихъ. И часто не заботятся, вразсужденіи слѣдствій, о такомъ существѣ — кто же? мать, отецъ! и не рѣдко такіе, которые соблюдаютъ всѣ *уставы* церкви. — Стало, все только *по наружности!* стало, обманываютъ Бога, людей и — себя! Первый опытъ тотчасъ изобличаетъ въономъ: тотчасъ открывается, что эгоизмъ, суетность, гордость, тщеславіе предпочтены сокровищамъ нравственности и обѣтамъ Религіи!

Ахъ! и людямъ ли, носящимъ на себѣ обязанности *Христіанскія*, пресмыкаться подъ унизительнѣйшими изъ чувствованій человѣческихъ! . . . Такъ! это *видъ* одинъ того, что они носятъ сіи обязаности, между тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ попираютъ ихъ ногами!

Мать, для вѣтренаго, для легкомысленнаго, для ничтожнаго удовольствія, чтобы сказать въ присутствіи другой матери, имѣющей дочь *старѣе* лѣтами ея дочери: „Я выдаю дочь мою за-мужъ," выдаетъ ее — какъ выдаютъ мнимые друзья невиннаго человѣка жестокимъ врагамъ его, когда онъ почиталъ себя въ безопасности подъ защитою первыхъ отъ гоненія послѣднихъ!

Сія мать, сей мнимый другъ знаетъ ли, для чего женится на ея нещастной дочери этотъ *молодой человѣкъ*, украшенный *эполетами*; знаетъ ли, что онъ не будетъ жестокимъ врагомъ ея? . . . Но возможно ли не знать, что онъ женится для *приданаго*, въ которомъ имѣетъ крайнюю нужду: ему недостаетъ денегъ . . . на блестящій экипажъ, на великолѣпныя вечеринки, на домашніе маскарады, на карточную игру — на все, кромѣ . . . жены, которую онъ тотчасъ *потеряетъ изъ виду*, хотя бы въ женихахъ плѣнился и ея *красотою* — другимъ же не льзя еще ничѣмъ плѣниться — онъ сталъ мужемъ *ребенка*, котораго во всю свою и ея жизнь будетъ почитать — ребенкомъ.

Но ребенокъ, никогда не возмужавшій (по необходимому слѣдствію такого случая), узнаетъ однакожъ права свои, захочетъ пользоваться ими, приступитъ къ дѣйствію, станетъ встрѣчать препятствія, стремиться къ преодолѣнію ихъ, почувствуетъ несправедливость къ себѣ со стороны того, который обязанъ ей многими выгодами жизни, и будетъ мстить ему — тутъ погибель ея неизбѣжна! . . . И все это воспослѣдуетъ непремѣнно по обыкновенному теченію вещей. Но полагаться на исключенія, полагаться на удачу, сердце, истинно родительское, никогда не рѣ-

шится! Замѣтьте, или вспомните, не всегда ли почти при жалобахъ на нещастіе супружества жена говоритъ, что ее выдали за мужъ *очень молодою*, еще *ребенкомъ?* На кого же падаетъ сія ужасная жалоба? — На родителей, и часто на такихъ, которые хвалились своею любовію, своею нѣжностію къ дѣтямъ. Безразсудные родители! они не вѣдали, что предпочитали презрительныя удовольствія тщеславія, гордости, суетности, эгоизма важному щастію дочери — сего бреннаго цвѣтка моральнаго, для котораго одно не благопріятное дуновеніе бываетъ убійственнымъ. Въ этомъ ли состояла нѣжность и любовь родительскія, чтобы дочь ваша вышла за-мужъ скорѣе подругъ своихъ, чтобы явилась въ *Собраніе* съ мужемъ, знатнымъ, или чиновнымъ? . . . Все это имѣетъ тѣнь щастія только для зрителей! . . . Но они смотрятъ на сію обманчивую тѣнь съ нѣкоторымъ *вниманіемъ* — вы примѣчаете сіе вниманіе, почитаете его *завистью*, пріятною для вашего самолюбія, — и для васъ довольно, и вы щастливы, не безпокоясь, довольна ли, щастлива ли — жертва безразсудности вашей!

Все, что ни сказано здѣсь противъ родителей, очевидно сказано противъ такихъ, которые не имѣютъ нужды *спѣшить* выдавать за-мужъ дочерей своихъ, и пользо-

ваться первымЪ *блестящимЪ* кЪ тому случаемЪ; которые, словомЪ, и достаточны и не безызвѣстны.

Другое дѣло родители бѣдные, дѣвушки сироты: вЪ сихЪ обстоятельствахЪ первый женихЪ сЪ какими-либо выгодами — кладЪ безопасный, котораго напротивЪ упускать *опасно* — чтобЪ не остаться невѣтѣ безприданной вЪ тягость родителямЪ, или заступившимЪ ихЪ мѣсто.

Я не выдамЪ однакожь дочери за-мужЪ такимЪ образомЪ, какЪ сказано выше, и при недостаткѣ и при неизвѣстной моей; соглашусь лучше, чтобы дочь моя была, подобно мнѣ, и недостаточна и безызвѣстна, чтобы лучше была честною и щастливою мѣщанкою, нежели чтобы плакала *чрезЪ золотою*, и чтобы слезами смывала *пятна* сЪ лентЪ своего мужа!

XXXI.

ОТРЫВОКЪ РАЗГОВОРА О ЩАСТІИ.

Онъ и Я.

Онъ Могу ли наслаждаться чѣмъ нибудь, когда мысль о концѣ всякаго наслажденія есть — математическая истина? Все земное или совершенно прекратится, или ужасно перемѣнится!

Я. Но для чего вмѣсто горестной этой мысли не заниматься радостнымъ чувствомъ наслажденія, чувствомъ, которое такъ вѣрно, какъ — дважды два четыре?

Онъ. Не возможно! Вижу прелестный цвѣтокъ, обворожающій глаза и обоняніе, и невольно думаю: еще минута, день — и ты завянешь, и ты исчезнешь! Вижу гордую красавицу, окруженную страстными обожателями, и думаю невольно: они разойдутся, оставятъ тебя — завтра, или черезъ годъ, все одно! . . .

Я. Видишь прелестный цвѣтокъ, обворожающій глаза и обоняніе; слѣдовательно *два* чувства уже наслаждаются — довольно! Видишь гордую красавицу, окруженную страстными обожателями, и благо-

склонную — къ одному тебѣ . . . ты супругъ ея — чего же болѣе для твоего наслажденія?

Онъ. Но долго ли буду наслаждаться?

Я. Развѣ наслажденіе *временными благами* состоитъ въ продолжительности, которую впрочемъ опредѣлить не возможно? Развѣ нужна ему вѣчность, для которой предназначены другія наслажденія другими благами? И что значитъ самая большая продолжительность въ сравненіи съ безконечною вѣчностію? Прошедшее, сколько бы оно лѣтъ въ себѣ ни заключало, есть мигъ; слѣдовательно въ настоящемъ все равно, длинно ли оно будетъ, или коротко.

Онъ. Ежели бы всякое наслажденіе въ жизни продолжалось до конца ея, прекращалось только съ нею; ежели бы ничто, данное для наслажденія, нимало не перемѣнялось. . . .

Я. Тогда сѣтовалъ бы человѣкъ на одно, на немногое, но стоющее всего прочаго — на предѣлъ нашего существованія; ибо съ нимъ вдругъ лишался бы всѣхъ наслажденій жизни — и это казалось бы жестокимъ, до крайности жестокимъ! Но человѣкъ лишается ихъ постепенно, одно

за другимъ — и это явная милость Провидѣнія! Будь споковнъ и благодаренъ: природа, или Творецъ ея зналъ, что дѣлаетъ; наши пять чувствъ свидѣтельствуютъ, что мы сотворены для наслажденія; ибо находимъ внѣ себя предметы наслажденій, въ себѣ — способность наслаждаться. А кто сталъ бы утверждать, и кто утверждаетъ, что чувства даны намъ единственно для страданій, или для несравненно большей суммы страданій, нежели наслажденій, тотъ безумецъ, безумецъ даже и тогда, когда бы онъ родился немощнымъ, болящимъ; ибо видѣлъ бы другихъ не такими и понималъ бы, что онъ — печальное исключеніе изъ общихъ правилъ природы.

Онъ. Но мы часто *страдаемъ* именно отъ того, что *наслаждались*.

Я. Кто же виноватъ? Конечно не природа; ибо за наслажденіемъ она предназначила успокоеніе, или отдыхъ: что также составляетъ нѣкоторое наслажденіе; потому что отсутствіе безпокойства есть неоспоримо родъ наслажденія. И такъ наслажденія суть великая цѣль и необходимыя средства нашего бытія. Постараемся только образовать чувства наши для наслажденій, природою узаконенныхъ, и для умѣренности, ею требуемой; постараемся обуздать дурныя страсти наши — и мы

не испытаемъ страданій за наслажденіями; ибо они будутъ чисты, непорочны, благородны.

Онъ. Но самое *безпокойство*, происходящее отъ потребности наслажденія, не есть ли уже страданіе?

Я. Это безпокойство, когда оно только въ первой степени, есть нужное приготовленіе къ наслажденію живѣйшему. Когда же безпокойство, о которомъ говоримъ, слишкомъ сильно; то опять мы виноваты. Повторяю: человѣкъ, для того чтобъ быть *истиннымъ человѣкомъ*, не можетъ обойтись безъ изящнаго образованія; а это лучше всего доказывается тѣмъ, что онъ способенъ къ тому. Тутъ нѣтъ средины: надобно или изящное образованіе, или состояніе дикаго. Сіи двѣ крайности сходятся въ одной главной нашей точкѣ: въ соотвѣтствіи мудрымъ видамъ и въ исполненіи священныхъ правъ Природы.

Люди, весьма обыкновенные, совсѣмъ не наслаждаются жизнію и чувствительны только къ лишенію наслажденій — отъ чего? отъ того, что *не умѣютъ* наслаждаться; ибо не умѣющъ, можно сказать, ни смотрѣть, ни слышать, и потому не умѣютъ ни мыслить, ни чувствовать. Все настоящее кажется имъ весьма обыкновеннымъ (какъ они сами); все прошедшее за-

было ими совершенно ; одно будущее занимаетъ ихъ безпрестанно.

Природа, книги, ученіе для нихъ не существуютъ; они привязаны къ искуственнымъ удовольствіямъ и ослѣпительному блеску. Но какъ все искуственное и все ослѣпительное (съ немногими исключеніями въ томъ и другомъ) ложно и холодно; то сіи вѣкъ обманутые люди остаются съ пустотою въ сердцѣ и скукою въ душѣ, не зная сами причины своего непріятнаго моральнаго состоянія. Жалкіе люди!

Наслажденіе въ полномъ и обширномъ смыслѣ, такое какое означено мною подъ именами *чистаго*, *непорочнаго*, *благороднаго*, принадлежитъ мудрецу, который сею чертою болѣе, нежели чѣмъ-либо другимъ, отличается отъ прочихъ жителей земнаго шара, и который не по хитону и клюкѣ, а именно по *уму и чувству* — мудрецъ, въ какомъ бы онъ званіи и на какомъ бы мѣстѣ ни былъ.

Онъ. Я возвращаюсь къ первому моему предложенію и спрашиваю: Отъ насъ ли зависитъ мысль о тлѣнности и разрушеніи всѣхъ вещей подъ солнцемъ, когда эта мысль родится, сверкнетъ быстрѣе молніи?

Я. Отъ насъ совершенно, — отъ привычки давать волю мыслямъ и удерживать

чувство. Сила привычки важна чрезвычайно. Я никогда не забуду наставленія госпожи Бофоръ, которая говоритъ: „Не позволяйте себѣ привычки печалиться!“ и знаю собственнымъ опытомъ, что можно печалиться по одной привычкѣ. Вниманія на самого себя требуется отъ человѣка очень много; и ежели бываютъ слабы впечатлѣнія наслажденій, это происходитъ отъ недостатка вниманія къ тому, чѣмъ наслаждаемся. Въ людяхъ тупыхъ и грубыхъ нѣтъ достаточнаго вниманія ни къ чему, кромѣ развѣ самой близкой *пользы;* и потому-то легки и не глубоки всѣ ихъ впечатлѣнія; они скользятъ по сонньмъ, если не онѣмѣлымъ, чувствамъ ихъ даже при живѣйшихъ наслажденіяхъ. Жалкіе люди!

Онъ. И такъ, по мнѣнію твоему, надобно *усыпить* мысль, вредную наслажденіямъ, и *пробуждать* чувства, необходимыя для наслажденій?

Я. Ежели мысль дѣлаетъ тебя *неблагодарнымъ* къ Творцу за Его попеченіе о щастіи твоемъ даже на землѣ, и ежели чувства возвратятъ тебѣ *справедливость,* безъ которой нѣтъ ничего добраго; то инаго средства не знаю, и не думаю, чтобы было иное средство. Самыя мысленныя наслажденія требуютъ *чувствительности,*

которая привязываетъ насъ ко всему похвальному, заставляетъ любить и уважать ближняго и добродѣтель.

Онъ. Но не есть ли чувствительность и причиною горестныхъ мыслей?

Я. Въ томъ случаѣ, о которомъ разсуждаемъ, напротивъ горестныя мысли причиною чувствительности, испорченной, можно сказать, ими. Смѣло отдаюсь насудъ всѣхъ Метафизиковъ и Психологовъ....

XXXII.

О скупости.

Скупость можно назвать *феноменомъ* изъ страстей человѣческихъ — не по *рѣдкости* ея, но по особенности. Всѣ страсти понятны, кромѣ скупости. Сластолюбецъ, мотъ, игрокъ имѣютъ цѣль свою — удовольствіе; скупецъ никакого; напротивъ того онъ *лишаетъ* себя добровольно всѣхъ удовольствій! Недостатки, которыхъ другіе страшатся, ему пріятны; безызвѣстность, которая другимъ прискорбна, для него утѣшительна; скука, которой обыкновенно избѣгаютъ, съ нимъ живетъ подругою: ибо всѣ сіи обстоятельствъ руча-

ются за неприкосновенность въ идолу, имъ боготворимому, и суть *произведенія* собственнаго его *генія.* „Слѣдовательно всѣ *сіи* обстоятельства служатъ для него *удовольствіемъ!*" — Ахъ, какимъ удовольствіемъ! Бѣдной и скупецъ, нещастной и скупецъ, ссылачный и скупецъ, презрѣнный и скупецъ не имѣютъ никакой разницы въ положеніяхъ своихъ! Онъ терпитъ все наровнѣ съ ними. Богатство, имъ собранное, столько же ему полезно, сколько Негру, работающему на сахарныхъ заводахъ, полезны сокровища Великаго Могола.

Сія гнусная страсть не допускаетъ сердце до великодушныхъ движеній; спокойно заставляетъ смотрѣть на бѣдствіе и горесть ближняго; отводитъ желаніе отъ невинныхъ забавъ жизни; пугаетъ вообраҗеніе благородными вкусами. Подобно Танталу, скупецъ глядитъ на источники благъ — и томится, какъ вѣчной грѣшникъ, вѣчнымъ лишеніемъ наслажденій! Что ему прибыли въ палатахъ, кладовыхъ и житницахъ? Онъ одинъ, какъ сова въ ущелинѣ; на немъ лахмотья, какъ на нищемъ; кусокъ черстваго хлѣба утоляетъ голодъ его.

Посмотрите со вниманіемъ на скупаго — и увидите, что физіономія, ухватки,

тонъ — всѣ черты отличаютъ его отъ другихъ самымъ печальнымъ образомъ! *Это скупецъ!* все сказываетъ въ немъ отъ головы до ногъ. Подобно всѣмъ виновнымъ, онъ боится упрековъ — прямыхъ и посторонниxъ — ежеминутно: ибо страхъ его тѣмъ основательнѣе, что всего чаще говорятъ противъ скупости, и что на этотъ порокъ дозволено нападать болѣе, нежели на другіе.

Не думаете ли, что скупецъ помышляетъ о наслѣдникахъ? Въ такомъ случаѣ онъ помыслилъ бы, что ежели наслѣдникъ будетъ собирать только для своего наслѣдника, то нѣтъ нужды въ богатствѣ ни тому, ни другому; помыслилъ бы — и спросилъ у самого себя: „Кто же и когда станетъ пользоваться плодами собраннаго? Кто же и когда станетъ наслаждаться жизнію?" Но у скупца не то на умѣ, и языкъ въ устахъ его безмолвствуетъ, подобно страстямъ въ его сердцѣ: ибо всѣ покорены одной подлѣйшей, унижающей человѣка — въ наказаніе за гордость его — такъ что самое презрительное животное могло бы передъ нимъ гордиться!

Можетъ ли скупецъ имѣть пріятелей (о друзьяхъ нѣтъ и слова)? Можетъ ли нравиться женщинамъ, можетъ ли быть любезенъ для мущинъ, — достойнъ уваженія подвластныхъ, довѣренности высшихъ?

Вспомните, что божество, которому онъ поклоняется, не терпитъ жертвы, на другихъ олтаряхъ приносимой!

XXXIII.

РАЗГОВОРЪ О ЛЮБВИ.

Послѣ ужина, когда разговоръ дѣлается обыкновено живѣе, завели въ одномъ любезномъ обществѣ рѣчь о любви. Предметъ и мысли становились часъ отъ часу занимательнѣе; всѣ нечувствительно стѣснялись въ кружокъ, и продолжали слѣдующимъ образомъ:

Клера.

Увѣряю васъ, что любовь зависитъ отъ воображенія; не давайте воли ему, и никогда не влюбитесь. Но обыкновенно дѣлается не такъ: видите особу, которая нравится вамъ — и начинаете думать объ ней, — стараться быть съ нею; привыкаете находить въ томъ лучшее удовольствіе, — находить щастіе . . . мнимое, обманчивое! . . . Напротивъ того, удаляйтесь отъ нее, не занимайтесь ею; поступайте такимъ образомъ всегда — и всегда будете покойны, такъ какъ я, сидя въ любимыхъ креслахъ моихъ и не желая ничего ина-

го, кромѣ спокойствія, которымъ наслаждаюсь.

Клеонъ.

Что же вы дѣлаете съ пятью вашими чувствами? Глаза требуютъ милаго предмета; слухъ требуетъ милаго голоса!... Самыя кресла ваши, которыя называете любимыми, доказываютъ необходимость любви.

Клера.

Я люблю родныхъ; люблю друзей.

Клеонъ.

Въ лѣтахъ вашихъ — въ тѣхъ, которымъ природою дана любовь страстная для щастія — не мнимаго, не обманчиваго, но истиннаго, но единственнаго, всякая другая любовь есть почти то же, что любовь къ покою, который вы предпочитаете даже всему — искренно, или нѣтъ, это знаетъ совѣсть ваша — и который, стало быть, ничѣмъ не хуже любви къ роднымъ, любви къ друзьямъ — слабой, недостаточной для пламенной души и дѣятельнаго сердца!

Клера.

По крайней мѣрѣ я не вѣрю вашей страстной любви; не вѣрю дѣйствительному ея бытію, и думаю, и утверждаю, что она существо идеальное.

Лина.

Я не согласна съ вами; сердце и разсудокъ увѣряютъ въ противномъ . . .

Клеонъ.

Конечно. Все можно почесть ложнымъ, кромѣ любви. Честь и безславіе, порокъ и добродѣтель суть слѣдствія нашего образованія, моральнаго и политическаго; суть условія обществъ, странъ, народа: отъ этаго различныя понятія о чести и безславіи, о порокѣ и добродѣтели; отъ этаго разительная противоположность въ достоинствахъ, съ заслугахъ, въ преступленіяхъ. — Но любовь во всемъ мірѣ, во всѣхъ сердцахъ одно и тоже; нигдѣ и ни у кого не перемѣняются свойство, цѣль, законъ ея; вездѣ и всякой украшаетъ жизнь любовью, щастливъ ею

Клера.

И нещастливъ ею же. Скажете ли вы что-нибудь объ этомъ?

Клеонъ.

Очень много, или — не скажу ничего; ибо примѣры нещастной любви всѣмъ извѣстны. Но чему должно приписывать ихъ? Судьбѣ человѣческой, которая обращаетъ для человѣка радости въ скорби, слезы въ улыбку.

Клера.

И такъ не должно ли избѣгать того, что можетъ обратиться въ нещастіе? Не лучше ли довольствоваться выгодами покоя, нежели подвергаться опасностямъ любви?

Амалія.

Самое нещастіе любви служитъ убѣжденіемъ, что она существуетъ дѣйствительно. Не скоро можно вспомнить примѣры самоубійства отъ гордости, отъ униженія, отъ стыда; но жертвы любви безпрестанно возобновляются передъ нами.

Клеонъ.

Вы говорите, Клера, объ опасностяхъ любви? Это дѣло другое. Сказали, что надобно удаляться отъ особы, которая нравится намъ? Это дѣло благоразумія. Ежели обстоятельства, съ какой-нибудь стороны, расположены не въ мою пользу, то удалюсь; а ежели не вижу къ тому никакой причины, — останусь, и буду стараться идти далѣе.

Клера.

Оставайтесь лучше покойно въ своемъ кабинетѣ, и не ходите за пустяками. И что такое любовь? На что она? Развѣ не льзя обойтись безъ нее?

Лина.

Если и можно; то не всѣмъ, то очень не многимъ. Вы имѣете славу принадлежать къ малому числу тѣхъ нещастливцевъ, которымъ природа отказала въ любви.

Клера.

Забавляйтесь; а я очень щастлива, какъ и всѣ тѣ — вопреки мнѣнію вашему — которые не безпокоятся о любви.

Клеонъ.

О чемъ же они безпокоятся? Но безпокоиться, въ извѣстномъ смыслѣ, о чемъ-нибудь да надобно. Никогда не позабуду прекрасныхъ словъ, сказанныхъ какою-то милою защитницею любви: „Человѣкъ, любящій славу, знатность, богатство, подобенъ тому, кто за неимѣніемъ новой Элоизы читаетъ романъ дѣвицы Скюдери.“

Амалія.

Ахъ! это правда! любовь замѣняетъ все; любви замѣнить ничто не можетъ.

Клера.

А я напомню вамъ то, что сказалъ о любви Вольтеръ: „Любовь сильна только по нашей слабости, l'amour n'est puissant que par notre faiblesse.“

Клеонъ.

И все такъ, если хотите. Безцѣнной вашъ покой сладокъ вамъ для того, что вы подвержены усталости. Впрочемъ поэтъ скажетъ иногда парадоксъ для какой нибудь фигуры; въ словахъ Вольтера вижу антитезъ — и сомнѣваюсь въ истинѣ. Кажется, онъ же сказалъ: „Кто былъ бы добродѣтеленъ, ежелибъ не было любви, qui serait vertueux, s'il n'y avait point d'amour?"

Софія.

Одно сказано яснѣе другаго; послѣднее открываетъ новое поле

Клеонъ.

Не ступимъ на него; будемъ разсматривать предметъ нашъ съ одной заданной точки зрѣнія

Лина.

Нинонъ Ланкло сказала какъ-то странно о любви.

Клера.

Очень помню, и не нахожу ничего страннаго. Она говоритъ: „Любовь есть чувство слѣпое, кумиръ и произведеніе чувствъ, l'amour est un sentiment aveugle, l'idole et l'ouvrage des sens." Эта героиня

любви, кажется — вопреки всему — на моей стороне

Клеонъ.

И вопреки такому определенію — которое впрочемъ не означаетъ рѣшительно ни похвалы, ни порицанія любви — Нинонъ была щастлива одною любовію во всю долгую жизнь свою.

Клера.

Не завидую щастію Нинонъ, Аспазій и подобныхъ имъ.

Клеонъ.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ — вы очень правы; но не льзя позавидовать и вашему щастію, которое ограничивается физическимъ покоемъ.

Клера.

И моральнымъ. Я довольна судьбою — чего же болѣе?

Клеонъ.

То есть довольны своими обстоятельствами — подобно хозяйкѣ хорошо убраннаго дома, которая ожидаетъ гостей, въ полной безпечности о томъ, что найдутъ у нее все пріятнымъ; но которой просидѣть цѣлой день въ четырехъ стѣнахъ,

хотя и прекрасныхъ, одной было бы очень скучно. Вы довольны, но ожидаете

Клера (смѣясь).

Какому гостю можно сдѣлать особенную довѣренность? Всѣ очень покорные слуги

Клеонъ.

Разумѣю васъ

Софія.

Въ этомъ я согласна съ Клерою. Молодые люди, въ наше время, такого дурнаго мнѣнія о женщинахъ, и такъ это обнаруживаютъ, что одна легкомысленная повѣритъ ихъ уваженію. Могу ли думать, что для меня сдѣлано исключеніе изъ общаго правила? Имѣю ли особенныя на то преимущества? Нѣтъ! приличія, выгоды, *разсчетъ ума* — какъ говорятъ теперь — вотъ *узы* браковъ! Другихъ не вижу.

Клеонъ

Не участвуя въ тайнѣ молодыхъ людей, скажу смѣло, что если они дурнаго мнѣнія о женщинахъ; то конечно дурны сами: иной причины не можетъ быть.

Клера.

Какъ же проповѣдывать любовь послѣ этаго?

Клеонъ.

По крайней мѣрѣ не отрекусь отъ нее; а вы хотите именно, чтобы я отрекся; хотите, чтобы сдѣлалъ условіе съ самимъ собою *не любить.* Виноватъ! окажусь непослушнымъ. Природа указываетъ мнѣ щастіе, лучшее, совершеннѣйшее — и я не буду стремиться къ нему? Что я за глупецъ?

Клера.

Но ежели мы щастливы тѣмъ, или другимъ образомъ; то за чѣмъ искать, желать лучшаго, совершеннѣйшаго щастія, но не вѣрнаго, съ опасностію потерять вѣрное, хотя и посредственное?

Клеонъ.

О всякомъ другомъ щастіи можно и должно имѣть ваше мнѣніе; но о щастіи сердца — которому любовь всего нужнѣе — дозвольте мнѣ остаться при моемъ мнѣніи.

Клера.

Я щастлива сердечно — увѣряю васъ.

Клеонъ.

Искренно радуюсь; но еще однажды уподобляю васъ невольно человѣку, которой, будучи отъ природы лишенъ гибкости въ членахъ, но не чувствуя никакой боли

въ нихъ, сидитъ *покойно* на одномъ мѣстѣ, въ то время когда другіе гуляютъ, танцуютъ, рѣзвятся; онъ смотритъ на нихъ, и не понимаетъ ихъ удовольствія, и для того не завидуетъ имъ; но мы понимаемъ, чего не достаетъ ему; знаемъ, что одно состояніе пріятнѣе другаго. Кто соглисится взять безъ разбору то, или другое?

Амалія.

Никто конечно.

Лина.

Клера скажетъ: „За то вашъ окаченѣлой человѣкъ не знаетъ утомленія, не подвергается простудѣ, не сломитъ шеи.

Клера.

Скажу конечно; только прошу выкинуть слово *окаченѣлой.*

Клеонъ.

Никакъ не льзя: это настоящее выраженіе. Состояніе сердца, не удобнаго къ любви, не есть ли моральная окаченѣлость?

Клера.

Вамъ извѣстно, что я иногда читаю Философовъ, и потому скажу о любви такъ, какъ сказалъ Сенека о жизни:

„Знаете ли, что дѣлаетъ людей столь жадными къ любви? то, что ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ пользоваться ею.“

Клеонъ.

Я не люблю Сенеку — и знаю за что; а потому и не вникаю въ мысли его. Но постараюсь вникнуть, сколько можно, въ аксіому вашу; завтра услышите отвѣтъ мой, если будете имѣть охоту продолжать разговоръ *безконечный*. Сегодня скажу еще только одно въ пользу любви: Не ей ли обязаны вы сладостнѣйшимъ удовольствіемъ жизни, пріятнѣйшими днями во всякое время — щастіемъ семейства? Любовь есть источникъ сего щастія; любовь служитъ ему стихіею; любовь должна быть и его цѣлію. — Наконецъ заключу словами умной, краснорѣчивой Писательницы Котенъ, которою вы и я плѣняемся. „Ахъ! кто можетъ жить, не любя?“ говоритъ она: „не все ли въ природѣ живетъ любовью, отъ смиреннаго цвѣтка, „у котораго дневное свѣтило раскрываетъ „нѣдра, до блестящихъ Серафимовъ, которые пылаютъ вѣчно Богомъ, составляя „гимны вкругъ Его трона?“

XXXIV.

ОТРЫВОКЪ РАЗГОВОРА

на балѣ.

Аристъ Любите ли вы Поэзію?

Эмилія. Люблю.

Аристъ. И видите наши журналы (*)?

Эмилія. Никогда не читаю ихъ, — потому что не читаю ничего на Рускомъ.

Аристъ. Изъ презрѣнія къ языку?

Эмилія. Совсѣмъ нѣтъ; но я не сдѣлала привычки, или лучше сказать меня всячески отучали отъ Рускаго языка — родители и гувернеры; запрещали говорить поруски, штрафовали за каждое Руское слово, и книга Руская никогда не попадалась на глаза мои. . . . Къ тому же, все хорошее, все лучшее на языкахъ чужестранныхъ.

Аристъ. Вы шутите надо мною!

(*) То есть Рускіе.

Эмилія. Нимало Еще же слова техническія такъ трудно перевести на Руской.

Аристъ. Ихъ не должно и переводить, если не ошибаюсь; они принадлежатъ всѣмъ языкамъ по одинакому праву, — потому что они большею частію Греческія, или Латинскія.

Эмилія. (послѣ минутнаго молчанія) мнѣ извѣстенъ на Рускомъ одинъ только переводъ Физики.

Аристъ. Слава Богу! А перо К — на?

Эмилія. Совсѣмъ не знаю.

Аристъ. А Поэзію Д — ва?

Эмилія. Читала немного.

Аристъ. Теперь вижу печальную истину! . . . Вы говорите все это для того безъ сомнѣнія, чтобы отнять у меня дерзскую надежду обратить когда-нибудь вниманіе ваше на мое собственное. . . .

Эмилія. (съ пріятною улыбкою) нѣтъ нѣтъ! . . . А вы всегда пишете?

Аристъ. Стихи Руские!

Эмилія. И такъ вы видите, что я не виновата; если не читаю и не говорю никогда на природномъ языкѣ.

Аристъ. Очень правы! Между тѣмъ, посудите объ участи нашихъ Авторовъ . . . Они до сихъ поръ не могутъ интересовать любезнѣйшей половины общества! . . . Куда же идти за наградою? Гдѣ же искать ободренія? — Какимъ же образомъ поравняться съ чужестранными писателями? . . . Мудрено, если мы когда нибудь въ глазахъ ихъ выдемъ изъ младенчества! . . .

Эмилія. Другіе отзовутся, въ этомъ случаѣ, можетъ быть, не такъ какъ я.

Аристъ. Но будутъ ли они имѣть ваши дарованія?

Эмилія. Пощадите меня! . . . Я такъ скучаю, когда говорятъ со мною обо мнѣ!

Аристъ. Слѣдственно имѣю способъ отмстить вамъ — какъ патріотъ, какъ авторъ. . . . Хорошо, Эмилія, что вы отняли у меня всю бодрость вразсужденіи Руской литтературы; а безъ того я сказалъ бы вамъ, что одинъ изъ нашихъ Поэтовъ, вдохновенный вами (Тутъ подошли къ Эмиліи и взяли ее танцовать.)

XXXV.

ДВА ПИСЬМА,

изъ Вяземской округи.

I.

Первое приключенiе въ странствованiи двухъ (*) мирныхъ рыцарей служило щастливымъ предзнаменованiемъ разныхъ случаевъ, которые ожидали ихъ, и стоитъ того, чтобы разсказать объ немъ.

На одной изъ станцiй, по дорогѣ нашей, въ чистой избѣ Смотрителя находимъ дамскую компанiю. Какая встрѣча для рыцарей! Дамъ было три; старшая изъ нихъ, важная и миловидная, сидя за длиннымъ столомъ, наливала кофе; мы узнали въ ней хозяйку — то есть жену г-на Смотрителя; другая съ умными глазами, съ прiятною улыбкою, со вкусомъ одѣтая, молодая дѣвушка, была дочь сельскаго Левита; третiя лѣтъ двенадцати, бѣлокурая, голубоокая, съ круглымъ лицемъ, съ глубокими ямочками на розовыхъ щечкахъ — на-

(*) Авторъ ѣздилъ съ прiятелемъ.

стоящій Амуръ Фальконетовъ — была такъ же дочь Левита изъ другой деревни. Привѣтливая хозяйка не замедлила подчивать новыхъ гостей кофеемъ, и такъ ласково, такъ усердно, что мы нимало не отговаривались.

Надлежало завести разговоръ. Вѣжливость есть общій девизъ истинныхъ рыцарей. По щастію, случилось Воскресенье. Спрашиваемъ у любезныхъ собесѣдницъ, были ли онѣ у обѣдни? „Мы рѣдко ходимъ въ вашу церковь,“ отвѣчала хозяйка; то же повторила и дочь тамошняго Левита. Мы переглянулись, изъявили другъ другу маленькое удивленіе, и продолжали: „Развѣ вы другаго исповѣданія?“ — По *наружности*, одного съ вами; но у насъ есть тайная, сердечная вѣра. — „Какъ! и дочь самаго Священника не одной вѣры съ нимъ?“ Такъ точно! — сказала, не много закраснѣвшись, молодая *Кіетистка*, или *Социніянка*; ибо мы заключили-было, что она принадлежитъ къ той, или другой сектѣ. — „Что же батюшка вашъ? Развѣ онъ дозволяетъ вамъ...?“ — Нѣтъ; онъ ничего не знаетъ; я скрываю отъ него мою *религію*; хожу въ церьковь, исполняю всѣ обряды; но только по наружности, какъ вы слышали, — только для свѣта, который не проникнетъ тайны нашей — если (примолвила онъ съ остроум-

ною улыбкою) не употребите во зло нашей довѣренности. — Мы благодарили.

Надобно сказать безъ всякой гордости, что мы сперва *щадили* нашихъ непроницаемыхъ *адептовъ*; говорили, какъ можно простѣе, понятнѣе, и должно признаться по чистой совѣсти, что наконецъ вооружились всѣми средствами діалектики, всею силою мыслей, и проч.; но мистическія героини наши не отступали; твердо стояли въ аренѣ, и вызывали еще *профановъ*, то есть насъ, терявшихъ *Латынь* свою, на новое любопытство. „Многолюдна ли секта ваша?" спросили мы въ заключеніе. — Насъ только двѣ — отвѣчала одна за другою. — „Кто кому изъ васъ обязанъ славою принадлежать къ ней?" Мнѣ сдѣлала это одолженіе добрая моя пріятельница — сказала краснорѣчивая поповна, указавъ на нѣжную *Филотею* (такъ называли мы жену Смотрителеву, которая, при случаѣ, говорила о любви къ Богу съ особенною чувствительностію). — „Примите ли насъ въ любезную секту свою?" Охотно — сказала начальница; только надобно выдержать нѣкоторые опыты. — „Въ чемъ будутъ состоять они?" — Въ постѣ, но очень строгомъ. Воздержаніе отъ чувственныхъ удовольствій — продолжала она, возвысивъ голосъ и опустивъ глаза — доказываетъ силу души, необходимо нужную

для сокрытія всего таинственнаго (*). — Мы дали слово исполнить въ точности всѣ обязанности новопосвящаемыхъ — и покорный слуга вашъ упросилъ милую Левитянку принять въ залогъ духовнаго союза гладкое золотое кольцо. . . . Мы забыли спросить объ имени секты!

Но вы безъ сомнѣнія спросите: Что за чудеса? — Никакихъ! . . . Все это — одна игра воображенія. Жена Смотрителева и дочь попова одарены умомъ болѣе, нежели другія имъ подобныя, и забавляются на досугѣ своими *умными* мечтами. Вотъ ключь въ невинной сектѣ сихъ любезныхъ созданій! Онѣ божились, что ни съ кѣмъ до этаго времени не говорили о своемъ *дурачествѣ* — такъ назвали шутку свою, по окончаніи шутки — и увѣряли, что не будутъ и впередъ говорить — Мы *имѣли щастіе* предупредить ихъ въ свою пользу.

Переѣздъ изъ Можайской округи въ Вяземскую былъ для меня ощутителенъ. Кромѣ нѣкотораго различія въ одеждѣ женщинъ и мѣстоположеніяхъ, имя Губернскаго города, Смоленска, напомнило мнѣ о древнихъ происшествіяхъ нашего отечества; о стодесятилѣтнемъ владычествѣ

(*) Ея собственныя выраженія.

Литвы надъ симъ знаменитымъ городомъ; о славной, долговременной борьбѣ мужественной Россіи съ сею Литвою, граничившею нѣкогда съ предѣлами Московскими, и проч. и проч. Такія воспоминанія питаютъ душу, мысли, вообраденіе (*).

Около вечера, прекраснѣйшаго изъ лѣтнихъ, мы пріѣхали къ цѣли нашего путешествія, и были нечаянно встрѣчены семействомъ К* У***, гулявшимъ по полю. Взаимное удовольствіе одушевило общество, въ которомъ находимъ двухъ Московскихъ своихъ знакомокъ — и, слѣдственно, находимъ еще однимъ удовольствіемъ болѣе.

Черезъ день пріѣзжаютъ сосѣди — дамы, кавалеры; играетъ музыка, начинаются танцы, становится множество паръ... Предварительныя извѣстія, которыми я давно былъ приготовленъ къ веселому образу жизни Смоленскихъ помѣщиковъ, оправдывались очевидно. — Гости прожили нѣсколько дней, — и каждый день проведенъ въ забавахъ. Дамы танцуютъ прекрасно — не одни *экосесы*, не однѣ *кадрили*, но и *шали*, но и *поруски*. Кавалеры летаютъ зефирами. Въ числѣ сихъ послѣднихъ — кавалеровъ, или зефировъ, какъ угодно —

(*) Писано до нашествія Французовъ.

одинъ, не будучи любовникомъ Флоры, доказывалъ очень убѣдительно, что онъ пылалъ нѣкогда любовію къ Беллонѣ. На примѣръ, нѣкоторыя фигуры *экосесовъ* онъ называлъ *взводами*, и бывая корифеемъ танцовъ, командывалъ какъ во фрунтѣ. — Этотъ случай живо напомнилъ мнѣ анекдотъ объ одномъ мореходцѣ, который, живучи уже на землѣ, и разъѣзжая не на кораблѣ, а верхомъ, не говорилъ, когда надобно было, о дорогѣ своей иначе, какъ морскими техническими выраженіями. — Первая половина жизни всегда господствуетъ надъ другою — во всѣхъ, или почти во всѣхъ склонностяхъ, вкусахъ и привычкахъ!

Но вотъ черта, достойная замѣчанія и подражанія: старая Швейцарка, въ этомъ же обществѣ, вздумала о своей молодости — и вѣроятно о тѣхъ успѣхахъ, которые обыкновенно неразлучны съ нею — велѣла заиграть *козачекъ*, поправила башмаки, и пустилась въ прыжки. — Спокойной видъ ея, Гельветическія *антреша*, слабость ногъ — все это заставило зрителей смѣяться довольно нескромно. Одна молодая дѣвица не смѣялась, или смѣялась такъ осторожно, что не льзя было замѣтить. „Вы не принимаете участія въ общемъ удовольствіи“ — сказалъ я, подошедъ къ ней. — Извините. — „Но вы не смѣетесь, подоб-

но другимъ." — Мнѣ также весело; но я не вижу причины къ смѣху. — Молодая дѣвица воспитана сострадательною Маріею — то есть въ Институтѣ!

II.

Мы были съ семействомъ К* У*** на праздникѣ у господина Г***, одного изъ богатыхъ здѣшнихъ помѣщиковъ. Передъ вечеромъ подъѣзжаемъ къ селу, похожему болѣе на какой-нибудь Нѣмецкой городокъ, нежели на обыкновенную деревню, — потомъ къ дому, который можно назвать Вестфальскимъ, если не Мавританскимъ замкомъ, — наконецъ входимъ въ залу — и громъ музыки оглушаетъ насъ. Гости, прежде пріѣхавшіе, танцовали. Хозяинъ, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, беретъ даму изъ нашего общества; мы беремъ другихъ — и протянулся Польской.

Растворенныя двери изъ залы въ садъ выманили меня тотчасъ на галлерею; прекрасныя аллеи и другіе предметы манили къ себѣ. По щастію вышелъ хозяинъ, узналъ, чего желаю, вручилъ меня Аббату, живущему въ домѣ, и сказалъ съ любезностію свѣтскаго человѣка: „Онъ лучше меня займетъ ваше любопытство." Снисходительный Аббатъ повелъ меня изъ

аллеи въ аллею, отъ предмета къ другому, и говорилъ объ очаровательности садовъ какъ Гиршфельдъ. Вѣрю, что древній Галло-Альбіонской садъ господина Г** обязанъ новыми красотами вкусу и знаніямъ остроумнаго Аббата. *Кабинетъ размышленія* — зеленый уединенный гротъ — убранный собственными его руками, ожидаетъ нѣкоторыхъ классическихъ бюстовъ. Я желалъ бы видѣть, между прочими, бюстъ Делилля. — Ученый (*) Аббатъ не забудетъ конечно славнаго земляка своего. — Свѣтлой большой прудъ, съ круглымъ островомъ на срединѣ, съ храмомъ Гебы и ея статуею на островѣ, составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній сада. Болѣе всего понравилось мнѣ въ переходахъ по Англійскимъ излучистымъ дорожкамъ одно, тѣнію освѣжаемое мѣсто, на которомъ подъ деревомъ стоитъ урна — въ память маленькаго хозяйскаго сына, посадившаго это самое дерево. Онъ умеръ. Все прогательное, все унылое милѣе душѣ моей!

Когда уже вечерній мракъ сгустился, — яркія плошки освѣтили садъ. Хозяинъ подаетъ руку дамѣ; всѣ кавалеры дѣлаютъ то же; выходимъ въ садъ, и слѣдственно гуляемъ въ вокзалѣ. Нѣтъ ничего пріят-

(*) Имѣю причину почитать его такимъ, ибо онъ преподаетъ науки дочери господина Г***.

нѣе! Наконецъ подходимъ къ галлереѣ, у которой встрѣчаютъ насъ группы Цыганъ; останавливаемся, слушаемъ пѣсни ихъ, смотримъ на пляски, входимъ въ галлерею — и подъ громомъ музыки начинаются танцы снова. Потомъ хозяинъ опять беретъ даму; пара за парою идетъ по слѣдамъ его; приходимъ въ другую галлерею — и другое удовольствіе занимаетъ гостей: являются два мальчика, составляютъ гимнастическія игры, удивляютъ своимъ искуствомъ, получаютъ награду рукоплесканіемъ, даютъ нещадные удары *Пальясу*, и утѣшаютъ каждаго.

Оттуда возвращаемся на первую сцену веселія — то есть въ залу, и двѣ Граціи, съ шалями въ рукахъ, съ умильностію во взорахъ, выступаютъ Терпсихорами, — летаютъ, какъ сама богиня танцовъ. . . . Сердца мущинъ таяли отъ восхищенія; сердца женщинъ терзались ревностію: такъ должно заключить Психологу — если не ошибаюсь. Къ полному очарованію упоенныхъ зрителей, Граціи или Терпсихоры плясали и поруски. Какъ будто нарочно — какъ будто для совершенства въ живописи, требующей контрастовъ, одна изъ сихъ смертныхъ богинь бѣлокурая; другая черноволосая — обѣ прекрасныя Гречанки, родныя сестры, дѣвицы Ген***.

Гости приглашены были и на другой день, проведенный почти такъ же, какъ и первой; но достопамятный для меня по одному случаю. Дочь хозяина, молодая дѣвица, сидя въ кругу молодыхъ дамъ, увидѣла меня за стуломъ своимъ, и съ ласковымъ видомъ говоритъ мнѣ: „Вы сочиняете?“ — Кто вамъ сказывалъ? — „Меня увѣряли.“ — Это клевета. — Любезная дѣвица разсмѣялась. — „Не отговаривайтесь, и покажите мнѣ какіе-нибудь стихи свои.“ Надлежало повиноваться — и на другой день я послалъ въ пакетѣ на отцово имя слѣдующую рапсодію:

Кто не будетъ вмигъ Поэтомъ,
Если требуютъ стиховъ,
Тѣ, которыя насъ свѣтомъ
Силой чувства, властью словъ,
И, что больше, красотою —
Симъ магическимъ жезломъ,
Управляющимъ душою,
Сердцемъ, волею, умомъ —
Ввѣкъ царицами благими,
Къ щастью смертныхъ, рождены!
Наконецъ для нихъ и ими
Всѣ таланты намъ даны!

Ты стиховъ моихъ желала:
Я писалъ здѣсь твой портретъ;
Ты моею Музой стала:
Я щастливѣйшій поэтъ!

Не знаю объ успѣхѣ стиховъ, потому что я не видался уже съ предметомъ ихъ; но знаю обязанность стихотворца, ибо давно служу Аполлону.

Отпировавши у г-на Г***, мы были званы, также съ семействомъ нашего хозяина, однимъ добрымъ, любезнымъ его сосѣдомъ, о которомъ можно сказать съ древнимъ Поэтомъ комическимъ, что „его владѣніе не обширнѣе посланія Лакедемонскаго;" но которой принимаетъ у себя гостей не хуже Крезовъ. — Въ длинномъ еловомъ гротѣ, за длиннымъ изобильнымъ столомъ, съ удовольствіемъ въ сердцѣ, съ весельемъ на глазахъ, мы обѣдали, казалось, у Лукулла — не пышнаго, не надменнаго, но милаго, но усерднаго. Дружескія ласки хлѣбосольнаго Б*** останутся навсегда въ моей памяти!

Послѣ того прожили мы съ обществомъ своимъ трое сутокъ въ деревнѣ у г-на В***. Будучи родственникомъ К* У***, онъ не требовалъ ни отъ кого обыкновенныхъ скучныхъ церемоній, и самъ никого не тяготилъ ими: слѣдственно вашъ вѣрный слуга, постоянный охотникъ странствовать, искать приключеній, бродилъ подъ яснымъ и мрачнымъ небомъ по цѣлымъ часамъ. Между тѣмъ, каждой день проведенъ былъ въ забавахъ: танцы, фанты и другія рѣзвости составляли ихъ.

Геній здѣшняго края хотѣлъ, кажется, оставить въ памяти двухъ *мирныхъ рыцарей* глубокое впечатлѣніе въ пользу его — разнообразіемъ предметовъ и удовольствій. Мы были еще на освященіи храма въ селѣ одного новаго хозяина, г-на П***, любезнаго молодаго человѣка, живущаго съ двумя незамужними сестрами, также молодыми и любезными. Архитектура и украшеніе храма дѣлаютъ честь вкусу строителя. Общество гостей, состоявшее большею частію изъ родственниковъ хозяина, довершило выгодныя мысли, которыя были поселены во мнѣ о Дворянахъ Смоленскихъ. Хвала просвѣщенію!

На этомъ празднествѣ я увидѣлся въ третій разъ съ человѣкомъ, которому бы желалъ понравиться, и съ которымъ познакомился немного при первомъ свиданіи. Онъ любитъ чтеніе, любитъ хорошее общество, знаетъ языки, говоритъ пріятно. Мы сидѣли вмѣстѣ за обѣдомъ; противъ насъ сидѣли дамы; мой пріятный сосѣдъ занималъ ихъ острыми шутками; со мною говорилъ о литтературѣ; мы познакомились короче, и милой Л*** обѣщался посѣтить меня въ Москвѣ: обрадуюсь ему сердечно.

Сдѣлаю мимоходомъ одно статистическое замѣчаніе. Въ Смоленской Губерніи

хлѣбопашество служитъ не обыкновеннымъ источникомъ доходовъ. Благодѣтельныя нивы покрываютъ всѣ поля, и, не смотря на дурную каменистую пошву земли, крестьянинъ съ женою приносятъ господину деньгами и прочимъ сто рублей! — Вотъ что можетъ изъяснить нѣсколько роскошь здѣшнихъ помѣщиковъ!

Три недѣли, проведенныя нами въ Вяземской округѣ, были — покрайней мѣрѣ для меня — тремя недѣлями вседневнаго удовольствія: благодарю судьбу, и тѣхъ, которымъ я обязанъ ими!

XXXVI.

ЭГОИЗМЪ ЛЮБВИ.

У одной дамы спросили, что предпочла бы она, смерть, или измѣну любимаго человѣка? Дама, нимало не думавши, отвѣчала рѣшительно: „Первую.“ За отвѣтомъ слѣдовало изъясненіе. — „Смерть такого человѣка“ — сказала она — „принесла бы мнѣ со временемъ утѣшеніе, хотя очень слабое, хотя одну тѣнь его; но измѣна никакого. — Я нашла бы нѣкоторое облегченіе глубокой моей горести въ мысли, что онъ умеръ съ любовію ко мнѣ, и страдала бы вѣчно отъ того, что онъ живетъ и невѣренъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ равно умеръ бы для меня.“ — Но не умеръ бы въ самомъ дѣлѣ — возразили ей — но жилъ бы еще, и жилъ бы, можетъ быть, для щастія; а любовь истинная, неограниченная, великодушная не предпочитаетъ собственнаго щастія щастію любимаго предмета. Она жертвуетъ, не требуя жертвы; наслаждается, не думая о наслажденіяхъ; страдаетъ, не желая утѣшенія; она хочетъ терпѣть и погибнуть одна. Такая любовь рѣдка; однакожь существуетъ, и только подобная любовь есть любовь святая, моральная, достойнѣйшая лучшаго

творенія Природы. Сь другою смѣшивается самолюбіе, или любовь кь забавамь Кто говоритЬ: „Я предпочитаю смерть любимаго предмета измѣнѣ его," тотЬ обнаруживаетЬ, что самолюбіе вЬ немЬ чувствительнѣе сердца, или что любовь кЬ забавамЬ нужнѣе для него другихЬ, небесныхЬ удовольствій. Извѣстно — продолжали антагонисты моей дамы, которая слушала терпѣливо — что изящныя страсти не бываютЬ вмѣстѣ сЬ грубою, жестокою душею; а человѣкЬ, сыскивающій пользу свою — какого бы она роду ни была, вЬ чемЬ бы она ни состояла — при нещастіи другаго, не имѣетЬ ли грубой, жестокой души? Слѣдственно любовь изящная не можетЬ быть вЬ душѣ такого человѣка — и слѣдственно (прибавили они сЬ улыбкою) дозвольте, сударыня, не вѣрить искренности вашей, и сомнѣваться вЬ основательности того, что вы утверждаете — конечно для *особливости.* Или должно признаться, что чувство, которое вы изЬявляете и, какЬ можно догадываться, почитаете *энергіею*, есть не иное что какЬ *эгоизмЪ любви!*

РазговорЬ прекратился на этомЬ словѣ.

XXXVII.

О СТЫДѢ.

Стыдъ для нравственнаго міра то же, что солнце для вещественнаго. Подобно животворному свѣтилу вселенной, сія исключительная принадлежность благороднѣйшаго созданія озаряетъ его поступки; хранитъ, питаетъ, одушевляетъ всѣ добродѣтели, очищаетъ всѣ качества, возвышаетъ всѣ чувствованія. Отнимите стыдъ — и померкнетъ душа человѣческая, и охладѣетъ сердце его. Что удерживаетъ насъ отъ порока? — стыдъ; что заставляетъ избѣгать нареканія? — стыдъ; что принуждаетъ таить наши слабости? — стыдъ; чѣмъ любезна для насъ невинность? — стыдомъ; чѣмъ украшается женщина? — стыдомъ; чѣмъ не рѣдко обезоруживается несправедливость? — стыдомъ; чѣмъ иногда убѣждается преступникъ? — стыдомъ.

Стыдъ можно почесть за чувство врожденное. Чѣмъ менѣе *опытовъ*, тѣмъ болѣе стыда. Юноша краснѣется отъ каждаго неблагопристойнаго слова; мысли и дѣла его, можно сказать, *прозрачны* какъ быстрый источникъ. Лѣта

мало по малу сгущаютъ ихъ; случаи повреждаютъ; привычки усиливаютъ зло. . . . Ахъ! горе тому, кто встрѣтитъ старость челомъ, котораго никогда не покрывалъ румянецъ стыда!

Стыдъ и благонравіе неразлучны; безстыдство и развращеніе также. Самой звукъ слова *стыдъ*, слова *безстыдство* поражаетъ ухо чувствительнымъ образомъ. Ухо, для котораго остаются безъ дѣйствія слова сіи, не сообщитъ сердцу ни одного хорошаго движенія; не передастъ душѣ ни одного хорошаго впечатлѣнія! Душа и сердце нѣмы въ человѣкѣ, глухомъ для *стыда и безстыдства*.

Что есть наглость? — дочь безстыдства; а что отвратительнѣе наглости? — ничего. Что есть скромность? — дочь стыда; а что привлекательнѣе скромности? — ничего.

Презрѣніе бываетъ обыкновенною платою за безстыдство; уваженіе — невольною данью, стыду приносимою.

Человѣкъ, семейство, общество, народъ обязаны честію, благосостояніемъ, славою, правотою — стыду; лишаются всего — безстыдствомъ.

Откуда происходитъ стыдъ? — отъ мысли объ униженіи нашего достоинства, о ничтожности нашей передъ другими. А безстыдство? — отъ мертваго равнодушія ко всему похвальному.

XXXVIII.

О ПОХВАЛѢ.

Я замѣтилъ — и довольно частые опыты утвердили мое замѣчаніе — что люди, которыхъ достоинства извлекаютъ, можно сказать, похвалу изъ сердца нашего, равнодушны къ ней, принимаютъ ее безъ всякаго явнаго удовольствія; напротивъ тѣ, которыхъ по строгой справедливости хвалить не должно, или не за-что, требуютъ похвалы съ очевидною нескромностію, ожидаютъ ее съ готовностію отблагодарить васъ.

Если желаете хвалить для *собственной пользы*, какого бы она роду ни была; то или не достигнете цѣли своей, или заслужите не очень хорошее имя. При похвалѣ не должно думать о наградѣ. Воздавать хвалу достоинствамъ единственно для внутренняго сердечнаго удовольствія — вотъ съ какимъ только условіемъ можно ее до-

зволить себѣ. Узнаю о добродѣтельныхъ поступкахъ — и въ огнѣ души моей пою гимны имъ! Читаю хорошее сочиненіе — и въ сладостномъ восторгѣ приписываю похвалу ему; вижу скромную красавицу — и въ невольномъ упоеніи славлю ее. Чѣмъ укорите меня за чистый ѳиміямъ, куримый мною на жертвенникѣ достоинства и талантовъ? Но чѣмъ не льзя укорить подлаго ласкателя, нискаго корыстолюбца, опаснаго соблазнителя за похвалы, имъ расточаемыя! Онѣ сутъ истинная отрава ума, души и сердца!

Тонкую, нѣжную похвалу, которою мы искусно веселимъ другъ друга лично, не должно смѣшивать съ похвалами, *публично* воздаваемыми. На первую взираю какъ на необходимую дань, приносимую самолюбіемъ самолюбію, которое въ обществѣ господствуетъ — по законамъ природы человѣческой — надъ всѣми прочими страстями; другую почитаю добровольнымъ свидѣтельствомъ достоинствъ предмета ея, или — стыда своего.

Кто сильно желаетъ похвалы, тотъ не совсѣмъ заслуживаетъ ее; и для того надобно — если не пренебрегаете собственнымъ достоинствомъ — хвалить тѣхъ, которые не ищутъ похвалы: за что она сама найдетъ ихъ — и васъ.

Расточителя похвалы можно уподобить такому *хлѣбосолу*, который созываетъ на обѣдъ къ себѣ знатныхъ и богатыхъ, единственно для того чтобы сблизиться съ ними, пріобрѣсть короткое знакомство ихъ, угодить имъ, *тщеславиться* ими, и которому гости, ласковые, снисходительные по наружности, платятъ внутреннимъ презрѣніемъ.

XXXIX.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОЛЪ.

Жан-Жакъ Руссо любилъ женщинъ страстно, безкорыстно; ибо страсти *благородныя* не имѣютъ въ виду ниской корысти, — и Жан-Жакъ Руссо объявлялъ *войну прекрасному полу* чаще и пламеннѣе всякаго *ненавистника* женщинъ; потому что желалъ имъ, болѣе нежели кто-нибудь, добра и щастія: такъ отецъ и мать, нѣжные и просвѣщенные, желая добра и щастія дѣтямъ своимъ, не пропускаютъ нималѣйшей вины ихъ безъ нѣкотораго взысканія; такъ истинные друзья, наблюдая взаимно поступки свои, замѣчаютъ въ нихъ легчайшую погрѣшность, для общей своей пользы. Все, близкое къ сердцу нашему, обращая на себя непрестанное

наше вниманіе, возбуждаетъ живѣйшее участіе сердца при всякомъ случаѣ.

Послѣ славнаго имени, извѣстнаго ученымъ и невѣждамъ, читающимъ и безграмотнымъ (не въ строгомъ смыслѣ), свѣтскимъ и духовнымъ — наконецъ всѣмъ, или почти всѣмъ; послѣ славнаго имени *Руссо*, могу ли, осмѣлюсь ли поставить: *Я?* . . . Но незабвенный Женевскій Философъ имѣлъ не одинъ *умъ*, не одни *таланты;* онъ имѣлъ, душу, сердце — дары, которыми надѣляетъ мать — Природа и самыхъ *безызвѣстныхъ* чадъ своихъ: душа и сердце неподражаемаго творца Новой Элоизы занимались безпрестанно изящнымъ; къ сему изящному принадлежите и вы, Юліи, Клеры и имъ подобныя; вами занимается и *мое* сердце, и *моя* душа!... Вотъ право, по которому отваживаюсь, за Жан-Жакомъ, говорить о *прекрасномъ полѣ!* . . . Говорить не съ *мизогинами*, не околичностями, а прямо, и съ вами, къ которымъ, въ жару чувствованій своихъ, восклицаетъ обожатель вашъ:

Femmes! femmes! obgets chers et funestes que la nature orna pour notre supplice (*)!

Вы украшаете общество, подобно какъ природа васъ украсила; но довольно ли од-

(*) Руссо.

ного украшенія тамъ, гдѣ требуются жизнь и дѣйствіе? . . . Думаю, что цѣль моя открывается при началѣ рѣчи: я намѣренъ говорить только о тѣхъ пріятностяхъ и тѣхъ удовольствіяхъ, которыя должны составлять всегда и вездѣ свиту *прекраснаго пола.* И такъ да будетъ мнѣ позволено спросить, въ чемъ *обыкновенно* заключаются сіи пріятности, сіи удовольствія, когда женщины и мущины собираются вмѣстѣ для *препровожденія времени?* . . . Не уже ли ограничите послѣднихъ только тѣмъ, чтобы *смотрѣть* на первыхъ; не уже ли ловкость въ тѣлодвиженіяхъ, искуство въ нарядахъ могутъ привесть въ забвеніе другія пріятности, другія удовольствія, не разлучныя съ мыслію *о прекрасномъ полѣ;* не уже ли всякая мысль должна непремѣнно исчезнуть при появленіи женщинъ, и только ихъ наружность занять все вниманіе мущины? . . . Уста ваши произносятъ сладостные звуки; въ голосѣ вашемъ изливается трогательная нѣжность Горю желаніемъ слышать *рѣчи* ваши, вѣрно милыя, вѣрно очаровательныя! . . . Подхожу, — начинаю говорить Одна оковываетъ языкъ мой холоднымъ равнодушіемъ, презрительнымъ взглядомъ, оскорбительною улыбкою; другая какою-то недовѣрчивостію, какимъ-то подозрѣніемъ, какою-то предосторожностію, какимъ-то страхомъ; третья неожидае-

мымъ смѣхомъ, притворною разсѣянностію, мнимою догадливостію; четвертая и пятая такимъ же образомъ! Отхожу, и углубляюсь на минуту въ горестное чувство! . . . Чувства не отъ насъ зависятъ!

Предлагаются игры, или рѣзвости, обыкновенныя въ обществѣ молодыхъ дамъ. (Нужно ли замѣтить, что наблюденія мои не касаются *до пожилыхъ*, равно какъ и не до всѣхъ молодыхъ женщинъ безъ исключенія?) „Вотъ случай" — думаетъ энтузіастъ *прекраснаго пола* — „видѣть всю любезность, все остроуміе любезнѣйшихъ и остроумнѣйшихъ существъ на свѣтѣ!" Такъ всякой разъ думалъ я, и всякой разъ — ошибался! Сіи *Аркадскія* игры, или невинныя рѣзвости — на примѣръ, такъ называемые *фанты* — имѣютъ свой смыслъ, свою занимательность, свои условія: вмѣсто всего этаго видите или невниманіе, которое стараются оказывать со всевозможнымъ усиліемъ; или жеманство, которымъ надѣются возвысить свое достоинство; или гордость, которою хотятъ отличиться . . . Любезность и остроуміе, которыми вообще Природа наградила женщинъ, и которыхъ мущины, по справедливости, ожидаютъ отъ женщинъ во всякомъ случаѣ — не значатъ ничего въ самомъ благопріятнѣйшемъ! . . . И мущины, обманутые, не

скажутъ по одной только вѣжливости: „Какъ скучно!“

Но писателю, не льстецу, должно сказать, посредствомъ *безгласнаго пера*, всякую полезную истину: можетъ быть мысли его, ввѣренныя бумагѣ, попадутся и въ ваши руки; можетъ быть вы и прочтете... то, о чемъ *никогда* не услышите въ разговорахъ, и можетъ быть вздумаете воспользоваться *истиною*, часто горькою въ устахъ, и сносною въ книгѣ.

Обращаюсь къ первому моему предмету. Такъ! вы должны быть жизнію общества, и дѣйствовать въ немъ; но сія жизнь но сіе дѣйствіе не могутъ состоять ни въ чемъ иномъ, кромѣ пріятностей и удовольствій, ожидаемыхъ отъ вашего моральнаго характера... *Прекрасному полу* надобно быть *прекраснымъ* и въ чувствахъ, и въ *идеяхъ*, и въ обращеніи, подобно какъ отличается онъ *прелестями* физическими! Сіи послѣднія должны, такъ сказать, ручаться за существованія перваго.

Басня Галатеи, одушевленной Пигмаліономъ, есть превосходной урокъ для женщинъ: чтобъ не остаться вѣчно на своемъ пьедесталѣ; чтобы достойно сойти съ него по гласу *любви*, небомъ услышанной — однѣхъ *наружныхъ* прелестей не довольно!

Нужны и красоты внутренія: нуженъ взоръ души, рѣчь сердца . . . и простертый у ногъ вашихъ обожатель изящнѣйшаго творенія — не собственныхъ рукъ своихъ, но всемогущей Природы — подниметъ радостное чело для того единственно, чтобы любоваться вами ! . . .

XL.

О ЗНАКОМСТВѢ СЪ НѢКОТОРЫМИ ЛЮДЬМИ.

On ne fait point de portraits sans modèles.

Г-жа Тансенъ.

Когда вы видите человѣка, не похожаго на прочихъ — то есть *оригинала*, по системѣ, или отъ природы — все одно; когда этотъ человѣкъ не знаетъ, или не уважаетъ обычаевъ, правилъ, обязанностей и приличій общества; словомъ: когда не имѣетъ онъ того, что мы называемъ *воспитаніемъ*, или когда поступаетъ вопреки тому, что признано нами *за здравомысліе*: — убѣгайте знакомства съ такимъ человѣкомъ, если не хотите раскаяваться.

Какъ бы онъ ни казался добрымъ, прямодушнымъ, чистосердечнымъ — не оболь-

щайтесь: первой *опытъ* докажетъ совсѣмъ иное.

Какъ бы онъ ни искалъ знакомства, пріязни, дружбы вашей — будьте хладнокровны: *новая* встрѣча перемѣнитъ все его расположеніе.

Какъ бы вамъ ни было весело въ домѣ его — не привязывайтесь: что-нибудь да отравитъ всѣ ваши удовольствія.

Какими бы *спектаклями*, *концертами* и проч. онъ ни угощалъ васъ — удерживайтесь отъ похвалъ: невѣжество его или самодовольствіе почтетъ ихъ раболѣпною данью.

Но еще болѣе удаляйтесь отъ этаго человѣка, если онъ *узникъ* жены своей, подобной ему въ недостаткахъ воспитанія и проч., и если, къ нещастію, она *кокетка*. Женщина такого рода и въ такомъ случаѣ опаснѣе мущины: *капризы* ея будутъ чувствительнѣе для васъ, нежели его *грубость*. Вы увидите себя вмѣстѣ съ мужемъ игрушкою жены, а иногда — предметомъ какого-нибудь мщенія, вами не заслуженнаго Ея *любимцы* дѣлаются его друзьями: кто не понравится ей, тотъ станетъ не милъ и ему; ибо онъ видитъ ея глазами, слышитъ ея уша-

ми, думаетъ ея головою, не имѣя собственныхъ ни глазъ, ни ушей, ни головы. Заводите знакомство съ такимъ человѣкомъ!

Избѣгайте также знакомства съ людьми, которые — при извѣстныхъ средствахъ къ представленію нѣкоторыхъ лицъ въ свѣтѣ — говорятъ безпрестанно о скромности своей; стараются увѣрить васъ, что не желаютъ никакихъ связей съ знатными; что предпочитаютъ кругъ пріятелей блистательному обществу, — простоту этикетамъ, равенство чинопочтенію, и проч. и проч.: на дѣлѣ выдетъ все не то. Первой гость съ звѣздою на груди, или съ крестомъ на шеѣ откроетъ вамъ жалкую суетность хозяевъ! Они *философствуютъ* по недостатку *чего-то*, нужнаго вмѣстѣ съ *богатствомъ*, для замѣчательной роли на театрѣ свѣта. Иначе взошли бы на него конечно — и съ тѣмъ чтобы никогда не взглянуть на *партеръ*.

Такъ! убѣгайте знакомства съ людьми, которыхъ главныя только черты списаны мною; оттѣнки ихъ безчисленны! Рано или поздно, съ той или другой стороны, сіи нравственые *оригиналы* и *пигмеи* нанесутъ вамъ прискорбія.

Не сомнѣвайтесь въ основательности, или лучше сказать въ истинѣ *заповѣдей*

моихъ; ибо онѣ плодъ прилѣжныхъ наблюденій и многократныхъ опытовъ. Слѣдуя заповѣдямъ моимъ, не будете имѣть моихъ раскаяній. . . . *Невѣдѣніе* обыкновенно предшествуетъ грѣхамъ!

Вспоминаю еще объ одномъ, чрезвычайно опасномъ, обстоятельствѣ въ знакомствахъ *безъ разбора*, болѣе или менѣе строгаго: о заразѣ примѣра! . . . Въ продолженіи нѣкотораго времени, обращеніе съ людьми, тѣми или другими, *привиеаетъ* намъ тѣ или другія склонности, тѣ или другія привычки, тѣ или другіе вкусы; истина, которую доказываетъ пословица: *Съ кѣмъ поведешься*, и проч.; а пословицы суть не иное что какъ *монументы непремѣнныхъ случаевъ!*

XLI.

НѢЧТО О ПЛАТОНОВОЙ РЕСПУБЛИКѢ.

Любя Поэзію, слѣдовательно и Поэтовъ, я чувствую живѣйшее негодованіе противъ мечтательнаго Платона всякой разъ, когда отъ скуки читаю учрежденія мнимой его республики. Онъ изгоняетъ изъ нее — Гомера! . . . Гомера, котораго сочиненія, уважаемыя сначала какъ изящныя произведенія Поэзіи, содѣлались потомъ книгами Географіи и Исторіи; полными трактатами военнаго искуства, Физики, Политики и Морали. Отъ сихъ сочиненій заимствовались обряды богослуженія; сіи сочиненія были приводимы въ разныхъ случаяхъ; затверживались наизусть и почитались кодексомъ правилъ, которымъ надлежало слѣдовать. Въ сихъ сочиненіяхъ Стихотворцы почерпали энтузіазмъ, Критики правила, Философы мнѣнія; каждой авторъ ставилъ сіи сочиненія въ свидѣтельство; каждое ремесло находило въ нихъ матерію для цѣлой книги; изъ сихъ сочиненій составились большія библіотеки. Герои образовались по Иліядѣ; Оракулы говорили языкомъ творца ея; люди воздали ему почести божескія: ибо думали, что не довольно было поставить сего выспрен-

няго Генія первымъ между Геніями человѣческими. Учредились игры, воздвиглись статуи, соорудились храмы — въ славу Гомера . . . И Гомера не удостоиваетъ Платонъ чести быть согражданиномъ своей республики ! . . . Сохрани же насъ Богъ отъ такихъ Платоновъ и отъ такихъ республикъ ! Пусть лучше другой *юной* Альцибіядъ публично ударитъ по щекѣ учителя Грамматики, у котораго въ школѣ не будетъ сочиненій Гомера (*) ! . . . Великій Александръ, послѣ Арбельскаго сраженія, желалъ, чтобы золотой ящикъ, превосходно отработанный и найденный въ ставкѣ Дарія, служилъ хранилищемъ списковъ Иліяды и Одиссеи, которыя побѣдитель имѣлъ всегда и вездѣ съ собою, и которыя были сокращены по оригиналамъ, собраннымъ тщательностію Пизистрата.

Воинъ зналъ лучше философа, чего стоила поэзія Гомерова !

Да Зевсъ пошлетъ тебѣ побѣду надъ врагами !
Но, сынъ мой, хочешь ли прямымъ Героемъ быть :
Старайся склонности дурныя побѣдить ;
Тщеславью, гордости предпочитай смиренье ;

(*) Анекдотъ изъ жизни Альцибіяда. Онъ былъ тогда осьмнадцати лѣтъ.

Заслуживай отъ всѣхъ любовь, благословенье;
Раздоровъ пагубныхъ, какъ язвы, убѣгай,
И гнѣву надъ душей господства не давай!

Говорилъ Ахиллу отецъ его, когда Герой Иліяды отправлялся подъ Трою.

Какое нравоученіе могло быть спасительнѣе для сына Филиппова?

XLII.

О ДѢЙСТВІИ ЗАПАХА НА ЧУВСТВА.

Не даромъ Природа соединила съ красотою цвѣтовъ очаровательность запаха (*); ибо Природа любитъ нѣжить любимое дитя свое — человѣка. Смотрю на розу, на лилію — и чувство обонянія нудитъ меня приближиться къ нимъ; приближаюсь, — обоняю — и нервы мои сотрясаются сладостнѣйшимъ образомъ. Тысяча мыслей, тысяча воспоминаній раждается въ одну минуту. Тонкія, едва ощутительныя, совсѣмъ не опредѣленныя дви-

(*) Есть цвѣты, которые не имѣя никакой красоты, имѣютъ наилучшій запахъ. Но это — исключеніе изъ общаго правила Природы, одно другимъ вознаграждающей. Такъ изящныя моральныя достоинства скрываются иногда подъ непригожею физическою наружностію!

женія души и сердца переселяютъ васъ — то въ будущее, то въ прошедшее. Вы угадываете, — можете почти назвать щастіе, не извѣстное по опыту, но втайнѣ чувства всегда желаемое; мечтаете о томъ, которое было, кажется, но которымъ не насладились довольно; которое прошло, но которое должно возвратиться — думаете вы.

Люди, случай, мѣста — все, что въ минувшемъ, или настоящемъ ласкало, или ласкаетъ вашему сердцу, оживотворяется въ душѣ вашей. Милый образъ существа знакомаго, или незнакомаго представляется воображенію вашему со всею прелестью неизъяснимой роскоши . . . Вы закрываете глаза, чтобы лучше видѣть сей *идеалъ* души вашей; отвлекаете вниманіе отъ всего сторонняго, чтобы лучше вникнуть въ сердце свое . . . Желаете, томитесь, грустите, наслаждаетесь — и все такимъ образомъ, что не въ состояніи дать себѣ вѣрнаго отчета ни въ одномъ изъ сихъ чувствованій! Нѣтъ яснаго предмета; нѣтъ ограниченнаго обстоятельства; нѣтъ ничего положительнаго; нѣтъ ничего мѣстнаго! . . . Все теряется въ высотѣ, въ пространствѣ, въ безконечности неизмѣримыхъ! . . . Таково точно и дѣйствіе музыки; но нѣтъ другихъ подобныхъ дѣйствій — ни въ области Природы, ни

въ области Искуства. Поэтъ, Ораторъ не произведутъ того же въ чувствахъ нашихъ. Слушаю *трагедію*, слушаю *проповѣдь* — и знаю, гдѣ предѣлы страстей — и вижу, гдѣ цѣль краснорѣчія; словомъ: знаю и вижу путь и конецъ того и другаго, и говорю самому себѣ: *Такъ!* Но что скажу, слушая музыку, обоняя цвѣты? Въ этомъ случаѣ, чувства мои, сильныя и живыя, никуда не обращаются въ особенности; ни на чемъ не останавливаются исключительно; они парятъ подъ небесами — за небесами; объемлютъ всю природу, всѣ міры . . . и въ то же время ничто для нихъ не существуетъ; все исчезнетъ, кромѣ ихъ собственнаго бытія! . . . Погружаюсь въ уныніе и прихожу въ восторгъ попеременно . . . Жизнь и разрушеніе сливаются для меня въ единую точку! . . Но тѣмъ существованіе мое сладостнѣе; но тѣмъ удовольствія мои совершеннѣе! . . .

Вотъ для чего, безъ сомнѣнія, у древнихъ — которымъ извѣстна была вся утонченность нѣги и роскоши — курились благоуханія на *Аттическихъ* пиршествахъ. Желательно, чтобы Аспазіи и Альцибіады нашихъ временъ ввели въ общей обычай сіе невинное услажденіе чувствъ.

XLIII.

ЗОЛОТОЙ ВѢКЪ.

,,Золотой вѣкъ — то есть вѣкъ, когда люди не знали *золота*; а потому не знали ни богатства, ни роскоши, ни знатности, ни тщеславія, ни суетности, но въ совершенномъ равенствѣ состоянія, подъ одними законами Природы, съ кроткими чувствами сердца, съ мирными страстями души, съ простыми понятіями разума, жили спокойно, весело, щастливо — и будто цѣнили *золотомъ* преимущества вѣка своего... который исчезъ и невозвратно съ первымъ появленіемъ сего пагубнаго металла! Удивительное противорѣчіе!.... *Серебряный*, *мѣдный* и *желѣзный* вѣки имѣютъ свой полной смыслъ: люди, жившіе и живущіе въ сихъ вѣкахъ, могутъ называть ихъ такимъ образомъ по всей справедливости; ибо послѣ золота, выкопаннаго изъ нѣдръ земли, къ бѣдствію рода человѣческаго, серебро, мѣдь и желѣзо играютъ не маловажную роль въ подлунномъ мірѣ. И такъ вѣроятно, что не прежде какъ въ серебряномъ, или уже въ мѣдномъ — если не въ желѣзномъ — вѣкѣ родилась мысль о золотомъ; что его или не было вовсе, или онъ не могъ именоваться *золотымъ*:

когда нѣтъ вещи, нѣтъ и названія. — Скажите мнѣніе ваше объ этомъ, рѣшите эту загадку; и какое дали бы вы имя блаженному вѣку смертныхъ, принявъ за истину невозможность опредѣлить достоинства чего-либо цѣною неизвѣстною?"

Такъ говорила со мною прелестная дѣвушка въ *золотомъ вѣкѣ* своемъ. Мысли ея поразили меня своею новостію. Ревностный поклонникъ Аркадіи — безмолвствовалъ; поднималъ глаза къ небу, опускалъ на красавицу, думалъ, — думалъ, и наконецъ. . . . просить старыхъ почтенныхъ жрецовъ *Элевзинскихъ* отвѣчать за него и, если можно, изъяснить сію *тайну*.

Но ежели скажете, что золотому вѣку дано сіе титло послѣ; то не надѣюсь, чтобы вы удовольствовали любопытную мою красавицу: мнѣ приходило на мысль сказать это; но я боялся вопроса: „Какъ же онъ назывался во время своего бытія?" *Ни какъ?* или просто *блаженнымъ?* — *Астреинымъ*, или *Сатурновымъ*, прибавьте и, можетъ быть, магическія уста прелестной сомкнуться на минуту . . . Но вы все будете читать въ умныхъ глазахъ ея: „За чѣмъ называть *золотымъ вѣкомъ* тотъ, котораго лучше не было на землѣ; за чѣмъ оскорблять его симъ *нискимъ именемъ*!"

Какъ бы я желалъ, чтобъ кто-нибудь изъ нашихъ Поэтовъ, живущихъ еще въ *золотомъ вѣкѣ* своего воображенія, перевелъ удачно сіи прекрасные стихи любезнаго Грессета о *золотомъ вѣкѣ*:

Précieux jours dont fut ornée
La jeunesse de l'univers,
Par quelle triste destinée
N'êtes vous plus que dans nos vers? и проч.

XLIV.

О ПРЕДОПРЕДѢЛЕНІИ.

Ежели слово *предопредѣленіе* взять въ такомъ смыслѣ, что безъ особенной, частной, нарочной воли Провидѣнія ничто не можетъ существовать, разрушиться, произойти, случиться, уничтожиться, воспослѣдовать, исполниться, совершиться и проч., не взирая на величайшія усилія человѣческія; то всѣ наши достоинства, заслуги, пороки и преступленія — однимъ словомъ: вся наша Мораль ничего не значитъ. И что можетъ значить, въ такомъ предположеніи, умъ, воля, добродѣтель? Все будетъ зависѣть не отъ меня, но отъ власти, которой отвратить, которой преодолѣть я не въ состояніи.

Къ чему послужатъ мнѣ предусмотрительность ума, рѣшительность воли, стремленіе къ добродѣтели? Я долженъ покоряться *предопредѣленію!* Можете ли, послѣ сего, винить, или оправдывать меня въ какомъ-либо поступкѣ: я былъ невольнымъ орудіемъ внѣшней силы — и болѣе ничего! На что же существуютъ законы? Какимъ же образомъ удерживаютъ они злаго человѣка отъ исполненія его намѣреній, и поощряютъ добраго къ исполненію своихъ? Для чего же есть награда, наказаніе? Въ чемъ же состоитъ правосудіе, и проч. и проч.?

Но ежели вы ограничиваете *предопредѣленіе* одними физическими событіями; то оно необходимо должно распространиться на все въ мірѣ. Человѣкъ, погибшій, или спасшійся необыкновеннымъ образомъ, и вещь неодушевленная, съ которою воспослѣдовало то же, зависѣли, стало быть, равномѣрно отъ *предопредѣленія.* Вы неговорите этаго; но въ первомъ случаѣ скажете: *предопредѣленіе!* а въ другомъ: *чудесно!* . . . И такъ есть *чудесные случаи*, щастливые, или нещастные — и все тутъ, если неошибаюсь.

Предопредѣленіе заключается въ неизмѣнныхъ законахъ Природы; другое было бы совсѣмъ лишнимъ: огонь сожжетъ, вода потопитъ, тягость раздавитъ все то,

что содѣлается ихъ жертвою, не по *особенному* предопредѣленію, въ которомъ нѣтъ нужды, но по *простому* закону Природы, который вѣрно исполняетъ свое назначеніе. „Но для чего *содѣлались жертвами?*" — Для того, что не могли по тѣмъ же самымъ законамъ Природы *избѣжать* случившагося; для того, что все въ непрестанномъ движеніи; все *сближается* и *удаляется* отъ одного къ другому. На волосъ ближе, или далѣе — и выдетъ ужасное различіе Оно поражаетъ насъ; но мы видимъ или знаемъ причину — и довольно!

Предопредѣленіе у невѣжественныхъ Турковъ есть догматъ ихъ вѣры, основанной, какъ извѣстно, на ухищреніяхъ политики. Но есть ли какое-нибудь сравненіе между Алкораномъ и Евангеліемъ? Наша Религія, чистая, изящная, опровергаетъ сію вздорную систему — *предопредѣленіе*, очень хорошо осмѣянное Дидеротомъ въ одномъ изъ его сочиненій, подъ названіемъ: *Жакъ Фаталистъ*. Не будучи *Дидеротомъ*, можно и должно смѣяться надъ *Жаками Фаталистами*.

XLV.

О СЛАБОСТЯХЪ.

Мы всѣ имѣемъ нравственныя слабости, и всякого рода, одинъ болѣе, другой менѣе. Но есть достоинство, и достоинство непосредственное, признаваться въ слабостяхъ — по крайней мѣрѣ предъ собою; знать, что онѣ слабости, и что не должно имѣть ихъ. Грубое самолюбіе, увѣряющее насъ, что мы поступаемъ очень хорошо, тогда какъ поступаемъ очень дурно, всего отвратительнѣе для мыслей, — всего ниже на свѣтѣ! — Кто не платитъ дани несовершенству человѣческому? Всякой безъ сомнѣнія; но быть *рабомъ*, и воображать себя *властелиномъ* — это смѣшнѣе, или жалостнѣе рыцарства Донъ Кишотова!... Сколько вижу Донъ-Кишотовъ на самомъ не большомъ пространствѣ, людьми занимаемомъ; вижу, начиная съ себя!... Какъ часто слабость ума или сердца въ послѣдствіяхъ представляла мнѣ самого меня героемъ Сервантовымъ! Одинъ ли разъ любовь и дружба, или лучше сказать то, что я почиталъ дружбою и любовью, выводили меня на сцену смѣшную, или жалкую — по слабости души моей! Рѣдко ли случалось гордому свѣту веселиться слабо-

стію моихъ дарованій! Не всегда ли торжествовали враги мои отъ слабости моего характера! Не всѣ ли прискорбія жизни моей происшекаютъ изъ слабости моего сердца! . . . Въ сей слабости заключается тысяча, которыхъ наименованіе заняло бы много мѣста! . . . Таковы, ближе или отдаленнѣе, и другіе — сыны слабости, составляющіе семейство человѣчества!

Чувствую каждую слабость свою, и желаю, чтобы чувствовалъ и сосѣдъ мой — свои. Желаю, чтобы другъ мой и любезная не превозносились надо мною, или надъ другими совершенствомъ . . . котораго не имѣютъ; ибо въ то же время желаю — по крайней мѣрѣ двумъ послѣднимъ — возможнаго совершенства, всѣхъ достоинствъ; а если способъ пріобрѣсть что-нибудь, когда мы почитаемъ себя обладателями всего? И нельзя и не нужно! Сократъ говаривалъ: „Я знаю хорошо только то, что ничего не знаю.“ Какое поле для жатвы всякаго познанія! И это поле не останется заросшимъ дикою травою.

Я не увѣренъ, точно ли признаніе въ проступкѣ есть шагъ къ исправленію; но всякому извѣстно, что, послѣ добродѣтели, нѣтъ ничего любезнѣе, милѣе и трогательнѣе искренняго признанія въ слабостяхъ; какого снисхожденія не заслужива-

ютъ онѣ въ такомъ случаѣ! Чего не простимъ человѣку, который говоритъ: „Я слабъ! . . . я сдѣлалъ, я сказалъ это по слабости?“

Самая обыкновенная и самая неизвинительная изъ нашихъ слабостей — винить другихъ за собственную слабость. — Я оказалъ по слабости, или безразсудности своей — что все одно — любовь, или дружбу такимъ людямъ, которые не могли отвѣчать мнѣ тѣмъ же — и стараюсь найти ихъ недостойными моей дружбы, моей любви: какая слабость!

И сею слабостію, которая — признаюсь къ живѣйшему стыду моему — вкрадывалась иногда въ сердце мое, заключаю сіи *слабыя* начертанія слабостей человѣческихъ.

XLVI.

ПИСЬМО КЪ НѢЖНОЙ МАТЕРИ.

При посылкѣ Песталоцціевой книги о воспитаніи.

C'est la pratique des actions nobles qui nous apprend à sentir et à penser.

Mercier.

Съ тайнымъ предчувствіемъ щастливыхъ успѣховъ, ожидающихъ материнскія ваши попеченія, посылаю вамъ книгу, въ которой предлагаются самыя простыя, но тѣмъ вѣрнѣйшія средства къ образованію существа, рожденнаго мыслить, наблюдать, изъяснятъся: отъ этаго зависятъ его величіе, добродѣтели, щастіе. — „Нѣтъ ничего бѣднѣе и слабѣе человѣка въ первую эпоху его бытія; тѣсная колыбель, къ которой онъ прикованъ, составляетъ весь его міръ; отъ одного недостатка въ попеченіи, отъ одного дыханія вѣтра онъ увядаетъ, какъ нѣжной цвѣтокъ. Наконецъ развиваются и созрѣваютъ его способности! Тогда сіе жалкое твореніе дѣлается полубогомъ, которому покоряется все, что живетъ и движется на землѣ; онъ все объемлетъ, всѣмъ повелѣваетъ; тогда онъ говоритъ самъ въ себѣ: „Мнѣ не могутъ противитъ-

ся неприступныя горы, мнѣ не страшны моря, для меня нѣтъ ничего невозможнаго" — и каждый шагъ его ознаменованъ сими великими дѣлами, которыя называются патріотизмомъ, храбростію, благотворительностію, великодушіемъ; почитая малымъ для себя земной шаръ, онъ устремляется къ отдаленнымъ мірамъ, въ видѣ свѣтлыхъ точекъ плавающимъ надъ его головою; онъ измѣряетъ ихъ, вѣситъ, опредѣляетъ ихъ разстояніе и законы движенія. Природа положила въ человѣкѣ первыя сѣмена сихъ великихъ качествъ; но одно воспитаніе лелѣетъ ихъ и даетъ имъ всю энергію; одно воспитаніе довершаетъ то, чему Природа положила основу; одно воспитаніе производитъ Брутовъ, Леонидовъ, Колумбовъ, Невтоновъ, Говардовъ, Вашингтоновъ (*)."

Сколько открывается новыхъ предметовъ вниманія началомъ книги Песталоцци, который говоритъ ученикамъ своимъ, что они видятъ *глазами*, слышатъ *ушами* (**); что руки имѣютъ по *десяти пальцевъ*, и проч.! Сколько вещей, самыхъ

(*) Предисловіе Рускаго Переводчика книги Песталоцціевой. Оно ручается за совершенство перевода.

(**) Каждое *чувство* человѣческое представляетъ *ткань чудесъ*: и когда помышляешь о непостижимомъ ихъ соединеніи; то остаешся безмолвнымъ. Наконецъ чувства имѣютъ свою *науку*.

простыхЪ, самыхЪ обыкновенныхЪ заключаетЪ вЪ себѣ слѣдствія важнѣйшія! Одна мысль выводитЪ другую — и *глаза*, *уши*, *пальцы* могутЪ обратить наблюденіе кЪ движеніямЪ души, сердца, разума, — кЪ движеніямЪ, которыя остаются безЪ всякаго замѣчанія; потому что они самыя простыя, самыя извѣстныя, самыя обыкновенныя. Проницательный взорЪ нѣжной матери стремительно *бросится* на новое поле жатвы, драгоцѣнной ея сердцу. . . Но обращаюсь кЪ вамЪ.

Лучшая система воспитанія для дѣтей вашихЪ будетЪ — дѣятельная ваша попечительность, просвѣщенная любовь, личныя жертвы, кроткія наставленія, хорошіе примѣры. Ничто вЪ свѣтѣ не заставитЪ васЪ уклониться отЪ священныхЪ обязанностей матери, чего бы онѣ ни стоили — такова твердость ваша! Суетность и самолюбіе не ослѣпятЪ васЪ ни вЪ какомЪ случаѣ — это вашЪ характерЪ! Теперь воображаю сына вашего вЪ тѣхЪ лѣтахЪ, когда впечатлѣнія *нравственныя* начинаютЪ дѣйствовать на всѣ способности души и сердца. — УмЪ и дарованія, полученные имЪ отЪ отца, обращены вЪ самомЪ, такЪ сказать, росткѣ ихЪ вѣрною рукою матери кЪ цѣли, Природою и обществомЪ предпоставленной. Непримѣтное вліяніе бодрствующаго ока материнскаго сбли-

жаетъ юношу съ добродѣтелями отцовскими — и прелестный цвѣтокъ обѣщаетъ плоды, еще прелестнѣйшіе: награда попечительности, любви и жертвъ! дѣйствіе примѣровъ и наставленій! — Хорошія сѣмена, ввѣренныя землѣ удобренной, не пропадаютъ.

Сынъ вашъ не будетъ пренебрегать людей, достойныхъ уваженія по сѣдинамъ, или заслугамъ; не будетъ взирать на себя, какъ на образецъ совершенства; не будетъ гоняться за ложными дарованіями, не радѣя объ истинныхъ; не будетъ первымъ при старшихъ, дерзкимъ при младшихъ, невѣжею съ учтивыми, нискимъ передъ знатными, надменнымъ передъ равными; не будетъ почитать себя Антиноемъ въ кругу женщинъ, Аристархомъ между мущинами; не будетъ заниматься лошадьми вмѣсто книгъ, собаками вмѣсто ученія, портными и сапожниками вмѣсто друзей и родственниковъ; не будетъ произносить рѣшительнаго приговора на все, не имѣя ни о чемъ познанія; не будетъ выдавать себя за лучшаго знатока во всѣхъ изящныхъ искуствахъ, не имѣя понятія ни объ одномъ. Онъ будетъ — рѣзкою противоположностію вѣрнаго портрета, списаннаго мною съ большей части молодыхъ людей *свѣтскаго* воспитанія.

Дочь ваша, одаренная красотою и любезностію своей матери, узнаетъ — прежде, нежели *горестный опытъ* узнать заставляетъ — въ чемъ состоитъ истинная прелесть дѣвицы, — достоинство ея пола, — щастіе судьбы ея, — утѣшеніе жизни. Внимательная послѣдовательница своей неутомимой путеводительницы, она будетъ устремлять взоры свои чаще на рукодѣліе, нежели на зеркало; будетъ заниматься болѣе чтеніемъ, нежели нарядами; будетъ лучше знать цѣну людямъ, нежели шалямъ; будетъ менѣе стараться о ловкости тѣлодвиженія, нежели о пріятности разговора; будетъ искуснѣе въ обхожденіи, нежели въ танцованіи; будетъ находить всѣ удовольствія въ семействѣ, и очень не много на балѣ; будетъ гордиться чувствами, а не красотою, — привлекать любезностію, а не кокетствомъ; будетъ налагать почтеніе качествами, а не спесью. Вопреки *моднымъ* своимъ подругамъ, будетъ любить деревню, хозяйство, домоводство; не станетъ скучать о спектакляхъ, о собраніяхъ. На зеленомъ лугу ей будетъ веселѣе, нежели на гуляньяхъ; зрѣлище природы милѣе театральныхъ декорацій; пѣсни соловья и малиновки замѣнятъ для нее оперныя аріи; собственный клависинъ и образованный голосъ заступятъ мѣсто шумныхъ концертовъ.

И можетъ ли быть иначе? Наружныя формы не переходятъ ли отъ родителей къ дѣтямъ? Для чего же не перейти въ душу сихъ послѣднихъ каждой добродѣтели, каждой склонности, каждому чувству тѣхъ, отъ которыхъ получили жизнь; которыми были окружены отъ самой колыбели; которыми руководствовались до самой возмужалости? Навыкъ не производитъ ли одинакого дѣйствія съ Природою? . . . Ваши дѣти будутъ вѣрными отпечатками внутренняго вашего образа; возобновятъ моральное бытіе ваше, передадутъ то и другое вашему потомству — и оправдаютъ мудрыя системы *Песталоцціевъ*, сихъ ревностныхъ, благодѣтельныхъ друзей рода человѣческаго.

Наконецъ — вы не будете первымъ льстецомъ своего сына, своей дочери — то есть не будете врагомъ ихъ; но будете первымъ судьею каждаго ихъ недостатка — то есть будете ихъ Ангеломъ-хранителемъ. Одно принадлежитъ къ жалостнѣйшей безразсудности легкомысленныхъ отцевъ и матерей; другое къ священному долгу родителей почтенныхъ.

XLVII.

О ВЛІЯНІИ ЖЕНЩИНЪ НА ХАРАКТЕРЪ МУЩИНЪ.

Самыя сильныя вліянія атмосферы на царства животныхъ, растеній и минералловъ должны уступить силѣ вліянія женщинъ на характеръ мущинъ. Прошу о нѣкоторомъ вниманіи.

Не скажу ничего новаго; буду говорить о томъ, что всѣмъ извѣстно — по слуху, или опыту; но приведу на память многимъ такія истины, которыя могли несдѣлать глубокихъ впечатлѣній, и которыя однакожъ достойны особеннаго замѣчанія.

Мущины хвалятся твердостію характера — и могутъ хвалиться, если дѣйствуютъ сами собою, по независимой, совершенной волѣ и полной свободѣ; дѣйствуютъ хорошо, или дурно — это въ сторону. Но когда они вздумаютъ похвалиться своею твердостію во всякомъ случаѣ, при всѣхъ обстоятельствахъ; то — ошибутся.

Твердой мущина чувствуетъ болѣе *слабой* женщины потребность въ существѣ,

созданномъ Природою для его *утѣшенія*, такъ какъ онъ созданъ ею для *попеченія* о семъ существѣ. Скажемъ простѣе: мущина *не умѣетъ* обойтись безъ женщины. Онъ — въ противность законовъ естественныхъ и условій человѣческихъ — даетъ ей, самъ не зная какъ, владычество надъ собою; говоритъ о правахъ своихъ — и не употребляетъ ихъ; напоминаетъ о своемъ могуществѣ — и сноситъ рабство; поднимаетъ голову, выступаетъ впередъ — и складываетъ руки, смыкаетъ уста, ожидаетъ помощи отъ *боязливой* женщины, которая тихими шагами, со смиреннымъ взоромъ, съ таинственною улыбкою идетъ позади него, и служитъ — по чудесному обороту вещей — полярною звѣздою *гордому рыцарю* на различныхъ путяхъ гражданской и семейственной жизни.

Характеръ мущины обнаруживается только въ обществѣ мущинъ: тамъ онъ предается стремленію главныхъ склонностей; но въ присутствіи женщины, съ которою имѣетъ какую-либо связь, онъ удерживаетъ ихъ, такъ сказать, противъ воли своей, и, подобно хамелеону, принимаетъ видъ, или образуетъ себя по характеристическимъ чертамъ *необходимаго* спутника въ жизненномъ странствованіи своемъ; всматривается въ лицо своего Ангела-хранителя, прислушивается къ голо-

су, замѣчаетъ движенія — и становится тѣнью, эхомъ, слѣпкомъ существа, которое — по законамъ Механики — стоитъ ниже *властелина Природы*, занимающаго первую степень въ ея системѣ; или — по ученому — въ Геологіи.

Я назову мущину такъ, какъ Гоббесъ называетъ злаго человѣка: *сильнымъ ребенкомъ*, съ тою разницею что мущина - Геркулесъ смирнѣе ягненка передъ женщиною-Омфалою; бросаетъ страшные свои доспѣхи, и прядетъ у ногъ ея. Напротивъ того ягненокъ - мущина дѣлается свирѣпымъ Солиманомъ при жестокой Рокселанѣ.

Всего замѣчательнѣе перемѣна въ характерѣ мущины послѣ женитьбы. Въ короткое время онъ не похожъ болѣе на самого себя. Живость, томность, веселость, меланхолія, кротость, вспыльчивость, скупость, расточительность — наконецъ всѣ качества, хорошія или дурныя, исчезнутъ или явятся по мановенію волшебнаго жезла, которымъ невидимо владѣетъ меткая рука женщины. Щастіе наше, что сіе мановеніе по большой части склоняется къ добру, истинному или мысленному; но все къ *добру* мущины, часто неблагодарнаго!

За то нѣтъ ничего достойнѣе сожалѣнія, какъ мущина умный и добрый, когда

судьба назначила ему жизнь подъ вліяніемъ женщины хитрой и злобной. Какъ стѣснены всѣ его дѣйствія! Какъ сжаты воля, свобода, желанія! Какъ смѣшаны мысли его! Какъ угнетены чувства! Зловредныя качества моральной атмосферы, которою онъ дышетъ, дѣлаетъ его злымъ и вреднымъ, вопреки благой Природѣ, образовавшей душу его и сердце — сихъ безцѣнныхъ *жертвъ* погубнаго случая! . . . Дружба, радости, щастіе! вы должны проститься съ *невольнымъ врагомъ* вашихъ сладостей! . . . Какая участь! Нещастный сѣтуетъ на нее — и повинуется ей!

Но *страстная* привязанность къ женщинѣ всего сильнѣе, всего рѣшительнѣе дѣйствуетъ на характеръ мущины. Онъ взираетъ тогда на всѣ ея склонности, вкусы и привычки какъ на священные, какъ на пріятнѣйшіе законы для своихъ поступковъ. — Возмемъ для примѣра что - нибудь изъ Исторіи.

Ежели бы Клеопатра любила славу, — Антоній, неустрашимый, великодушный отъ природы, былъ бы славнѣйшимъ героемъ древности. Выигравъ у робкаго Октавія сраженіе при Актіи, онъ содѣлался бы посредникомъ участей міра. Любовь была причиною постыднаго бѣгства его; любовь же одушевила ослабѣвшую бодрость од-

ного изъ лучшихъ Государей Франціи, и снова утвердила его на тронѣ. Мы презираемъ Антонія, и чтимъ Карла Седьмаго. Тотъ и другой, упоенные однимъ чувствомъ, были равномѣрно влекомы страстію, которая владычествовала надъ ними. Но различіе характеровъ Клеопатры и Агнесы Сорелы было единственною причиною различія въ судьбѣ сихъ двухъ знаменитыхъ любовниковъ.

XLVIII.

ШПАГА И ПЕРО.

Два голоса было противъ одного въ защиту *шпаги*; но *перо* имѣло защитника неустрашимаго, который, не взирая на неравенство боя, остался побѣжденнымъ, или побѣдителемъ — судите сами. Вотъ сокращенный *бюллетень*.

Театръ войны былъ въ небольшомъ кругу людей, коротко знакомыхъ — слѣдовательно самый выгодный для *искренняго* ополченія съ обѣихъ сторонъ. Непріятели *пера* повели на него аттаку доказательствами, что *шпага* всегда обнажается на пути чести, въ оборону отечества, — для славы его и могущества; что *шпага* и доб-

лести неразлучны, и что *перо* въ сравненіи со *шпагою* ничего не значитъ. — *Перо* наступило въ свою очередь слѣдующимъ возраженіемъ: „*Шпага* обнажается на пути чести, не рѣдко *мнимой*, — въ оборону отечества, часто не *имѣющаго существенной* нужды въ ней, — для славы его и могущества, иногда *ложныхъ;* доблести, со *шпагою* неразлучныя, суть доблести *временныя*. Наконецъ долго ли блескъ *шпаги*, обнаженной и по самымъ *священнымъ причинамъ*, остается на *мрачномъ* политическомъ горизонтѣ? . . . Возсіяетъ лучезарное солнце мира — и громоносныя молніи исчезнутъ вмѣстѣ съ черными тучами брани, вмѣстѣ съ ужасомъ и стономъ. Сіе лучезарное солнце — дѣйствіе благотворнаго *пера* мудрыхъ кабинетовъ, государственныхъ и ученыхъ. Изъ нихъ истекаютъ вѣрныя сокровища народовъ — законы, нравственность и, слѣдовательно, щастіе, знаменитость. Воинъ, сошедшій съ мѣста своего, остается празднымъ; но министръ, но судья, но авторъ, но поэтъ дѣйствуютъ непрерывно для согражданъ своихъ. *Шпага* можетъ покоиться въ ножнахъ долгое время; но *перо* въ рукѣ день и ночь! Тамъ, гдѣ ржавѣетъ *шпага*, но гдѣ *перо* не осыхаетъ — тамъ слышны не проклятія, но благословенія; тамъ видѣнъ не призракъ славы, но истинный образъ ея; тамъ льются не кровь и слезы, но

изобиліе и удовольствіе. — Чего напослѣдокъ желаютъ Герои, Патріоты, Цари? Плутарховъ, Тацитовъ, Гомеровъ, Аруэтовъ; желаютъ, чтобы дѣла ихъ, заслуги, благодѣянія были извѣстны потомству, — міру. Желаніе, достойное великаго сердца: ибо примѣры возбуждаютъ соревнованіе! . . . Какой Александръ не ожидаетъ своего Квинта - Курція? И куда *Македонскій* обращалъ лаврами осѣненное чело свое? къ Аѳинамъ! Похвалы *мирныхъ Героевъ* Аттики казались для завоевателя вселенныя лучшею, драгоцѣннѣйшею наградою! И такъ сынъ Филипповъ уважалъ *перо* не менѣе *шпаги*, и думалъ, повидимому, что владѣть первымъ не легче, какъ и дѣйствовать послѣднею. . . . Можетъ быть, многіе Александры, Карлы, Фридрихи, и проч. не обнажали бы *шпаги* безъ помышленія о *перѣ:* столь обольстительна власть его! . . . Но важнѣйшее и щастливѣйшее преимущество *пера* состоитъ въ томъ, что *шпага* подъемлется и опускается по его мановенію. — Горе государству, въ которомъ послѣдняя предупредитъ дѣйствія перваго! . . . Свѣтъ видѣлъ ужаснѣйшія слѣдствія таковыхъ случаевъ! . . . *Разсудокъ* долженъ управлять *силою:* одинъ принадлежитъ *перу*, другая *шпагѣ*."

Были новыя аттаки со стороны непріятелей *пера*; но оно — не ретировалось; и

нашедъ въ другое время и въ другомъ мѣстѣ *союзниковъ* добрыхъ, умныхъ и просвѣщенныхъ, образовало себѣ *эшелонъ* — для всякаго случая.

XLIX.

ШВЕДЕНБОРГОВЫ ОТКРОВЕНІЯ.

Въ пріятельскомъ обществѣ говорили съ жаромъ объ *откровеніяхъ* давно-забытаго *Шведенборга*. . . . который до сихъ поръ еще, какъ при семъ случаѣ открылось, имѣетъ своихъ защитниковъ, энтузіастовъ. Мнѣ это показалось очень страннымъ. Можно ли — спрашивалъ я, и спрашиваю — почитать Шведенборга за когонибудь инаго, кромѣ изступленнаго мечтателя? — Вотъ что разсказываетъ о *началѣ* своихъ *откровеній* сей человѣкъ, *посланный Небомъ для наученія людей о томъ, что тамъ происходитъ; для разсѣянія мрака, покрывающаго лице земли, и для разлитія свѣта истины между всѣми народами* (*):

„Однажды — это было въ Лондонѣ — я обѣдалъ очень поздно въ обыкновенномъ

(*) Такъ сказано о Шведенборгѣ въ *скромномъ* предисловіи къ одному изъ его сочиненій.

своемъ трактирѣ, гдѣ имѣлъ особенную комнату, для свободнаго размышленія о вещахъ духовныхъ. Сильный аппетитъ заставилъ меня ѣсть чрезвычайно много. Въ концѣ обѣда примѣчаю, что родъ нѣкотораго тумана разстилается въ глазахъ моихъ, и вижу на полу комнаты гнусныхъ гадинъ, какъ то: змѣй, лягушекъ, гусеницъ и гругихъ. Это устрашило меня потому болѣе, что темнота увеличивалась; но она вскорѣ разсѣялась. Тогда я увидѣлъ очень ясно человѣка, окруженнаго лучезарнымъ свѣтомъ и сидящаго въ углу комнаты; гадины исчезли вмѣстѣ съ бывшею темнотою. Судите объ ужасѣ, мною овладѣвшемъ, когда этотъ человѣкъ произнесъ, весьма вразумительно, однакожь голосомъ, удобнымъ впечатлѣть сильный страхъ: *Не ѣшь такъ много!* При сихъ словахъ зрѣніе мое помутилось; но мало помалу пришло опять въ прежнее состояніе, и я увидѣлъ себя одного въ комнатѣ. Еще съ ужасомъ въ сердцѣ, я поспѣшно возвратился домой, не сказавши никому ничего о томъ, что со мною случилось. Въ слѣдующую ночь тотъ же человѣкъ, съ тѣмъ же лучезарнымъ свѣтомъ предсталъ опять передо мною, и сказалъ мнѣ: *я Богъ, Творецъ и Искупитель; избираю тебя для изъясненія людямъ духовнаго смысла, въ Священномъ Писаніи заключеннаго; буду самъ сказывать тебѣ, что ты пи-*

сать долженъ. На этотъ разъ я не испугался нимало, и сіяніе, которое окружало его, хотя было чрезвычайно яркое, не произвело никакого вреднаго дѣйствія на мое зрѣніе. Онъ былъ въ пурпуровой одеждѣ, и явленіе продолжалось съ добрую четверть часа. Въ ту же самую ночь глаза внутренняго моего человѣка раскрылись, для созерцанія на небесахъ, въ мірѣ духовъ и во адѣ, и я увидѣлъ всюду знакомцевъ моихъ, давно и недавно умершихъ.

„Съ этаго дня я отказался отъ всѣхъ упражненій свѣтскихъ, для того чтобы единственно занимашься предметами духовными, сообразно съ повелѣніемъ, мною полученнымъ . . . Мнѣ часто, послѣ того, случалось видѣть очами моего духа, что дѣлается на томъ свѣтѣ, и говорить съ Ангелами и духами, какъ съ людьми.“

И такъ откровенія Шведенборга, впрочемъ умнаго, добраго, честнаго и ученаго человѣка, произошли отъ *несваренія пищи* въ желудкѣ; отъ несваренія — должно признаться — самаго жестокаго; ибо оно разстроило, и навсегда, мозговыя фибры, и проч. и проч.! . . . Можетъ ли человѣкъ *въ полномъ здоровьѣ* говорить безъ всякихъ шутокъ, со всею важностію то, что говоритъ Шведенборгъ *о началѣ* своихъ *откровеній*, переведенныхъ мною отъ слова

до слова изъ книги, подъ названіемъ: Les merveilles du Ciel et de l'Enfer, et des Terres planétaires et astrales; par Emmanuel de Swedenborg, d'après le temoignage de ses yeux et de ses oreilles (!!).

Въ этой же книгѣ достойны замѣчанія нѣкоторыя главы — напримѣръ: *Небо, раздѣленное на два царства; Небеса состоятъ изъ безчисленнаго множества обществъ; Каждое общество есть небо въ маломъ видѣ, и каждый Ангелъ есть небо въ видѣ самомалѣйшемъ; Объ одеждѣ Ангеловъ*; *О жилищѣ Ангеловъ; О правленіи на небесахъ*; *О нарѣчіи Ангеловъ*; *Объ языкѣ неба съ людьми; О письмѣ на небѣ; О бракахъ на небѣ.*

Довольно! Между тѣмъ нѣтъ никакой *аллегоріи.* Сочинитель *увѣряетъ*, что все *есть* такъ точно, какъ онъ сказываетъ!!

Ни за что на свѣтѣ не соглашусь вѣрить ему, и охотнѣе останусь *невѣждою* — слово, которымъ онъ безпрестанно пугаетъ Пирронистовъ откровеній своихъ — нежели стану подъ его знаменами!... Простите мнѣ, друзья мои, защитники, энтузіасты *Шведенборга* и ему подобныхъ! Имѣю все уваженіе къ вамъ — и никакого къ изступленнымъ мечтателямъ!...

Шведенборга не льзя назвать шарлатаномъ; ибо *искренность* его видна въ каждомъ словѣ.

L.

ЛЮБОПЫТНЫЙ МОНАСТЫРЬ ВЪ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Удивляюсь, что о такомъ рѣдкомъ явленіи мѣстоположенія, о такомъ прекрасномъ, живописномъ, романтическомъ видѣ, каковы мѣстоположеніе и видъ *Святогорскаго* монастыря (*) и его окрестностей я нигдѣ ничего не читалъ; вѣроятно потому, что никогда никто не писалъ объ немъ; между тѣмъ какъ намъ извѣстно почти все иностранное въ семъ родѣ, благодаря иностранцамъ за ихъ попеченіе о славѣ, которая заставляетъ насъ увѣдомлять вселенную о нашихъ преимуществахъ, полезныхъ или пріятныхъ. Любовь ко славѣ не есть ли моральное солнце, безъ котораго все мрачно, скудно, печально, подобно какъ въ отсутствіи солнца физическаго?

Верстъ за пять со стороны Славянска (бывшій уѣздный городъ) до сего монастыря начинается дорога чрезвычайно занима-

(*) Въ Харьковской Губерніи.

тельная, разумѣется лѣтомъ, а еще болѣе весною: направо и налѣво, ближе и далѣе видите красивые холмы, покрытые или густымъ кустарникомъ, или сквозными рощицами, или темнозеленою высокою травою, перемѣщенною съ желтыми и голубыми цвѣточками; не большія пушистыя долины; глубокіе, заросшіе исполинскими деревьями овраги; бѣлѣющія мѣловыя горы; синій на краю горизонта лѣсъ, и песчаныя возвышенія. Но когда въѣдете въ проспектъ большой рощи, и будете продолжать путь свой по пріятной отлогости, подъ сводами дубовъ, орѣшника и клена, гдѣ гремятъ хоры соловьевъ, благоухаютъ фіялки и ландыши, и наконецъ увидите по правой сторонѣ, саженями десятью ниже себя, рѣку Донецъ съ мысами и островами, на которыхъ, кажется, плаваютъ сады Природы; а по лѣвой сторонѣ и на самомъ берегу чрезвычайно высокую и до безконечности длинную гору, осѣняемую огромными соснами, передъ которою золотые кресты монастыря, представляющаго величественый барельефъ ея, касаются, повидимому, голубаго неба: то восторгъ потрясетъ душу, прольется въ сердце и воспламенитъ мысли ваши, если вы чувствитеьны ко всему прекрасному.

По щастію, я не одинъ былъ въ этомъ пріятномъ пилигримскомъ путешествіи, и товарищъ мой чувствовалъ тоже, что и я.

Мы сообщали другъ другу наши впечатлѣнія, и потому наслаждались вдвое. Долго не могли мы оставить первой сцены первыхъ нашихъ удовольствій, — смотрѣли, плѣнялись и восклицали. Напослѣдокъ дошли пѣшкомъ до привлекательнаго своего предмета, и вступили въ ограду приходской церкви, которая отдѣляется отъ монастыря, и стоитъ далеко ниже его подножія. Священникъ далъ намъ вожатаго, и мы съ фонаремъ и свѣчами, сопровождаемые множествомъ *молельщиковъ* изъ простаго народа, отправились въ монастырь чрезъ каменную пещеру, которая во внутренности горы ведетъ на самый верхъ ея, и которая длиною около ста саженей; узка такъ, что двое не могутъ идти рядомъ; вышиною въ обыновенный ростъ человѣка и холодна до крайности; но не сыра нимало, ибо она мѣловая. Мы вспомнили удивительную пещеру Кастлетонскую, въ Англіи, описанную Морицомъ такъ ужасно и такъ пріятно, что раздѣляешь съ нимъ каждую его опасность и каждое удовольствіе; вспомнили, и укорили своихъ соотечественниковъ равнодушіемъ къ *чрезвычайному;* ибо простое, обыкновенное любопытство не исключаетъ равнодушія.

Съ приближеніемъ къ монастырю показывается отъ мѣста до мѣста дневный

свѣтъ чрезъ маленькія окна пустыхъ келій, въ самой пещерѣ выработанныхъ и довольно просторныхъ. Стѣны ихъ исписаны именами посѣтителей, между которыми я нашелъ одно имя, мнѣ знакомое — дамское: тѣмъ пріятнѣе, и въ числѣ которыхъ мы оставили и свои. Наконецъ вошли въ церковь монастыря, высѣченнаго удивительнымъ образомъ въ каменной горѣ, и не имѣющаго никакой пристройки. Церковь не велика и не богата. Изъ нее пошли мы по открытымъ съ обѣихъ сторонъ переходамъ выше и выше — подъ самые кресты, и на всякомъ шагу останавливались, чтобъ любоваться живописнѣйшими ландшафтами. Свѣтлая и величественная рѣка, разнообразныя мысы, частые острова, тѣнистый ровный берегъ, разсѣянныя по лугамъ деревни, пестрѣющія стада — и все это подъ вами саженей на восемдесятъ. Ничего еще не видывалъ я лучшаго въ этомъ родѣ! И ежели монастырь Георгіевскій, или Греческій въ Крыму чуднѣе сего монастыря; то невообразимо! Но сравненіе ожидаетъ меня въ первомъ, и близость времени не допуститъ изгладиться въ памяти ни одной черты послѣдняго (*).

Не удовольствовавшись пещерою, монастыремъ, ландшафтами и проч., мы вска-

(*) Авторъ собирался ѣхать въ Крымъ.

рабкались на острую верхушку подоблачнаго холма, который выше самыхъ крестовъ монастырскихъ, и тамъ, оттуда я наслаждался видами и чувствомъ, которыхъ описать не умѣю.

Сказываютъ, что этотъ монастырь существовалъ во время перваго нашествія Татаръ; слѣдовательно существуетъ болѣе пяти сотъ лѣтъ. Пещера — сія настоящая катакомба древняго Рима — высѣченная въ оную же эпоху продолжительныхъ бѣдствій нашего отечества, вѣроятно служила, подобно какъ Римская первымъ Христіянамъ, не столько для спасенія души, сколько для спасенія отъ варваровъ. Въ монастырѣ нѣтъ никакой архивы, никакого описанія, когда и кѣмъ произведено сіе чудо рукъ человѣческихъ; изустное же преданіе говоритъ, что грабительскими руками Запорожскихъ витязей, которые, какъ извѣстно, были благочестивы!

Набожный Князь Потемкинъ, по одному изъ непостижимыхъ противорѣчій, составлявшихъ моральный и политическій характеръ сего чрезвычайго человѣка, уничтожилъ обитель Святогорскаго монастыря, и отдалъ его со всею принадлежавшею ему волостью одному изъ своихъ племянниковъ. Стѣны, обнесенныя вокругъ нынѣшней приходской церкви, разрушаются;

но время не разрушитъ самаго монастыря до тѣхъ поръ, пока не потрясется земля, не распадутся горы; и взирая на него, вспоминаете прекрасный Делиллевъ стихъ къ пирамидамъ Египетскимъ:

Leur masse indestructible a fatigué le temps.

И Святогорскій монастырь долго будетъ томить сего невидимаго разрушителя, именуемаго временемъ, ужаснымъ для всего существующаго подъ солнцемъ, и можетъ быть, для самаго солнца!

LI.

ПОХВАЛА БѢДНОСТИ.

Выше, въ слабомъ начертаніи мыслей моихъ о *бѣдности*, я сказалъ, безъ всякаго исключенія, что можно хвалить все, кромѣ бѣдности. Теперь нахожу неосновательность моего мнѣнія, и вижу свою ошибку. Желалъ бы загладить ее. Постараемся.

Съ тайнымъ удовольствіемъ сердца повторяю за Лагарпомъ (*): „Въ планѣ Про-

(*) Лагарпъ говоритъ это въ своемъ изящномъ опроверженіи *Кодекса Природы*.

видѣнія именно назначено, чтобы были бѣдные и богатые; самъ Богъ, Котораго всѣ слова суть истина, сказалъ: *Вы будете всегда имѣть бѣдныхъ между вами.* Сіе различіе состояній принадлежитъ въ началѣ къ порядку временному по самому свойству людей и вещей; и одни только Софисты, которыхъ всѣ слова суть ложь, могли вообразить общество, гдѣ не было бы бѣдныхъ, и дать имя филантропіи бреду тщеславія и глупости. Потомъ это же различіе состояній очевидно происходитъ отъ премудрости Божественной, которая соединяетъ толикія награды съ великою заповѣдію милосердія; и что значило бы сіе милосердіе, когда бы не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ? И такъ Богъ повелѣлъ бы невозможное въ томъ порядкѣ вещей, который мнимые мудрецы наши выдаютъ намъ за наилучшій! По щастію оптимизмъ ихъ — не иное что, какъ безуміе. . . . Я ограничиваюсь заключеніемъ, что должны быть, и будутъ всегда, бѣдные, по слову Божіему; ибо бѣдность есть случай къ заслугамъ для того, кто терпѣливо сноситъ ее, равно какъ и для того, кто вспомоществуетъ ей, и что Богу, Который любитъ насъ всѣхъ, и Который желаетъ всѣмъ намъ спасенія, свойственно подавать каждому изъ насъ средства угодить Ему."

Взгляните съ другой стороны на бѣдность и богатство: въ послѣднемъ всегда увидите суетность, гордость, высокомѣріе, властолюбіе, а нерѣдко жестокость и тиранство — пороки, противные Небу и человѣчеству; въ первой смиреніе, кротость, покорность, чувствительность — добродѣтели, любезныя Небу и человѣчеству.

Бѣдность уважаетъ священныя обязанности людей, нѣжныя связи сердца; богатство презираетъ тѣ и другія. Изъ нѣдръ бѣдности проистекаютъ польза и удовольствія общества; въ нѣдрахъ богатства употребляется во зло то и другое. Бѣдность есть источникъ всѣхъ талантовъ; богатство есть гнѣздо грубаго невѣжества. Бѣдный, въ сокрушеніи своемъ, прибѣгаетъ къ покрову Всемогущаго, радостно вѣритъ новой лучшей жизни, утѣшается будущими наградами правосудія; богатый, въ наслажденіяхъ своихъ, забываетъ, что онъ смертный и что все временно и тлѣнно. Бѣдный, съ дурною нравственностію, ограниченъ въ способахъ ко вреду себѣ и ближнему; богатый не имѣетъ, въ такомъ случаѣ, никакихъ предѣловъ, или всѣ легко переступаетъ. Щастливъ бѣдный, что при развращенныхъ чувствахъ онъ — бѣденъ. Щастливъ богатый, есть ли *милосердіе* преимущественно располагаетъ

его богаствомъ! Но много ли такихъ между богатыми? Но многіе ли изъ богатыхъ *внидутъ въ Царствіе Небесное?* Врата его отверсты *нищимъ.* Бѣдность *тамъ* обогатится!

LII.

ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ ТРОИЦѢ.

Время уноситъ съ собою всѣ скорби сердца, равно какъ и всѣ его радости; но время такъ тяжело, такъ медленно въ первомъ случаѣ, что кажется неподвижнымъ! Путешествіе ускоряетъ ходъ его, подвязываетъ ему крылья и удаляя насъ отъ мѣстъ, оставляемыхъ нами, удаляетъ отъ самой горести: такъ по крайней мѣрѣ воображаемъ, или лучше сказать чувствуемъ, когда судьбѣ угодно бываетъ послать скорби сердцу нашему.

Съ обществомъ друзей моихъ, огорченныхъ потерею, чувствительнѣйшею для *отца* и *матери*, поѣхали мы къ Троицѣ, которую — какъ говоритъ г. Карамзинъ — посѣщаютъ и въ радостяхъ и въ горестяхъ. Мудрено ли? — „Когда Москва и окрестности ея представляли ужасъ язвы,“ говоритъ сей же Писатель-Историкъ „когда

всѣ деревни на Троицкой дорогѣ, и даже здѣшнія слободы были опустошены ею, — ни одинъ человѣкъ не заразился въ монастырѣ, отворенномъ для всѣхъ молельщиковъ, которые толпами приходили въ него." — Святость Лавры уврачуетъ конечно и язвы сердца!

Путешествіе къ Троицѣ есть одно изъ пріятнѣйшихъ небольшихъ путешествій, а особливо въ Маѣ мѣсяцѣ: онъ былъ временемъ нашего путешествія. — Безпрестанно видишь ѣдущихъ, или идущихъ туда, или оттуда.

Тотчасъ, выѣхавши изъ Москвы — „на ту дорогу, по которой столь часто Цари Руские ѣзжали и ходили на богомолье" — мы раскрыли *Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ* (*); съ жадностію искали *памятниковъ прошедшаго;* но — увы! — *рука человѣческая* дерзнула разрушить ихъ! Надлежало довольствоваться *воспоминаніями.* Есть ли въ свѣтѣ другая дорога, на которой бы можно было столько вспоминать, мыслить и чувствовать? Малое разстояніе между Москвою и Троицею заключаетъ въ себѣ множество важнѣйшихъ эпохъ нашей Исторіи; ѣдешь и бесѣдуешь съ Донскимъ Героемъ

(*) Смотр. Сочиненія Карамзина, Томъ 9 послѣдняго изданія.

съ Грозными Іоаннами, съ добрымъ Михаиломъ, съ Великимъ Петромъ, съ Царицами и Царевнами, съ вѣрными слугами Отечества и проч. и проч.

По слѣдамъ нашего Исторіографа мы пришли къ одному изъ монументовъ Екатеригининой благодѣтельности, — къ Мытищскимъ колодезямъ, любовались видомъ ихъ и пили кристальную воду; чувства благодарности къ незабвенной Матери Отечества превращали сію воду въ сладостнѣйшій нектаръ! — Дамы нашего пилигримскаго общества раздѣляли съ нами патріотическіе восторги.

Въ Хатьковѣ дѣвичемъ монастырѣ мы поклонились гробу родителей Святаго Сергія и служили панихиду. Для меня очень трогательна мысль, что должно напередъ поклониться симъ щастливѣйшимъ родителямъ, а потомъ уже великому ихъ сыну. Святый Сергій взираетъ конечно съ благоволеніемъ на исполненіе сего набожнаго долга. Наконецъ открылся взорамъ нашимъ *Руской Палладіумъ* — Троицкая Лавра. . . Взъѣхавъ на гору Волкушу, мы читали съ живѣйшимъ удовольствіемъ о достопамятности ея, и сердечно благодарили знаменитаго нашего соотечественника за его прекрасное и полезное сочиненіе (*).

(*) *Историческія воспоминанія и замѣчанія на пути къ Троицѣ.*

Къ Троицѣ мы пріѣхали уже поздно. Спокойная квартира служила намъ отдохновеніемъ, нужнымъ для новыхъ движеній, физическихъ и моральныхъ (*). — Майское утро, самое тихое, теплое и свѣтлое, было первымъ пріятнымъ впечатленіемъ, съ которымъ вошли мы въ ограду монастырскую. Глаза наши тотчасъ устремились на монументъ *четырехъ вѣковъ*, и мысль повторила: „Которые привѣтствуютъ васъ —

„Одинъ съ угрюмостью своей,
„Другой съ улыбкою веселой (**)!"

Не останавливаясь ни надъ чѣмъ, мы вступили въ храмъ святости Божественной и человѣческой: Сергій, Никонъ, Іоасафъ, Авраамъ (***) соединяли добродѣтели небесныя съ добродѣтелями земными. Благоговѣніе приводитъ ко гробу ихъ и святочтимость преклоняетъ предъ ними колѣна. — Осмотрѣвши все достойное любопытства въ Троицкомъ Соборѣ, который непрестанно украшается дарами благочестія, мы пошли въ маленькую церковь преподобнаго Михея, келейника Сергіева, и

(*) Мы всѣ были тогда въ первой еще разъ у Троицы.

(**) *Историческія воспоминанія*, и проч.

(***) Гробы первыхъ четырехъ въ одной церкви, т. е. въ Троицкомъ Соборѣ; но гдѣ покоятся кости сего ревностнѣйшаго Патріота — не извѣстно. Что нужды! сердце кладетъ ихъ подлѣ великихъ его сподвижниковъ на поприщѣ добродѣтелей.

поклонились гробу его; потомъ въ часовню, гдѣ стоитъ гробъ ученаго Грека Максима, *еще болѣе добродѣтельнаго, нежели ученаго.* Съ чувствомъ живѣйшаго прискорбія читалъ я краткую исторію нещастной жизни его, вырѣзанную на мѣдной доскѣ, утвержденной при входѣ въ часовню. Ссылка самая жестокая была ему наградой за важныя услуги, оказанныя имъ нашему отечеству и литтературѣ. Такова по большой части судьба людей полезныхъ, добродѣтельныхъ!

Но съ какими чувствами смотрѣлъ я на врастающую въ землю полатку, гдѣ погребена фамилія Годуновыхъ. Какъ! подъ этою низенькою кровлею, на этомъ тѣсномъ разстояніи вмѣщается Годуновъ съ своею фамиліею! Годуновъ, который по величію духа отвергалъ корону и согласился принять ее по одному только снисхожденію (*); который въ нѣсколько недѣль собралъ болѣе 20,000 воиновъ: армія, какой еще никогда въ Россіи не видали; Годуновъ, который цѣлыя шесть недѣль угощалъ ежедневно 10,000 человѣкъ, въ богатыхъ ставкахъ, на серебреныхъ блюдахъ; Годуновъ, который удивлялъ иностранныхъ Министровъ велелѣпіемъ Двора, давалъ убѣжище Принцамъ, сажалъ Царей

(*) Исторія приписываетъ сей поступокъ *хитрости*. Но *хитрость* такого рода свойственна единственно людямъ необыкновеннымъ.

на троны, строилъ города и крѣпости; который безъ побѣдъ заставилъ Европейскія Державы уважать Россію болѣе прежняго; передъ которымъ благоговѣли Послы Сигизмунда III, Королей Датскаго и Шведскаго, Елисаветы Англійской, славныхъ городовъ Ганзейскихъ, надменнаго Папы, Императора Рудольфа и наконецъ завоевателя восточнаго, Персидскаго Шаха Абасса!... Царь Годуновъ, о которомъ Петръ Великій отзывался съ уваженіемъ и котораго имя самъ Царь Михаилъ велѣлъ сохранить на Иванѣ Великомъ (*)!... О ничтожность власти, славы и могущества человѣческаго! о превратность судьбы и щастія!... И величайшія колоссы изъ смертныхъ, подобно какъ самые безвѣстные между ними, покрываются горстью пыли, — исчезаютъ, рано или поздно, даже до имени, даже до памяти!... И ты, любезная и нещастная Ксенія! и ты сотлѣла здѣсь, не узнавъ ни одной изъ тѣхъ радостей, которыя обманчивая судьба обѣщала тебѣ, на которыя имѣла ты всѣ права, и въ одно и то же время испытала нѣсколько ударовъ ея, самыхъ лютыхъ, самыхъ ужасныхъ!... И ты, юный и прекрасный Ѳеодоръ! сведенъ сюда рукою смерти, тогда какъ думалъ, что твердо возсядешь на тронѣ!... Да будетъ же вамъ

(*) *Историческія воспоминанія.*

лучше на небесахъ, нежели какъ было на землѣ!

Мы подходили къ высокому каменному обелиску, сооруженному Митрополитомъ Платономъ на томъ мѣстѣ, гдѣ — какъ думаютъ — погребенъ Авраамъ Палицынъ, и читали описаніе четырехъ эпохъ славы и услугъ, оказанныхъ Россіи Троицкою Лаврою; пили легкую, здоровую воду изъ чудеснаго колодезя, и узнали о любопытномъ его происхожденіи, прочтя описаніе онаго на печатномъ листѣ, висящемъ на стѣнѣ зданія, представляющаго часовню, внутри котораго находится колодезь. Во дворцѣ разсматривали алебастровыя изображенія почти всѣхъ нашихъ Князей и Государей; лѣпную работу новѣйшаго времени; барельефы, которые представляютъ побѣды, одержанныя Петромъ Великимъ, и затверживали надписи, изъ которыхъ многія довольно остроумны. — Сколько мыслей, сколько чувствованій раждается въ одну минуту при такихъ предметахъ! какая пища для ума и сердца! — Потомъ сошли въ примыкающій ко дворцу садъ, обнесенный, равно какъ и дворецъ, монастырскою оградою, и гуляли въ тѣнистыхъ его аллеяхъ; потомъ въ другой садъ, большой плодовитой, находящійся внизу подъ оградою съ пріѣзда отъ Москвы; наконецъ взошли на длинную открытую галлерею, воз-

вышающуюся надъ оградою, и плѣнялись живописными окрестностями. Лавра имѣетъ всѣ выгоды и всѣ удовольствія, какія только монастырь имѣть можетъ. Но какой монастырь въ мірѣ заслуживаетъ болѣе всѣ преимущества!

Будучи въ Успенскомъ Соборѣ, мы вспомнили о единственной въ свѣтѣ *Лифляндской* Королевѣ, Марѳѣ Владиміровнѣ, двоюродной племянницѣ Царя Іоанна Васильевича, погребенной въ семъ Соборѣ.

Въ заключеніе всего мы смотрѣли ризницу и удивлялись ея богатству. Рукодѣлія Царицъ и Царевенъ отмѣнно занимаютъ воображеніе. Оно переселяетъ въ ихъ высокіе теремы, представляетъ вамъ простые, безъ сомнѣнія не краснаго дерева, пяльцы, а за ними рѣдкихъ красавицъ.... Я забылъ и о жемчугахъ и о брилліантахъ, которые были передъ моими глазами, предаваясь чувствованіямъ, которыя были въ душѣ моей. *Руской* желтой шафтяной кафтанъ, висящій одинъ въ особенномъ шкапѣ, вывелъ меня изъ мечтанія и — погрузилъ въ другое. Съ неописаннымъ внутреннимъ движеніемъ я прикоснулся къ сему кафтану, изношенному до дыръ, и подбитому синею крашениною: онъ Царя Іоанна!... Сего грознаго Іоанна, который игралъ судьбою Принцовъ, жаловалъ ихъ въ Коро-

лй и потомъ бралъ въ плѣнъ, давалъ имъ города и снова отнималъ ихъ; Іоанна, который былъ *грозенъ* для своихъ и для иноплеменныхъ, и съ именемъ котораго представляется воображенію слава Россіи на прекрасной зарѣ своей, въ первомъ величественномъ блескѣ! . . . Оборачивая сію священную одежду въ рукахъ моихъ, я думалъ съ восторгомъ: „Она была на раменахъ побѣдителя Царей и Царства Казанскаго! . . . Можетъ быть прелестная Анастасія отдавала тить ее! . . . Можетъ быть слезы нѣжности и восхищенія чувствительной и щастливѣйшей подруги смывали кровавыя брызги съ этой одежды Героя! . . .“ Мнѣ долго не хотѣлось выпустить ее изъ рукъ.

Маленькая простуда одной изъ нашихъ дамъ встревожила заботливаго ея супругу, который пожелалъ возвратиться скорѣе въ Москву, и лишила насъ удовольствія видѣть монастырь, именуемый *Виѳанія*, въ память Виѳаніи Библейской, — монастырь, достойный любопытства по прекрасному его мѣстоположенію и по особенной архитектурѣ и необыкновеннымъ украшеніямъ церкви. Онъ весь видѣнъ съ большой Московской дороги, и мы любуясь имъ издали, не переставали сожалѣть, что не были въ немъ, а особливо когда *причина* оказалась, въ продолженіе пути, не

важною. Но для того, кто *любитъ*, нѣтъ *неважнаго*, что касается до предмета любви его! . . . Во весь обратный путь я невольно мечталъ о томъ, что видѣлъ, что думалъ, что чувствовалъ.

Конецъ Первой Части.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

2 vols
Neij
617,45 Re

Šalikov, Petr I.

Sočinenija

Bd.: 1. Proza. - 1819. - 248 S.

Moskva 1819

4 P.o.russ. 4 o-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10530336-1